

84(2=411.2)6

К 519

Николай Бакалов

Рифмы Севера

12+

Николай Бакалов

Рифмы Севера

Государственная
библиотека
Югры

0Э

Государственная
библиотека
Югры

КО

Советский
2012

- 0177089 -

84(2Рос=Рус)6К
Б19

Бакалов, Н. Я. Рифмы Севера : поэзия и проза / Н. Я. Бакалов.
– Советский, 2012. – 184 с.

О себе

Предлагаю читателю свою очередную книгу «Рифмы Севера», в связи с чем я бы хотел напомнить о своей творческой биографии, которая связана с моей жизнью на Севере.

Сам я родом из Воронежской области. Родился и вырос в селе Колодежное, что вольно раскинулось на правом берегу реки Дон. Убежден, что окружающая красота природы преимущественно и формирует в человеке творческое начало.

Однако судьба распорядилась таким образом, что я пошел учиться в техническое училище. По окончании которого, я получил специальность «Кузнец» и был направлен на Урал на Магнитогорский металлургический комбинат. Но вскоре поняв, что черная металлургия не для меня, поступил на лесоинженерный факультет Уральского лесотехнического института. После его окончания работал на предприятиях лесной промышленности.

В 1968 году вместе с семьей переехал в поселок Малиновский. В течение 27 лет проработал на разных инженерных должностях. Более 30 лет был внештатным корреспондентом газеты «Путь Октября». Писал на производственные темы, о людях труда.

Постепенно я увлекся поэзией. Отправной точкой в поэтическом творчестве я считаю 1981 год, когда страна отмечала 600-летие Куликовской битвы. Мне захотелось написать поэму об этом событии. Что я и осуществил. Поэма была опубликована в районной газете «Путь Октября». А ко мне пришла слава поэта в масштабах конторы леспромхоза. Ко мне стали обращаться сослуживцы с просьбами написать стихотворение к тому или иному событию, юбилею. Время от времени на меня находило вдохновение и я сочинял стихи на разные темы. Таким образом, на сегодняшний день мною издано два сборника стихов, сборник прозы «Встреча с интересным человеком» и поэма «Куликовская битва».

От всей души я благодарю спонсоров издания моей книги.

Н. Бакалов

Скачкову - 85!

Прими, мой брат, букет из пожеланий
В твой день рожденья - в 85:
Здоровым будь при ясности сознания,
Чтоб мог ходить без скрипа и писать.
Чтоб мог остатком жизни наслаждаться
Без суеты, без страха и без мук,
И чтоб ты мог искусством заниматься
И забывать при этом свой недуг.
Не жди конца - прогноз заложен в генах.
Их дал тебе наш славный дед Федот.
Хвали творца, что ты живешь с Еленой
Так много лет, как мало кто живет.
Благодари Всевышнего за милость -
Жестокий век помог он пережить.
После войны любовь к тебе явилась,
И с ней детей смогли вы народить.
В боях, в трудах тяжелых и упорных
Ковал ты счастье и достиг его.
Оно в движенье, словно в море волны -
Сегодня пик, а завтра ничего.
Но мы живем. Пока хотим и верим.
Нам жизнь дана, подобных чтоб создать.
И коль прошли мы продолженья двери
Остаток жизни - божья благодать.
Не паникуй, не опускайся духом.
Когда возникнет где-то в теле боль
Переходи на воду и краюху
И исключи на время в пищу соль.
Ни странно как, но старость голод лечит.
Вредны здоровью в клетках жир и шлак.
И алкоголя чарка боль облегчит.
А все таблетки брось как мусор в бак.
Есть исключенье, правда, для сосудов -

Рифмы Севера

Пилюли сердца надобно глотать.
Брат, извини. Я впредь тебя не буду
Своим советом скучным утомлять.
Я отошел от темы юбилея...
Чтоб мне еще Скачкову пожелать?
Благополучья Вале и Сергею.
И вашим внукам, что желает мать.
Живите долго в счастье и здоровье
И очищайтесь в храме от грехов.
По мелочам в сердцах не хмурьте брови.
Твори добро - девиз моих стихов.
Есть семь грехов, что смертными считают:
Скаредность. Зависть. Гнев. Обжорство. Блуд.
Унынье. Гордость. И от них страдает
В большом числе наш православный люд.
Твори добро. Подай копейки нищим.
И не завидуй новым русским, брат.
Все на земле для смерти служит пищей
И богачам не видеть райских врат.
Лечи молитвой душу свою в храме.
В ней все ключи здоровья твоего.
Освобождайся от тревог делами,
В которых нет пороков и врагов.
Пиши стихи, коль вспыхнет вдохновенье,
А если нет - философов читай...
Не отвергай Сенеки утвержденья,
Что жизнь вернется с чистого листа.
Душа вернется к новому Скачкову
Через века в спиралях бытия.
Там для него все тело будет новым
И только старым утвердится «Я».
Замкнется круг в природе родословный.
Героем станет снова твой двойник.
Но не войны. А дней, трудами полных,
Забудет память сталинские дни.

Николай Бакалов

Жизнь долговечной будет и красивой,
Где добровольно будут умирать.
И будет смерть мгновенная счастливой
И будет вновь душа тебя искать.
Ты скажешь: «Сказки эти против Бога».
Но мудрецы те жили до Христа.
И не суди, мой брат, Сократа строго.
Его вела к религии мечта.
Есть у меня о нем своя поэма,
Наверно, ты давно ее читал...
Но мы закроем, брат, и эту тему,
Чтоб ты читать меня не перестал.
А я б хотел воскреснуть вновь когда-то.
Земля ведь рай, когда цветут цветы.
Когда нет войн и не летят гранаты
В любовь, в детей и в светлые мечты.
Народы стран обязаны Скачковым
За мирный труд и за небесный гром...
Герой войны! Тебя я славлю снова.
Да будет вечным наш российский дом.
Да будет Дона тихое течение
Ласкать твой взор и прошлое будить.
И если там лежать - твое решенье,
Проси Христа его благословить.

2010 г.

Лидии Леонидовне Бакутовой в честь юбилея

Вот это женщина! Мужчинам всем пример!
Твержу я этот тезис постоянно,
Во всех делах она борец и пионер,
И люди ей за это благодарны.

Рифмы Севера

Когда она у вас главой была,
Она решила многие задачи,
И первая в районе провела
В поселке газ и жизнь с ней стала ярче.

На пенсии по-прежнему она
Работает на благо ветеранов,
По-прежнему ее душа полна
Заботами и морем добрых планов.

Дай Бог, чтоб все мечты ее сбылись,
Чтобы она не знала лихолетья.
И чтобы мы здесь снова собрались
На ее праздник в юбилей столетний!

03.03.2010 г.

Журналисту

Есть дороги и есть пути.
Путь, как правило, бездорожье.
По нему мы должны пройти
К светлой цели по воле Божьей.
Путь, возможно, далек и тернист.
И зверье поджидает в засадах.
Будь готов ко всему, журналист,
Потому что есть слово НАДО!
Слово правды неси до конца,
В зной и в стужу неси до упаду.
И когда оно вспыхнет в сердцах –
Выше нет для тебя награды.

Январь 2009 г.

Розовощекий закат

Розовощекий закат
Сел на верхушки деревьев.
Шлет он прощальный мне взгляд
Ласково-грустным гореньем,
Вот уж последним лучом
Ярко меня озарило
И за седым кедром
Скрылось лисою светило.
Сумрак пока еще сер,
Вспыхнула зорька далече,
Так бы смотрел и смотрел
Я на таинственный вечер.
Вдруг потемнел небосвод.
Миру покоя желая,
Звезд надо мной хоровод
Свечи свои зажигает.
Долго не буду я спать
Жизни итог подбивая,
Может быть этот закат –
Точка моя роковая.

Январь 2009 г.

Советским поэтам

В библиотеке безвозмездно
Мне дали книжек два мешка.
- Они уже не интересны -
Сказала «ЗАВ», зардев слегка, -
Мы их по ветхости списали.
Поэты здесь из СССР,
Читать их люди перестали.
И портит вид их интерьер.
Принес домой я груз бесценный,

Рифмы Севера

Две сотни душ в страницах книг,
И будто свежестью весенней
Дохнул в лицо мне каждый стих.
Поэты с гордостью глядели
Из каждой книги на меня,
Они понятия не имели,
Что всех их спас от казни я.
Мои ровесники и старше,
Душ человеческих творцы
В цехах писали и на марше
И как писали - молодцы!
У них нам надобно учиться,
Чтобы Россию возродить.
Мы их духовные страницы
Должны от спеси оградить.

Январь 2009 г.

Юбилей

Мне шесть десятков – юбилей,
Скорей, печальный, чем веселый.
Мой колосок давно созрел
Тугой, янтарный и весомый.
Его я нежно разомну
И посажу на зиму зерна,
Чтоб они встретили весну
Моим желаниям покорны,
Ковром чтоб ярким проросли
И дали новые колосья,
Чтоб счастье людям принесли,
И все заветное сбылось.
Возможно, новый урожай
Мне убирать и не придется...
Моя бессмертная душа
В нем добрым словом отзовется.

Октябрь 2008 г.

**Как эта женщина
прелестна**

Зачем судьба со мной жестока?
Зачем порой немолодой
Она чрез образ черноокий
Меня пытается красотой?

Как эта женщина прелестна!
Умна и телом идеал,
Звучат прекрасно ее песни
Осуществляя божий дар.

Всё просто в ней и гармонично,
Высок души ее полет,
Она добра и эстетична,
Но счастья ей не достает.

Любви в супружестве ей мало –
Как птица вольная она
По сердцу ищет идеала,
С кем в небесах обручена.

А Вы красивая, Татьяна,
О, Ваши жгучие глаза!
В них светит ум улыбкой тайной
И скрыта грустная слеза.

В гремучей смеси Вашей крови
Кипит избыточная страсть...
Дай Бог, любви Вам и здоровья,
А остальное даст Вам власть.

2006 г.

Рифмы Севера

Виктории

Виктория! Что в имени твоём?
Печать судьбы, иль память о сраженьях?
Победы праздник чувствуется в нем
И день грядущий радостных свершений.

Не тихим девам имя то носить,
В нем дух борьбы всю жизнь сопровождает,
Стремясь вокруг все цели поразить,
Он иногда Богиню поражает.

Меня смущают женщин имена,
В которых нет ласкательного слога,
Хотя быть может солнышком она,
А имя Вика - это тоже строго.

В залог знакомства экскурс небольшой
Я совершил в мир древних наречений...
Читал я где-то: трепетной душой
Наделены Виктории и Лены.

А потому я в творческий союз
Готов войти совсем не ради славы...
Как не хватает мне прекрасных муз,
И потому обидно за Державу.

Мире Сергеевне Егерт

Какое мужество имеет Егерт Мира,
Чтоб столько в жизни горя пережив,
Считать себя счастливой в этом мире
И о прошедших бедах не тужить.

Николай Бакалов

А может это гордости бравада,
Чтобы судьбу хоть чем-то оправдать,
И за страданья лучшая награда -
Себя счастливой людям показать.
Но хорошо, коль дни в итоге светлы,
Мы верим в чудо, боль свою тая.
Уносит боль времен минувших ветры,
И Миру ждали хвойные края.
Года и даль любое горе лечат.
Но три могилы силы унесли.
Остался сын, но хворь его калечит,
Его терять ей Боже упаси.
Живет надеждой, верой, оптимизмом,
И продолжает доброе творить.
Как сон прошла эпоха коммунизма.
Советской школы Мира не забыть.
Она горда, что тысячи питомцев
Живут в стране с теплом ее души....
Собрать бы всех их под сибирским солнцем
И посмотреть на пап и мам больших.
Учитель помнит всех их поименно
И под усами лица узнает.
Проходит ночь порой от дум бессонно,
А утром вновь забот уж полный рот.
Кого-то надо с праздником поздравить,
Кого-то в путь последний проводить,
В стихах людей заслуженных прославить
И за здоровьем некогда следить.
Так в суете день быстро пролетает,
Гипертонию надо ублажить -
Во рту таблетка коренфара тает
И вновь искусству можно послужить.
В ДК поют и пляшут ветераны,
Для пожилых общенье капитал,
Им посмотреть бы на другие страны,
Но их доход от пенсий очень мал.

Рифмы Севера

И нет у Миры времени, поверьте.
Судите сами счастье ее в чем?
Да в той же самой жаркой круговерти,
Как будто гонит Миру кто кнутом.
А в ней потребность саморазрядиться
И утвердить свой статус как пример.
Заслуженным учителем гордиться
Не зря и ветеран, и пионер,
Ах годы, годы! Где вы золотые?
Как жизнь несправедливо коротка!
Идут на смену Мире молодой.
Да будет их дорога широка!
Да будут жить они в благополучье,
Не знать ни войн, ни голода детей.
Да будет наша Родина могучей,
Счастливей будут пусть потомки в ней.

03.08.2009 г.

Размышления о старости

Нет, старость наша не в годах,
Она в сознании человека:
Иной дожил почти до ста,
А дашь ему всего полвека.
Его глаза еще блестят,
И не отвык он улыбаться,
И гостю он как прежде рад,
И хобби может увлекаться.
С ним интересно посидеть,
Поговорить за чашкой чая,
Он любит песни еще петь,
В суставах боль не замечая.
Его волнуют все дела -
В семье, в стране и на планете,

Николай Бакалов

Ведь жизнь еще не отцвела,
И хорошо так жить на свете...
Пусть немощь клонит на кровать,
А сериал смыкает веки -
Душа и мозг должны давать
Опору телу человека.
Работой их займи сполна -
Кроссворды, игры, песни, чтение,
Нелишне выпить и вина -
Не дай душе стареть от лени.
В ответ она тебя спасет,
Помолодев от напряженья,
И вновь любовь к тебе придет,
И обретешь ты увлеченья.
Но если к жизни потерял
Ты интерес и удивленье,
То значит, ты свое в ней взял -
Пришло глубокое старенье.
А там всего один лишь шаг
От пессимизма до могилы.
Когда отвержена душа
Теряет быстро тело силы.
Не дай мне, Бог, тлеть дряхлым пнем
Средь мягкой мебели в квартире.
Гори, душа моя, огнем,
Пока живу я в этом мире.

01.08.2007 г.

Бересклет

Я на кустик бересклета
Свой платочек повязал,
Чтобы следующим летом
Бересклет меня узнал.
Год прошел. Туманом встретил

Рифмы Севера

Меня сельский уголок -
Подхожу я к бересклету,
А на нем еще платок.
Яркий, шелковый, красивый,
По каемке с кружевой,
И такой веселый, синий -
Словно небо надо мной.
Аромат благоуханный
Источает тот платок.
Вижу надпись на нем «Анна»
И завязан узелок.
В узелке нашел записку:
«Дай мне счастье, бересклет».
Видно Анна фаталистка,
Видно парня у ней нет.
Возвратился я в деревню
С целью даму ту найти,
Если счастье от деревьев,
Значит с ней нам по пути.
В крайнем доме обветшалом
Жил мой дедушка вдовец.
Анн душ восемь насчитал он,
Три - готовых под венец.
Протянулась возле речки
Деревенька в сорок хат.
Я иду, стучит сердечко,
Будто в чем-то виноват
Вот и домик третьей Анны -
Дверь открыла красота.
Я стою пред ней как пьяный:
- Здесь живет моя мечта?
- Никакой мечты здесь нету,
Вы откуда, кто такой?
- Вам привет от бересклета,
А живу я под Москвой.

Третий раз рассказ мой льется
Про платок из синевы...
А она в ответ смеется:
- Значит суженый мой - Вы.
Да, намедни я ходила
На опушку в тот лесок
И на кустик прикрепила
Рядом с чьим-то свой платок...
Хочешь верь - не верь приметам,
Мой читатель, но вот факт:
Куст зеленый бересклета
На любовь мне дал мандат,
В счастье с Анной синеокой
В подмосковье мы живем.
Бересклет наш стал высоким
Возле дома под окном.

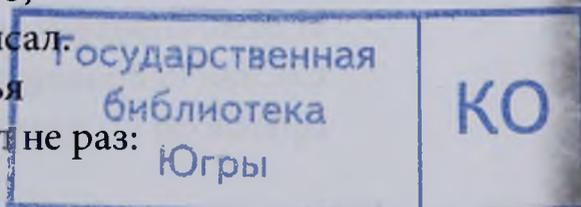
Март 2007 г.

Таёжные фантазии

Дети радостно со смехом
Прибежали на перрон -
«Петр Чайковский к нам приехал
Посмотреть на школьный дом».
Вот из поезда выходит
Худощавый старичок,
Он одет по старой моде
В дирижерский сюртучок.
Громко музыка играет,
Но нигде оркестра нет...
Дети к гостю подбегают
И дарят цветов букет:
«Мы вас знаем, деда Петя,
Композитор вы большой,
Самый милый вы на свете,

Рифмы Севера

Мы вас любим всей душой».
Прослезился даже гений,
Здесь не Питер, не Москва,
Край медведей и оленей,
А такие вдруг слова.
И в таежной школе новой
Появился только он,
Сразу Иры Кузнецовой
Красотой был поражен.
- Вы не Керн? - спросил Чайковский.
- Что вы, век у нас другой,
Здесь не центр, а край Югорский,
Композитор дорогой.
И про «чудное мгновенье»
Заиграл ее рояль,
Слушал гость Ирины пенье,
Уносясь мечтами вдаль.
- Bravo, барышня! Чудесно! -
Композитор весь сиял...
- Вас так слушать было лестно,
Больше века я Вас ждал.
И Ирина покраснела
- Ей приятна похвала
И еще прекрасно спела
На Бакалова слова.
А теперь сыграют детки,
Здесь мои ученики,
Музыкальные заметки
С Вашей творческой руки.
Зазвучали пианино
И запели голоса.
Исполняли дети дивно,
Что Чайковский написал.
А он после исполненья
С чувством так сказал не раз:

- Ах, какое наслаждение
Слушать мне, ребята, вас!
И катились в умиление
Слезы гения из глаз.
- Петр Ильич, попейте чаю.
- Что ж, спасибо, господа!
Я оркестр свой обещаю
Подарить вам навсегда.

02.02.2008 г.

Роковой выстрел

(Памяти Надежды Аллилуевой)

Раздался в квартире вождя
Таинственный выстрел негромкий,
И пуля, сквозь Надю пройдя,
Ушла рикошетом в потомков.
Никто уж не мог ей помочь -
Достала семейная драма.
Кто знает - не эта ли ночь
Родила в супруге тирана?
Лишившись любимой жены,
Иосиф женился на власти.
Работал, как вол для страны,
Как зверь нес он людям несчастья.
Вину за жену возложил
Вдовец на свое окружение,
Он мстью и ревностью жил
И в казнях искал утешенье.
Огромной страны фараон.
Придумывал новые кары,
И даже соратников жен
Сослал исправляться на нары.
Врагов он по плану полон

Рифмы Севера

На поле несчастной Отчизны,
Железной рукою вождь вел
Народы ее к коммунизму.
Он этого строя модель
Лепил из кровавого теста -
В борьбе за высокую цель
Любые использовал средства.
Страной нелегко управлять,
Во всем вековая отсталость,
Индустрию надо ковать,
Крестьянство колхозов пугалось.
ГУЛАГ уж распух от врагов,
И требует средств оборона.
Проблемы, проблемы кругом,
Тяжелое бремя - корона.
В трудах пролетают года
С бессонной негаснущей трубкой,
Но помнит Иосиф всегда
Надежду свою незабудку.
Свободный лишь выпадет час -
Летит к ней орел на свиданье,
Где мокрых не сводит он глаз
От лика жены изваянья.
Однажды подслушала речь
Охрана вождя на могиле:
- Я рядом хочу с тобой лечь,
Нет женщины более милой.
Одна лишь есть ты у меня,
Все видят как я тебе верен,
Не знаю счастливого дня
С твоей безвозвратной потерей.
И даже в годину войны,
В тревожные дни отступленья
Главком на могилу жены
Клал часто живое цветенье.

Николай Бакалов

Для Сталина богом была
Его дорогая Надежда,
Она ему силы дала
В суровые дни безнадёжья.
В историю Сталин вошел
Как деспот, как столп коммунизма,
Марксисту никто не зачел
Несчастье его аскетизма.
Отлитый из стали тиран,
Отец всех времен и народов
Имел чуждый власти изъян:
Любил он Надежду до гроба.
Но мертвых любить тяжело,
Другой не нашлось на планете.
Без ласки свирепствует зло -
Какой-то психолог заметил.
Вот пища для тонких умов:
Как в сердце одном человека
Нашла себе место любовь
Средь тяжких пороков генсека?
Овца среди стаи волков
Невольно приходит сравненье, -
Та кротость для острых клыков
Лишь голода есть утоленье
И вот представляется ночь -
Работает вождь в кабинете.
Спешит он врагов истолочь -
Все казни идут на рассвете.
Расстрельные списки в дыму -
Пыхтит своей трубкой хозяин,
Сегодня «врагам» никому
Пощады не дарует Сталин.
И подпись - добро на расстрел
Он ставит державной рукою,
Вождь лучших людей не терпел,

Фильмы Севера

От них нету власти покоя.
Была непокорной жена,
На все свое мненье имела
Возможно те списки она
Чуть позже порвала бы смело.
Был твердым грузин-большевик,
Но тверже была большевичка,
Казалось орлу - он велик,
В глазах ее Коба был птичкой.
Он был для Надежды как все
Мужья, содержащие семьи,
Но камень не сдался косе -
Супругом он был партсистемы.
Их дети росли в стороне,
Иосиф был пленником власти,
Себя отдавая стране,
Жене приносил он несчастья.
Однажды он ей нагрубил
В гостях у наркома Клемента,
И прелесть Кремля погубил -
Подругу свою диссидента.
Но миру урок преподавал
Наш вождь, заболев паранойей:
Пролив море крови вандал,
Мог править бы мудро с женою.

Декабрь 2006 г.

Абориген

Абориген ждал сына много лет,
Корил жену, что девочек рожает...
Мужчина в тундре - бытия хребет,
Вопросы жизни он семьи решает.
И вот супруга снова родила,
Четвертый раз и... снова пол некстати,

Николай Бакалов

И как была малютка не мила,
Отец дал имя этой дочке «Хватит»,
Все имена придумывал он сам:
«Сиянье Снега» - первая дочурка,
Второй дал имя «Пьяная Весна»,
А третью он назвал «Собачьей Шкуркой».
Он и себя назвал «Абориген»,
Хотя отец дал имя ему «Умный».
Быть равным среди всех он захотел,
И совместил названия разумно.
Но «Хватит» - значит хватит дочерей,
Наследника так хочет наш туземец...
Держать оленье стадо все трудней,
Касланить женщин не заставит ненец.
Абориген страдал от горьких дум,
Пошел просить совет он у шамана,
А тот послал его в соседний чум,
Жила вдова там, молодая Анна,
- Второй женой возьми ее себе.
На помощь добрых вызову я духов,
И перелом придет в твоей судьбе -
Шептал шаман несчастному на ухо.
И, совершив шаманский ритуал,
Колдун сказал, что мзды ему не надо.
Но если сын родится - капитал
Отец шаману передаст в полстада.
Не веря в счастье, наш Абориген,
С условием кабальным согласился,
И молодой жене он сдался в плен,
Точнее, в тот же день на ней женился.
А через год и радость и беда:
Жена вторая близнецов рождает.
Двух сыновей - логично без труда
Теперь шаман все стадо забирает.
Как без оленей жить большой семьей?

Рифмы Севера

Охота в тундре не всегда удачна
Бывает стужа страшная зимой,
Рыбачить - тоже перспектива мрачна.
Пошел к шаману вновь Абориген
И попросил не забирать полстада,
А за оленей этих он в обмен
Дает шаману сына для пригляда.
Колдун был стар, он не имел детей,
И потому ответил окрыленный:
- Лет до пяти пусть подрастет пострел,
Затем он будет мной усыновленным.
Да будет так. А как зовут сынка?
Какие имена вы братьям дали?
- Один близнец - «Надежная Рука»,
Другого я назвал «Мы-Вас-Не-Ждали».
- Я понял всё, второго я возьму,
Но поменяю имя на «Опору».
Опорой будет телу моему
Наш общий сын, согласно договора.
Оленьим стадом ты один владей,
Мне ни к чему мобильное богатство,
Доход всегда придет мне от людей
Едой, пушниной за мое шаманство.
Ведь в тундре я один и царь, и Бог,
Над нею власть законная не властна.
Тундровикам немало я помог,
Я вызываю духов не напрасно.
Умилостивить дух - надо уметь,
Чтоб он работал с пользой для туземца.
Хотел и ты наследника иметь -
Перестарались духи, дав двух ненцев.
Теперь ты мне как брат, Абориген.
Да будет чум мой с твоим чумом рядом,
Нам веселее будет при пурге
И привыкать ко мне мальчишке надо.

Работы море женщинам я дам,
Пушнины много у меня хранится,
Мы обносились оба - видишь сам,
И на продажу шьют пусть мастерицы.
А там и стадо надо укрупнить
И пастухов нам нанимать придется,
И стал шаман с восторгом в бубен бить,
И в тундру песня дикая несется.

2008 г.

Похота на небесные краски

Я живу на границе поселка
Лес, болото и речка вблизи,
У забора весёлая елка -
Украшенье двора и Руси.
Жаль, что зори она закрывает,
Когда солнце садится за лес,
Цифровой мой не всё понимает,
Что важнее из этих чудес...
Восхищаюсь я праздником света,
Каждый вечер встречая зарю,
Ждет мой друг с нетерпеньем момента,
Когда снять ему чудо велю.
Только он все безумие красок
В свою память способен поймать,
Нет на свете нежней зримых ласок -
Только зори так могут сиять.
Перестал я закаты позорить,
Написать я их маслом не смог,
Разве можно с палитрою спорить
С той, что мир украшает сам Бог.
Цифровой мой талантливый фотик!

Рифмы Севера

На закат золотой посмотри -
Быть сегодня удачной охоте -
Море красок ты съешь у зари,
Так пойдем же работать за елку.
Чтобы праздник снимать без помех,
А затем мы с тобой втихомолку
В наш компьютер скачаем успех.

Ноябрь 2011 г.

Календарные приметы

Январь

По лесам холодный
Ходит Дед Мороз -
В месяц новогодний
Берегите нос.

Февраль

Стали дни длиннее,
Просинь в небесах,
Но еще сильнее
Жмет мороз в лесах.

Март

День восьмой в нем женский праздник,
Начинается весна.
Поет ночью кот – проказник,
И влюбленным не до сна.

Апрель

Снег в кустах еще белеет,
Но проснулся уже лес,
Почки вербочек желтеют,
В Пасхи день Христос Воскрес.

Май

Все в этом месяце слилось:
И пробуждение природы,
И первый гром забытых гроз,
И труд людей на огородах,
И пенье птиц, и зелень трав,
И бег ручьев навстречу лету,
И тем красна эта пора,
Что в ней сияет День Победы.

Июнь

Вот и первый месяц летний:
Благодать. Цветы кругом,
Греет солнышко приветно,
И зовет нас в водоем.

Июль

Запах трав, сенокоса страда,
Ветер бархатом кроет пшеницу,
Гонит зной в тень и в воду стада,
И всю ночь полыхают зарницы.

Август

Урожая приспела пора,
Кормит год этот месяц запаса,
Все темней и свежей вечера,
Утром росы блестят как алмазы.

Сентябрь

Порою ягодной, грибной
Как быстро лес преобразился,
Стоит торжественно-родной,
И словно золотом облился.

Рифмы Севера

Октябрь

Дожди и хмурь вокруг,
Лес, оголившись, стал печальным,
И в небе слышен крик прощальный
Птиц, улетающих на юг.

Ноябрь (листокос, чернотроп)

Еще тепло его хватает,
Снежок идет и тут же тает,
Но вот сплошной его настил
Приход зимы нам возвестил.

Декабрь

В снежной шубе в гости к нам
Вдруг пришла краса-зима,
Вся алмазами блестит,
Да морозом нас бодрит.

Гордись, Россия!

Живи, единая Россия!
Могучей будь и процветай!
Гордись, что нет могучей силы,
Чем русских женщин красота.

К чему на страже грозный атом?
Зачем оружия стога?
Когда умом, улыбкой, ладом
Убьет красавица врага.

Мне снился сон

Мне снился сон немой и страшный:
На крыше дома я сижу,
И с высоты многоэтажной
Я вниз на улицу гляжу.
Снуют там люди и машины.
Мне к ним так хочется упасть.
И потихоньку к краю в спину
Меня толкает бреда власть.
И вот уж ноги мои свисли.
Дом подо мною словно стол,
Но вдруг ко мне приходят мысли,
Что я не личность, а орел.
И мне пора расправить крылья,
Я жду последнего толчка.
Но нет его и тут завыл я,
Как зверь, попавшийся в капкан.
Безумно жить мне захотелось.
Ищу опору я рукой,
Не нахожу, и свою брэнность
Я ощущаю уж с тоской.
Мне ужас волосы шевелит.
Я вниз боюсь уже смотреть,
Одна надежда меня греет,
Что легкой будет моя смерть.
И вот с железа я сорвался,
С асфальтом смертной встречи жду.
Но своей точки не дождался -
Я просыпаюсь весь в поту.
И весь дрожу от сновиденья,
Кем и зачем оно дано?
Возможно свыше утешенье,
Что жить мне долго суждено...

Октябрь 2011 г.

О, если бы я не курил!

О, если бы я не курил!
Я денег бы много скопил
И дом бы шикарный купил,
И долго бы женщин любил.

О, если бы я не курил!
Как дед мой я долго бы жил,
Здоровым бы жил не тужил,
И кашель меня б не душил.

О, если бы я не курил!
Машину давно бы купил,
С семьей бы объездил весь мир.
Деньгами везде бы сорил.

О, если бы я не курил!
Я дымом людей бы не злил,
Полотна бы им подарил,
И песнями б всех покори́л.

О, если бы я не курил!
Я много б детей народил,
На дым бы не тратил я сил,
И часто б к врачам не ходил.

О, если бы я не курил!
Жене бы пять шуб я купил
Из норок, плюс сто соболей,
Да горсть драгоценных камней.

О, если бы я не курил!
Судьбу свою не корил,
Не знал бы мучительных бед,
И жил бы на свете сто лет.

Недавно я бросил курить,
Но мало осталось мне жить,
Болезнь подарил мне табак -
Забыл, называется как.

Ноябрь 2011 г.

Геннадью Сергееву - 60!

Тебе, Геннадий,
- Сколько лет? -
- Да 60 уж, слава богу.
- Я вижу, Гена, что ты сед.
Зачем работаешь так много?
- Когда тружусь, я молодой,
Жену люблю еще сильнее,
А без работы сам не свой,
В трудах и тело здоровеет.

Сергеев Гена - муравей,
Всю жизнь, я сколько его знаю,
Он на работе всех живей,
И деловитей всех, считаю.

Он вечно строит, мастерит,
Чтобы жена жила красиво,
И все в руках его горит,
И не привык он делать криво.

Уют в квартире он создал,
Какой не снился и министру,
Теплицу он Галине сдал,
Которой хватит лет на триста.

И на работе бьет ключом
Его энергия большая,

Рифмы Севера

Он предан делу всей душой,
Вопросы разные решая.

Профессий много у него,
Он плотник, столяр и сантехник,
Ему есть дело до всего,
Он классный слесарь и электрик.

Еще Геннадий наш рыбак,
Все щуки в Ейтье его знают,
В его объемистый рюкзак
Они всё чаще попадают.

Он может блюда сотворить
Как ресторана повар лучший.
Язык свой можно проглотить,
Его шашлык в лесу покушав.

Друзей Семеныча не счесть,
Но среди них любимый самый
Друг у него домашний есть
Пес Чарик с длинными ушами.

Умней собак я не видал:
Где что лежит он в доме знает,
При мне он пальцы сосчитал
И, говорят, уже читает.

Что интересно, в круг друзей
Его заходит даже теща,
Врагов для зятьев нету злей,
А у Геннадия всё проще.

В него мамаша влюблена,
Живя одна в его «подполье»,

Николай Бакалов

Скажи что супротив она -
Её этаж зальется вскоре.

Но это шутка, - виноват,
Что бросил тень на юбиляра,
Он по природе дипломат
И ладит словом мир со старой.

Еще Геннадий хлебосол
Как и его жена Галина,
Я к ним когда бы не зашел -
Всегда зовут на кофе дивный.

На даче дружная семья
Нас угощает на халяву...
Спасибо, милые друзья,
Вам за добро плачу я славой.

В любое время: в день иль в ночь,
Какое б дело ни случилось,
Готов Семеныч всем помочь.
И просто так окажет милость.

Души широкой человек,
Он добр со всеми и приветлив,
Да будет долгим его век,
И каждый день прожитый светлым.

Здоровья, счастья и любви
Желаю я тебе, Геннадий,
И много лет еще живи
Жены, детей и внуков ради!

18.02.2008 г.

Рифмы Севера

Перед операцией

Я в больнице, я жду операцию,
Хоть статистика тешит меня,
Жду с сомнением я пролангацию
По весне моего бытия.

По весне, что зовется уж осенью,
Как пуглив свет вечерней зари!
На закате полосочка просини
Еще светит мне в тусклой дали.

На кровавом столе хирургическом
Свою жизнь я хирургу вручу
И в искусственном сне наркотическом
В мир бесчувственный вдруг улечу.

А проснусь ли? Под риском летальности
Шанс высокий мне жить еще дан...
Моя просинь, за тучу коварности
Не спеши мои прятать года.

25 марта 2011 г.

Вспышки

На изгибе таежной реки
Я ловил золотых окуней.
До чего рыбаки чудаки
Красота всякой рыбы ценней.
Позабыл я рыбацкую страсть,
Когда кисти и краски купил.
И теперь наслаждаюсь я всласть
Видом созданных мною картин.

Как томителен тихий денёк,
Снег пушистый на землю упал.
Как прозрачен зеркальный ледок -
Первый раз он с рекой переспал.

Над рекою большая гора,
На которой остался мой след,
Был на ней я как будто вчера
Молодым, и как быстро стал сед.

Бежит, бурлит в горах поток -
Здесь кисть нужна, здесь беден слог.

Мерилин, ты зачем умерла
В 36 отравив себя лет?
Ведь мечтою ты многих была,
Ведь любил тебя сам президент.

Эта веха жизни быстрой,
Этот снег и ели в искрах
В синий утренний мороз
Мне всегда милы до слёз.
В час нелегкий от кручины
Посмотрите на картину -
В ней возникну я в дыму
И унынье с вас сниму.

Рифмы Севера

Как чисты Ваши омуты глаз!
Ярче звезд и кристальной Байкала –
Кто тонул в глубине их хоть раз,
Тот поймет, как их любит...

Как, березы, мне вас не любить!
Среди вас мне так хочется жить.
Вечно жить. В свете белой коры
Не нужны мне другие миры.

Жизни Вашей настало утро,
Мой пришел предвечерний час,
Но могу я еще кама сутрой
Удивить ошалело Вас.

Все тленно в мире, все конечно,
Бессмертье – сладкая мечта,
Жизнь коротка и быстротечна,
Лишь вечны свет и красота.

Парварда

Парварда, парварда -
Есть такая восточная сладость.
Парварда, парварда -
У меня к этой сладости слабость.
Парварда, парварда -
Позабытая в детстве конфета.
Парварда, парварда -
Лучше нет карамели на свете.

Николай Бакалов

Парварда, парварда -
На подушечках белых полоски.
Парварда, парварда -
Как люблю я твой облик неброский.
Парварда, парварда -
Мягкий хруст твой о многом напомнил.
Парварда, парварда -
Тебя ели колхозные кони.
Парварда, парварда -
Как давно, как давно это было.
Парварда, парварда -
Приручал я тобою кобылу.
Парварда, парварда -
Как хватал на лету тебя Шарик.
Парварда, парварда -
Как твой след в моей памяти ярок.
Парварда, парварда -
Сладкой радости детской кузина.
Парварда, парварда -
Появилась вновь в магазине.
Парварда, парварда -
Я купил эту сладость для внуков.
Парварда, парварда -
Наслаждение вкусом и звуком.
Парварда, парварда -
Я не знаю, что значит по-тюркски.
Парварда, парварда -
Будь всегда в языке моем русском.
Парварда, парварда -
Развеселое сладкое слово.
Парварда, парварда -
Повторяю я снова и снова.
Парварда!

Апрель 2008 г.

Поклоннице фараонов

Все выше я по лестнице иду,
Сильней и громче мое сердце бьется,
Сегодня я с собою не в ладу,
И каждый шаг мне нелегко дается.
Но вот и мой пленительный этаж,
Седьмое небо перед ним бледнеет,
И я вхожу в египетский мираж,
Где красота меня улыбкой греет.

Славься, славься

Славься, славься, ты Русь моя!
Славься, сибирская наша земля!
Да будет к искусствам всегда добра,
Любимая наша родная Югра.

Славься, славься ты, мой народ!
Славься, югорской культуры полет!
Да будут в ней ярко сиять всегда
Великого века творцов имена.

Славьтесь, славьтесь, добра ручки!
Музыка гениев вечно звучи!
Чаруй нас, Чайковский, в лесном краю,
И школа искусства, Россию чаруй.

Славься, славься ты, Обь-река!
Славься, безбрежная наша тайга!
Красуйтесь, Югорск и Советский район!
Да будет союз ваш культурой скреплен!

12.02.2008 г.

С днем рождения, районка!

Тридцать девять лет газете,
Возраст очень молодой,
И красивая при этом.
И характер боевой.
День рожденья отмечаю
Мы районке, по пути
С удивленьем замечаем,
Что в ней женский коллектив.
Нет в редакции мужчины,
Ну так это не беда -
Слабый пол и в прессе сильный -
Журналисты хоть куда.
Управляется с делами,
Нынче здесь, а завтра там -
Словно пчелки наши дамы
Собирают вести нам.
Их редактор в номер сводит,
И цейтноты матеря,
Точно в сроки свои родит
Весь тираж «Путь Октября».
Опыт с молодостью в блоке
С журналисткой прямою
Освещают спектр широкий
Нашей жизни непростой.
А прогресс летит всё выше,
Где компьютер впереди...
Вместо ручек стали мыши
Для газет писать статьи.
Взор сотрудников издания
В мониторы устремлен,
Труд их техникой и знаньем
До зубов вооружен.
Жаль, конечно, гибких граций,
Что подвержены вреду,

Рифмы Севера

Только мыши папарацци
Не испортят красоту.
И машины не заменят
Добрых, любящих сердец,
Их статьи читатель ценит
За душевный образец.
«Путь» - бесценный кладзь традиций
И истории исток.
Мы должны вам поклониться,
Ветераны вечных строк.
Тем, кто жизни многолетье,
Сон, здоровье и сердца
Отдавал сполна газете
До победного конца.
Слава всем пенсионерам!
Слава авторам седым,
Кто своим живым примером
Дарит опыт молодым.
Слава цеху по печати -
Без него газеты нет...
Цех ее ни разу, кстати,
Не подвел за много лет.
Так, плечом к плечу по полю
Информации идут
Два партнера, съевших соли,
Ни один совместно пуд.
Дружба делу не помеха,
Вместе долго вам идти.
Я желаю всем успеха
И счастливого «Пути».
И читателям желаю
Быть здоровыми и, чтоб
Была пресса в нашем крае
Бюрократов прямо в лоб.

15.08.2007 г.

Сновидение

Приснился сон: Олесю я целую,
Холодным был ее лица гранит.
Проснулся - вижу женщину другую,
Предо мной Ахматова стоит.

Клаве Дикуновой

Как два крыла, ей два таланта
Дал Бог, и вот летит она,
Терзаясь жгучей доминантой,
То в кисть, то в слово влюблена.
Неутомонная натура
Имеет множество наград
И за рекорды в физкультуре -
Талант и в Африке талант!

Когда к нам явится мессия?

С дипломом «Лесоинженер»
Я в леспромхозе инженерил,
Большие деньги я имел,
Но Центробанк наш вклад похерил.
Пришлось нам трудно выживать
При президенте нашем первом,
Я стал доходы добывать
Торговым делом неумело.
Писал статьи, сдавал металл,
И огурцы сбывал торгточкам,
«Москвич» мой отдыха не знал,
Возил он ягоды, грибочки...
Прибавка к пенсии была
Хотя не очень и большая,

Рифмы Севера

Но всё же выжить помогла
В эпоху ельцинского чая.
Чуть всплыли - новая волна
Накрыла кризисом Россию,
Когда ж поднимется она?
Когда к нам явится Мессия?

Февраль 2009 г.

Тот день мне не забыть

Война вошла в мой дом,
Когда я был ребенком -
То был не майский гром -
Стреляли пушки громко,
Вокруг тряслась земля
И окна дребезжали...
Залез под печку я,
Укрывшись старой шалью.
О, как хотелось жить, -
Остры как страхи в детях -
Тот день мне не забыть
И в нынешнем столетье.
Давно я ветеран,
Но вновь и вновь всплывает
Та драма: «Партизан!» -
Сапог меня пинает.
Смотрю я через шаль -
Стоит солдат небритый,
В слюне зубов эмаль.
Лицо, как у бандита.
В мой бок упер он штык
Холодной острой сталью...
Был страшен фрица рык -
Сестренки зарыдали...
А рядом моя мать

Фашиста умоляет:
- Мой киндер, нейн стрелять, -
Она меня спасает:
Сережки – дар отца
Снимает она ловко
И в руку подлеца
Кладет с улыбкой робкой.
Тут немец подобрел,
Зашпрехал: «Данке, данке!
Стреляйт я не хотел,
Короший русски мамка,
Корош унд партизан» -
С ухмылкой нагловатой
Фашистский павиан
Вдруг выскочил из хаты.

Щербинка

Щербинка появилась, помню, на переднем
зубе мамы –
Зуб потерял крупиночку эмали,
Но как был мил сей мизерный изъян,
И я свой взор всегда в него вонзал.
- Ты что так смотришь мне, сыночек, в рот,
Как будто там конфетка или мед?
И я, смущенный отводил свой взгляд,
Не понимая, в чем я виноват...
Мне было десять лет.
Давно уж мамы нет...
Но повторился этот казус с моей дочкой,
И тоже в десять лет
Родительский завет
Образовал на моем зубе на переднем точку.
Немного погода,
Заметило дитя:

Рифмы Севера

Сколочась с зуба малая крупинка.
И повторилась вновь
Далекая любовь:
Сверлила часто глазом дочь мою щербинку.

2011 г.

Путь в бессмертье

Вот скоро мне придется уходить...
Не изменить проект земной природы,
И как ни больно – некого винить,
В небытие уходят все народы.

Какой-то мизер в моей клетке – ген
Мой организм доводит до старенья,
И нет ключа другого обновленья -
Кончает жить земной абориген.

Но обновился я другим путем:
Мой род живет в рожденных детях, внуках,
И значит вся моя проблема в том,
Как с бытием мне пережить разлуку?

Есть путь другой продлить себя еще:
Дал Бог мне с детства огненные чувства,
Люблю я мир окрестный горячо,
И значит путь в бессмертие – искусство.

Зайцевой

Побывав в санатории,
И свободы вкусив,
Вновь я встретил Викторию

Среди творческих сил.
Изменилась как женщина,
Средь зимы расцвела
Словно роза торжественна,
Как подснежник мила.
От улыбки Виктории
Я теленочком стал...
И зачем съездил к морю я,
Если здесь мой кристалл.

2005 г.

Тишина

На душе такая тишина -
Даже слышно как седеет волос,
Даже слышен твой далекий голос
Сквозь стекло плакучего окна.
День прошел в безумной суете
И покой мне за труды награда.
Я не жду хороших новостей
От поры осенней листопада.
Все тревоги, уходите прочь,
Не терзайте нервы, мысли-птицы,
Забери печали мои, ночь,
Дай в твоём мне мраке раствориться.
На душе такая тишина -
Даже слышно, как мерцают звезды,
Даже слышно, как грустят березы,
Как стволы их серебрит луна.

2007 г.

*Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует,
Они жрецы единых муз,
Единый пламень их волнует.
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью*

А. Пушкин

Из графоманов классики растут

Один поэт, издав немало книг,
Успехов в сочинительстве достиг,
И принят был в писательский союз,
Но не для всех полезен славы груз -
Себя к великим быстро он отнес,
И графоманам учинил разнос,
Их так корил: «Не всем дар Божий дан»,
Хотя вчера и сам был графоман.
Особенно ругал он одного,
Не называя имени его:
«Куда ты рвешься, дуб, в калашный ряд,
Ведь тайна есть в поэзии, болван,
Ее открыть талант тебе не дан».
А я арийцу возразил бы так:
- Не плюй в колодец творчества, мастак,
Не порицай бессонный тяжкий труд,
Из графоманов классики растут,
Не все нам симпатичны потому,
Что мы пестры по чувствам и уму,
В рецензии безадресной твоей
Обязывает членство быть скромней.
Ведь ясно, что в пророчествах своих
Ты видишь вечным только личный стих.
Но сколько наша строчка проживет,
Определит читательский народ.

В литературном северном краю
Я графоманов творчество люблю
Будь сам собой, прозаик и поэт,
И у спесивых не бери совет.

2009 г.

Александр Захарову - 50!

Давно ли в отделе мы рядом сидели,
Давно ли кормил нас родной леспромхоз...
Мелькнули года и пожить не успели,
И вот уж к закату поехал наш воз.

Чем ниже светило - воз катит быстрее,
Рождения дни словно птицы летят,
И вот они сбились в твоём юбилее,
И трудно поверить - тебе пятьдесят?

Придется смириться, но ты еще молод,
Года не помеха, коль сердце горит,
Пусть мимо проходят невзгоды и холод,
И пусть ничего у тебя не болит.

Прошёл по тайге ты немалые мили,
И вырастил дочек, и выстроил дом,
Последний свой долг соверши в этом мире:
Сосенку иль кедр посади под окном.

Не плачь, что жена не дала тебе сына,
Бывает зять лучше родных сыновей,
А дочка, как мать - и потрет тебе спину
И с внуком пошлет деду то, что вкусней.

Здоровья и счастья тебе я желаю,
Супругу свою еще крепче люби,

Фифлы Севера

И пусть еще долго гормоны играют
В твоей благородной горячей крови.

21.10.2007 г.

Гимн Югорску

На дороге к Оби среди елок
Встал красавец Югорск возле труб –
Ты ли это, таежный поселок
Комсомольский – седой лесоруб?!
День и ночь газ России качая,
Сын Югры и «ГАЗПРОМА» «ТРАНСГАЗ»
Средь снегов и цветов иван-чая
Не смыкает за пультами глаз...

А вокруг красота неземная!
Угощает дарами нас лес.
Здравствуй наша, природа родная!
Радость встреч отражай, речка Эсс!

Процветай и расти, златоглавый,
Юный город любви и труда!
Пусть сибирская громкая слава
Твоей спутницей будет всегда!
Ты в учебе, культуре и спорте
Открываешь простор молодым,
И уют социальной заботой
Создаешь ветеранам седым.

А вокруг красота неземная!
Угощает дарами нас лес.
Здравствуй наша, природа родная!
Радость встреч отражай, речка Эсс!

Апрель 2012 г.

Два близнеца

Два близнеца, два антипода,
Как свет и тьма, огонь и лед,
Идут по замыслу природы
Плечом к плечу из года в год.
Один из них - любовь людская,
Продленье жизни ее вид,
Другой - погибель бунтовская,
Ему название суицид.
Продукт любви он безответной,
Безумной ревности венец,
В своей печали импотентной
Он губит тысячи сердец.
Как мир наш ум несовершенен,
Он жизни нашей слабый страж,
Зачем выносит он решение
Менять реальность на мираж?

Февраль 2011 г .

О скряге

По писанью - жадность - страшный грех,
И в народе ненавидят жмотов.
Но бывает вызывает смех
Сей порок, ласкающий кого-то.
Я такого знал холостяка.
В старом доме, ободрав обои,
Он их в новый клеил на века -
Был доволен экономя собою.
Своей кошке хвост он обрубил,
Чтоб тепло не уходило в двери.
Мало ел и женщин не любил.
Свет он не включал, боясь потери.
Жмот деньгами набивал матрац,

Рифмы Севера

Все копил на черный день деляга...
Но неожиданно жизнь оборвалась -
Дистрофия доконала скрягу.
Для чего он в этом мире жил?
Видно шельм не зря Всевышний метит,
Чтоб порок уроком послужил,
Чтоб светилась ярче добродетель.

Декабрь 2008 г.

Светлане из редакции

То нежная, то нахальная,
То замкнута, то раскована,
То резко континентальная,
То жарко с тобой, то холодно.
То хмуришься тучкой черною,
То светишься ясным солнышком,
То грустная, то задорная,
То словно принцесса, то золушка.
Четвертой ты власти веточка,
То гибкая, то упрямая,
Будь только счастливой, Светочка,
Ты самая, самая...

2007 г.

Знай меру, коль ты не богатый

Есть люди - банкроты с рожденья,
Они не живут по средствам,
Вся жизнь их- одни одолженья,
Поди кто-то должен и вам...

Доход им убытки приносит,
На ветер их деньги летят,
Их спрос невозможного просит.
Не знают они, что хотят.
Кредитами гасят кредиты,
Зарплату не видят они,
Годами долгами прибиты,
Влачат невеселые дни.
Но если им вещь приглянулась,
Для них нет к покупке преград,
И снова свершат они дурость,
Забыв про кредитный каскад.
Нас губит большая потребность,
Под хвост часто трата коту,
Не в маленькой прибыли бедность,
Транжирство родит нищету.
Реклама и мода - гранаты,
Нам волю взрывают они,
Знай меру, коль ты небогатый,
Свободу от денег цени.

Март 2008 г.

Спасение города искусством

Был полководца мрачным грозный вид -
Он приказал дотла сжечь дерзкий город,
И во дворце пожар уже возник...
Вдруг зазвучала дивно песня хора
И Македонский весь вниманьем стал.
То пенье так его очаровало,
Что он солдатам тихо приказал
Гасить огонь возмездного пожара.
А песнь судьбы божественно лилась,

Рифмы Севера

В том хоре пели мальчишки-кастраты,
Они искусством победили власть,
Перед которой сникли меч и золото.
Завоеватель всё узнал от слуг:
Страны той царь был страстным меломаном,
Ему кастраты услаждали слух.
Скопил детей властитель как баранов
И каждый мальчик голос обретал
Высокий, чистый, нотами богатый.
Жестокость совмещала божий дар
С невосполнимой половой утратой.

Декабрь 2007 г.

Дороги наши - поле брани

Дороги наши – поле брани
Автомобили хороши,
Летят навстречу наркоманы,
И обгоняют алкаши.

По сторонам трагедий метки,
Как на погосте вдоль аллей,
Без пули русская рулетка,
Игрою стала скоростей.

И мер крутых уже немало
Нам демонстрирует ГАИ,
Но ДТП не меньше стало -
Идут кровавые бои.

И сколько ж можно куролесить!
Наверно нам пора уже
Водил зависимых повесить
Дороги вдоль за ФЕБЕРЖЕ!

Март

После сна, как всегда поутру,
Я раздвинул оконные шторы -
Машет лапой мне ель на ветру
И над солнцем смеются заборы.
Кот чердачный - потрепанный бард
Возвращается с долгой гулянки,
Снег рыхлит ослепительный март
И горят с крыш повисшие склянки.
Две сороки летят через двор
И по-птичьи забавно играют...
Неширок мне открыт кругозор,
А весны он приметы являет.

Март 2007 г.

Женщинам Югры - 2008

Что такое 8 Марта?
Это дата улыбки весны
В женском образе ярче злата,
В этот праздник мы все влюблены.

В цифре 8: на бублике кралька,
Двух голов поцелуй вековой,
А кому-то мерещится лялька,
Кольца брачные видит иной...

Женский день - лучший повод для старта
Теплых чувств, что к любви нас ведут,
Днем я пьян от сияния марта,
Ночью кошки мне спать не дают.

С ощущением близости счастья,
Светом солнца и снега объят,

Рифмы Севера

Я на женщин смотрю полон страсти,
И они мне улыбки дарят.

Милых дам осчастливим, мужчины!
Капитал им поможем добыть...
И не только по вешней причине -
Круглый год надо женщин любить.

Дорогие югорские дамы!
Я вас всех обнимаю, любя,
И цветы от щедрот Амстердама
Всем вам шлю с поздравлением я!

2008 г.

Белые ночи

Вновь подкрались к нам ночи белые
Полусонною кисеей,
За деревьями оробелыми
Зори светят одной зарей.

припев:

Белые ночи уснуть не дают,
Белые ночи любовь нам несут,
Белые ночи
Нам счастье пророчат.

Ночи летние быстротечные,
Лучезарные небеса,
Льется в окна сиянье млечное,
Не давая закрыть глаза.

припев:

За прозрачной вуалью Севера
Не видать ни одной звезды -
Звезды спрятали чудо белое
В свет чарующей красоты.

припев:

Олимпийская победа в Турине

Бегут, бегут по лыжной ленте
В Турине асы разных стран,
Средь них на финише Дементьев
Рванул и... ЧЕМПИОНОМ стал.
Прославил он родной поселок,
Район Советский и Югру.
Нам этот парень очень дорог,
Зовет он к спорту детвору.
Звездой Евгений ярко светит -
Держайте, юные друзья!
Олимп настойчивых заметит,
Он ждет вас, золотом звеня.

2007 г.

Раисе Переваловой

Под березой обрушился берег крутой -
Стала пить она соки из Лиры.
И прекрасно запела листвою золотой,
Оглашая просторы Сибири.

А на том берегу ее роща растет,
Молодое счастливое племя...

Рифмы Севера

Речка жизни куда-то течет и течет,
Всем живущим даря свое время.

Прилетят на березу зимой косачи
Поклевать ее сладкие косы...
Не спеши ты, река, берега не точи,
Дай допеть свои песни березе.

Октябрь 2009 г.

Мой дом под северным сияньем

Мой дом под северным сияньем
С названьем сказочным Югра,
Горжусь его я достояньем,
Люблю простор его двора.

Горжусь народом многоликим,
Который стал моей семьей.
И славлю труд его великий,
Преобразивший край лесной.

В природе дикой и суровой,
В ее разливах и снегах.
В тайге сосновой и кедровой
Перу и кисти я слуга.

Терзаясь творческим сомненьем,
Досуг искусствами деля,
Твоим живу я вдохновеньем,
Ханты-Мансийская земля!

Декабрь 2008 г.

Николай Бакалов

**Татьяне Гоголевой -
депутату думы**

Я Вас сердечно поздравляю
С Международным женским днём
И море счастья Вам желаю,
Чтоб Ваш народ купался в нём.

Под сенью славной Ассамблеи
Пусть возрождается Югра,
И бьют в лесах еще сильнее
Ключи традиций и добра.

Пусть в женский день Вас за цветами
Тоска и скука не найдут,
Пусть праздник с синими глазами
Зальет весельем Ваш приют.

Расслабьтесь, строгая Татьяна,
В своей деревне у родни,
Где придадут Вам сил селяне,
И дух поднимут Вам они.

Дышите сладкими дымами
И тишиной до облаков,
И да придут вечно с Вами
Любовь, здоровье и покой!

2007 г.

40-летию района посвящается
Песня о Советском районе

Тебя дорога Ивдель-Обь родила,
Отец твой - труд таёжный непростой,

Рифмы Севера

Твоих людей Югра приворожила
Лесным добром и дикой красотой.

припев:

Давайте рядом сядем, советчане,
И песни ветеранские споем
И о счастливых планах помечтаем,
И за зеленый выпьем наш район.

Здесь леспромхозы лихо лес рубили,
Стране давая прежде трудный куб,
И строили попутно, и любили,
И бил в труде рекорды лесоруб.

припев:

Сплелись как корни судьбы здесь людские...
Вокруг тайга в сиянье золотом,
Она свела трудяг со всей России,
Чтоб на века срубить Советский дом.

припев:

Район Советский, ты нам люб и дорог,
Ты у тайги - жемчужное кольцо,
В котором все селения и город
Справляют нынче славный юбилей.

припев:

Апрель 2008 г.

Галине Логачевой

Во всем Галина высота:
Звездой она была в культуре,
И журналистка хоть куда,
И как знаток литературы.
Она искусствами живет,
Покорны ей любые дали,
И даже валенки ее
Успешно в бизнес побежали.

Март 2012 г.

Галине Беловол

Журналистка Беловол
Отработала как вол
В нашей той и этой прессе,
Нету равных ей по весу.
Написала нам она
Всю историю до дна.
Все статьи ее в газетах
В пламя времени одеты.

Март 2012 г.

Еврейский анекдот

Вот молится еврей и день и ночь,
Он просит Господа хоть раз ему помочь:
- Ну помоги мне, Боже, бедному еврею
Машину выиграть хотя бы в лотерею.
Абрам, я слышал, выиграл «лимон»,
А между тем, давно не беден он,
И Моисею счастье привалило:
Ему игра квартиру подарила.
И снова слезы хлынули ручьем:

Рифмы Севера

- Скажи мне, Боже, виноват я в чем?
Хор ангелов на тучку вдруг явился
И к Богу с дивной песней обратился:

- Да помоги, Господь, ему скорей,
Умрет иначе от тоски еврей...

Ответил Бог:

- Грех смертный его зависть,
Но все ж помочь еврею постараюсь,
Но чтобы смог я выполнить обет,
Еврей пусть купит хоть один билет.

Женщине с именем Олеся

Как загадочно имя Олеся!
Его звук – услаждение весей,
Оно вышло из русских лесов,
Всемогущ его сладостный зов.

Я люблю это имя Олеся!
Нет милее его и чудесней,
Поэтическим душам оно
С красотой на счастье дано.

Как загадочно имя Олеся!
Оно словно короткая песня –
Учащается сердца стук,
Когда слышу его я звук.

2011 г.

В прощенный день

Прости меня за все обиды,
Хоть я не грешен пред тобой,
Прости за то, что не увидел
Тебя весеннюю порой.

Птичий бунт

Сорока села на забор -
Застрекотала:
Какой позор, какой позор -
Еды не стало,
Уж корки хлеба для меня
Вам, люди, жалко.
Сороке так ответил я:
- Не жди подарка.
Скакнула в мире как на грех
Цена пшеницы,
За ней и булка взмыла вверх,
Как в небо птица.
Теперь и крошки со стола
Съедают люди.
Так что, пернатая юла,
Про хлеб забудем.
- А я, мужик, тебя спрошу, -
Пищит воронка -
Тебе кто вешает лапшу
На уши ловко?
Зачем страна сначала прет
Зерно полякам,
Затем назад от них везет
Муку со вкусом?
Умом мне птичьим не понять;
Зачем в Сибири
Хлеб россиянам продавать
По ценам в мире?
В дорогу хлеба мне отрежь,
Мужик хороший,
Я улетаю за рубеж
На свалки Польши.
Ворона каркнула вверху
В ветвях сосновых:
- Без сыра жить я не могу

Фифмы Севера

С времен Крылова,
В отходах ломтик не нашла
За всю неделю,
Лиса голодная ушла
От старой ели.
- Какая память у тебя, -
Моя голубка!
Крылова басню помню я,
Как незабудку.
Был дешев сыр до наших дней
В торговых точках.
Вдруг цены выросли в стране
На всю молочку.
Стал недоступен сей продукт
Пенсионеру -
Тан что мечтам твоим каюк,
Голубка сера.
Власть объясняет сей сюрприз
На ловких пальцах:
Не уродился, дескать, рис
В стране китайцев,
Скупают в мире все они,
Что можно кушать.
Так что черней наступят дни,
Моя каркуша.
Ворона каркнула в ответ
И так сказала:
- Ума, видать, в России нет,
Коль пищи мало.
Зачем коров вы извели,
На импорт глядя?
Теперь пляшите на мели
Под дудку дяди.
Не можешь рынком управлять -
Паси баранов.
Я полетела сыр искать
В другие страны.

**Родным и близким
Сергея Томонова**

Лечились мы в одной палате,
Средь нас тяжелый был больной,
Лежал в углу он на кровати.
Его ел рак. Он был худой...
Не дай нам Бог таких мучений,
И Бог не дай на них смотреть –
Чуть удаляется леченьем
Конец с названьем страшным смерть.
Еще не стар он и не молод.
Супруга, дочки, внуки, есть –
Они приходят в дождь и в холод –
Ему приятна эта честь.
Улыбкой, шуткой ободряет
Больного дружная семья,
Но вся она уж твердо знает
О приближенье скорби дня..
И знает он судьбы решенье.
В его читается глазах
Тоска, страданье, отрешенье,
Но не течет из них слеза.
Надежды все перемололись,
На жизнь все шансы истекли.
Пока диагнозы боролись,
Рак организм ел изнутри.
Как хрупко счастье человека!
Зачем творец, его создав,
Страданье дал ему навеки?
Зачем болезни ему дал?
Страдают люди дни и ночи
Умом, физически, душой...
Зачем блаженства дни короче?
Зачем несчастий срок большой?

Рифмы Севера

Идут к отцу в палату дети,
Зятья, сестрицы и жена -
Свиданья трогательны эти.
Они лишают меня сна.
Как я им счастья всем желаю
За их великую любовь!
Болезнь, какая же ты злая,
Неумолимо пьешь ты кровь.
Рука в руке дрожат супругов,
Улыбку скупю муж дарит,
И долго смотрят друг на друга,
Жена о чем-то говорит...
Муж кротко слушает, кивает,
Ему уж трудно говорить...
Жизнь человека покидает.
Ее живая рвется нить.
А мог бы жить бедняга долго.
Не зная горестей и бед,
И был бы счастья залогом
Своей семье счастливый дед.

Март 2011 г.

Памяти школьного товарища

Сентябрь, учеба в сельской школе,
Прекрасный солнечный денек,
Вдруг чей-то крик:

«Погиб Радоля!»

Прервал истории урок.
Сорвавшись с парт, мы побежали
К его избе большой гурьбой
Туда, где чуда люди ждали -
Радоля был еще живой.
Он на траве лежал кровавой,

Стонал и «Пить» в бреду шептал –
Вода, как морс текла из раны
Через повязку живота.
Больница – 30 километров,
И транспорт только гужевой...
Но лошадей как сдуло ветром -
Нашли их в стане полевом.
Пока их конюхи пригнали,
Пока в повозку запрягли.
Радолю силы покидали –
Его живым не довели..

Он разряжал снаряд зенитный -
«Сапер» тринадцати был лет,
Но паренек был крепким, видным,
И любознательным был шкет.
Он обезвредил мин уж много -
От немцев их остался склад...
Просила мама:

- Ради Бога

Оставь, сыночек, этот ад.
Ты мой единственный на свете,
Моя надежда и любовь,
Смотри, как учатся все дети
Таких, как я колхозных вдов.
Сын непослушен был, но слово
На этот раз он твердо дал:
«Начну ходить я завтра в школу.
И буду первым в ней всегда».
Снаряд последний был несложный,
Но прыгнул пес ему на грудь,
Когда взрыватель осторожно
Хотел он с корпуса свернуть.
Раздался взрыв – собаку в клочья
У сердца Коли разнесло...

Фифмы Севера

Не зря так выла она ночью,
Борясь в предчувствии со злом.
Когда снаряд вертел парнюга,
С цепи сорвался его пес –
Остановить хотел он друга,
Но предвещание сбылось.

Радоля – сын родной австрийца.
Солдата Первой Мировой.
Пленен. В колхозницу влюбился,
И не поехал он домой.
И вскоре сын родился Коля,
Была счастливая семья,
Трудолюбивым был Радоля,
Но вскоре грянула война...
Война Вторая Мировая
Горпины мужа забрала,
И как жена его ни ждала,
Она назад не отдала.

После войны война надолго
Еще застряла на Дону,
Еще сгубила она много
Скота и душу не одну.
Везде нас смерти поджидали:
Гранаты, минные поля...
Ребята чаще погибали,
Мог жертвой взрыва быть и я.
Война калечила мальчишек
Еще с десятков мирных лет.
Мы не имели тогда книжек,
Зато имели склады бед.

Газовая атака

Дальний рейс. В маршрутке душно.
Пассажиров как сельдей.
Плюс в пространстве безвоздушном
Извергает кто-то спрей.
То бишь газ такой зловонный,
Что не каждый пассажир
В тесном, низеньком салоне
Полчаса сможет прожить.
С видом все сидят невинным.
- Эй, бесстыжий душегуб, -
Предлагают анониму, -
На, таблеточку на зуб...
Но в ответ на предложенье
Газа новая волна
Осложнила положенье,
Адским запахом полна.
Злой желудок был упрямым,
Продолжал душить народ,
Знал, что нет над ним управы,
И что всех переживет.
Ехать всем далековато:
Через поле, через лес...
Вдруг, на вид придурковатый
Встал мужик:
 - Я экстрасенс!
Дамы, нитку мне найдите...
А теперь через салон
Вы ее перетяните -
Мы сейчас его найдем.
Все за ниточку возьмитесь,
Теперь, дамы, господа,
На вопрос мой отзовитесь:
- Газовик, вы взялись?
 - Да!

Рифмы Севера

- Стоп, шофер! - взревели люди.
Душегуб был старичок.
Испугавшись самосуда
Он пустился наутек.

2011 г.

В больничной палате

Я смотрю на весну из окна:
Снег сошел, зеленеют деревья,
В синем небе лишь тучка одна
Словно парус на море белеет.
Солнце прячется где-то сзади,
Освещая проснувшийся город,
Сердце бьется тревожно в груди -
Оперирован буду я скоро.
Хоть вложил в статистику я,
Но с вердиктом ее не согласен -
И в конце моего бытия
Мир по-прежнему мил и прекрасен.
И к тому же я в нем не один:
Дети есть и любимые внуки,
И супруге под сенью рябин
Так нужны мои ноги и руки.
Как я всех их безумно люблю!
Разве можно от них оторваться,
И уйти в безрассветную мглу,
Чтоб травую и строчкой остаться
Подарил мне Господь два крыла.
Два искусства для зренья и слуха:
В первом - раб я стиха и пера,
Во втором - живописного духа.
Как отрадно творить красоту
Поэтическим словом и кистью,
И душой улетать в высоту

Николай Бакалов

В мир добра златоглавый и чистый.
Не написан лучший мой стих
И живущие в сердце полотна –
Значит, должен я жить за двоих,
Значит, должен творить за кого-то.
Помоги мне, святой Николай,
Одолеть вековую усталость –
Ты же видишь, большие дела
Не свершенными в жизни остались.
Ради счастья семьи послужи,
Дай пожить еще в мире зеленом,
Помоги мне час «X» пережить
И вернуться домой окрыленным.

Апрель 2011 г.

По мотивам одного тоста

Как-то ночью в непогоду
Постучались в крайний дом.
- Кто там?
- Спутники народа.
Можно в гости к вам зайдём?
Но хозяин осторожный
Ещё раз переспросил:
- А точнее ответить можно?
Ходят много темных сил...
- Я Любовь, а я - Здоровье,
И Богатство есть среди нас.
- Подождите на подворье,
Я семью спрошу сейчас.
И хозяин с домочадцев
Стал ответы собирать
На вопрос: из постояльцев
Кого лучше в дом позвать?
Его мать давно больная

Филмы Севера

Дать Здоровью хочет кров,
Ее внучка молодая
Просит в дом пустить Любовь,
- Нет, зови, дурак, Богатство! -
Приказала вдруг жена -
Купим все: Любовь, лекарство,
И напьемся всласть вина.
И хозяин крикнул в двери:
- Эй, Богатство, заходи!
Но друзья не захотели
Разлучаться на пути.
Тихо скрылись они в мраке,
Омываемы дождем...
И нашли приют в бараке,
Где остались жить втроем.
Вскоре зажила счастливо
Их принявшая семья,
Новый дом она купила,
Где бывал в гостях и я.
А та крайняя семейка,
Говорят, вся пропила,
Без Любви зачахла девка,
Без здоровья мать слегла.

Н. К. письмо благодарности

Никто стихи мне не писал,
Не посвящал и прозы строчки,
Всё чаще мир меня кусал,
Хотя родился я в сорочке.

А Вы, заступница моя,
Как Вы на подвиг сей решились?
Вы, посвященье мне творя,
Передо мною обнажились.

Николай Бакалов

Ах, несравненный мой близнец,
Мне так приятен был подарок,
Что долго я считал овец,
Чтоб уснуть аж спозаранок.

А утром в зареве зари
Мне сон приснился интересный
Как будто Пушкин с Натали
Мне нанесли визит чудесный.

Жена поэта - вроде Вы.
Я угостил супругов чаем,
Гость был в восторге от халвы,
А Вы вкус меда отмечали...

Затем поэт раскрыл блокнот
И стал читать стихотворенье...
Вдруг на него мой прыгнул кот -
Был Пушкин просто в изумленье.

- Ученый что ли он у вас?
- Да он же Ваш из Лукоморья...
И прыснул смехом гость тот час,
Светилось счастье в его взоре.

А кот мурлыкал на плече,
Ему что Пушкин, что Бакалов.
Он не сводил своих очей
С мадам, что дико хохотала.

И было весело, тепло
Нам четверым в кругу сердечном -
Посланье Ваше помогло
Свести во сне нас быстротечном.

Рифмы Севера

Вдруг Пушкин встал:

- Наташа здесь

Побудь пока у Николая
Меня на речке ждет Дантес
Вернусь я скоро, дорогая.

На шею ей воротником
Переложив кота, наш гений,
Поцеловал жену, легко
И быстро вышел бледной тенью.

Блокнот свой - рукопись стихов
Он на столе моем оставил,
Белее северных снегов
Было лицо его Натальи.

У ней, в предчувствии беды
На пальцах рук лучи дрожали,
Ее глаза как две звезды
Печаль и муку выражали.

Проснулся - сердце молоток
Стучит с высокой частотою...
Ах, Пушкин, Пушкин, как ты мог
Расстаться с дивной красотой?

Зачем ты вышел на дуэль
С необразованным повесой?
Не мог из Франции кобель
Служить российским интересам.

Теперь вернемся снова к Вам,
Точнее - к Вашему творенью:
Моим седеющим годам
Забавно Ваше восхваленье.

Себя скромнее я ценю:
Стремясь к порогу совершенства.
Нередко ум я свой браню
За серый слог и филистерство.

А Пушкин – вечный наш маяк
Непостижимый, солнцеликий,
Равнять нас с ним нельзя никак,
Как сам язык наш, он великий.

В источник света и добра
Обращены его страницы.
Мы дети Пушкина пера,
Что подарили ему птицы.

Благодарю Вас, Натали,
От всей души за Ваши строки.
Они к раздумью привели
Над Вашим уровнем высоким...

2010 г.

Таланцевым И. и А.

Громко музыка играет -
Что за шум, за торжество?
То Таланцевы справляют
Своей свадьбы рождество.
Ей исполнилось полвека -
Золотая! Пятьдесят
Два прожили человека
Вместе «Горько!» - им кричат.
Молодые поломались
Для порядка и взасос,
Покраснев, поцеловались
И растрогались до слез.

Рифмы Севера

Гости, дружно чарки сдвинув,
Еще «Горько» им кричат.
У Ивана и Альбины
Уже несколько внучат.
Здесь в Малиновском супруги
Сорок шесть годов живут,
За большие, за заслуги
Власть не раз их чтит труд.
Пусть их головы седые
И походка нелегка -
Они снова молодые,
Для них старость далека.
Поздравляю, поздравляю
Вас со свадьбой золотой!
И здоровья вам желаю,
И прожить еще лет сто!

Сентябрь 2008 г.

Кровавая история

Комар пил кровь, багрово раздуваясь,
С моей руки, и я его терпел -
Соси, вампир, - твердил я, умиляясь, -
Сними давленье раз такой ты смел.
Мой кровосос, похожий на сосиску,
Включил мотор и подниматься стал,
И полетел тяжелый низко-низко,
Но тут же рядом на траву упал.
Здесь муравей подарок свой заметив,
Схватил его и быстро поволок...
Удача так изменчива на свете -
Подумал я и коренфар извлек.
Сижу. Сосу под языком пилюлю,
Вдруг воробей во двор мой прилетел,
И комара увидев, быстро клюнул,

А вместе с ним и муравья он съел.
Но тут мой кот откуда-то явился,
И, не успев моргнуть и глазом я,
Как он пружиной молниеносно взвился
И мертвой хваткой сцапал воробья.
О, боже мой, ну хватит уже крови!
В конце концов я первый фигурант...
Но вдруг пронзило мое сердце болью -
Меня несут с диагнозом инфаркт.

2007 г.

Христос воскрес!

Христос воскрес! Христос воскрес!
Попрал господь смерть смертью.
Христос воскрес! Христос воскрес!
Шумят над лесом ветры,
И отвечает вешний лес;
- Христос воистину воскрес!
И христиане молвят с умилением
По всей Югре:
- Христос воскрес!
И эхом вторят люди с просветленьем:
- Воистину, воистину воскрес!
Горит восток, заря с улыбкой нежной
Приветно шлет слова из-под небес:
- Христос воскрес! И вторит край безбрежный:
- Воистину, воистину воскрес!
И радость разливается по телу,
Блестят глаза, исполнены добра.
Христос воскрес! И в эту божью веру
Обращена в день пасхи вся Югра.
Христос воскрес! Все сущее глаголет,
Душа любовью верующих полна.

Рифмы Севера

- Воистину воскрес! - миряне вторят,
Воистину воскрес! - твердит страна.
Христос воскрес! - мир молвит православный,
И поцелуем крепит эту весть,
И вся планета вторит громом славным:
- Воистину, воистину воскрес!

Раисе Ивановне Переваловой

Все тело в рубцах операций,
Тяжелых болезней не счесть,
Но в строчках ее публикаций
Не смог я об этом прочесть.

Как птица летит поэтесса,
Парит высоко над тайгой,
И гонит из душ наших беса
Своей стихотворной рукой...

Поэзией добрые чувства
Она пробуждает в сердцах,
Не просто дается искусство,
Когда и все сердце в рубцах.

Живет будто в часе последнем,
Торопится жить и творить
И лирой в багрянце осеннем
Старается мир обновить.

Судьба, что ей с детства досталась -
Как зебра из черных полос,
И светлых в ней самая малость,
Всегда тяжело ей жилось.

Николай Бакалов

Но в том-то и подвиг Раисы:
Всем бедам и злу вопреки
Она выдает нам сюрпризы -
И вновь публикует стихи.

Вот сила железная духа,
Вот славный для смертных пример:
Пред нами душой молодуха,
Лирических книг пионер.

Дал Бог ей талант, черт - горнило,
А жребий спустил гороскоп...
Я верю - ее зарядила
Энергией творчества Обь.

Март 2008 г.

Не сердись...

Т. Третьяковой

Не сердись на меня, не сердись...
Я давно те обиды забыл.
Ах, как быстро проносится жизнь –
Я от встречного ветра остыл.
Ты достойной была на посту,
И могла быть хорошим главой...
Не забыть мне твою доброту,
И твой нрав деловой, боевой.

Белые ночи Югорска

Что такое песня?
Песня - это счастье,
Счастье - жизни сладостный полет.
Нет прекрасней вести,

Рифмы Севера

Нет сильнее страсти,
Если песня нас в дорогу поведет.

припев:

Белые ночи млечным светом
Смешали зори и рассветы,
Бессонные белые ночи
Любовь нам в Югорске пророчат.

Добрými делами
Славен край Югорский.
Как прекрасен в пышных он снегах!
С хвойными ветрами
Песни отголоски
В свои кудри примет дивная тайга.

припев:

На путях-дорогах,
На лесных просторах
С музыкой любовь наша слита,
Не забыть былого,
Как же ты мне дорог,
Мой Югорск, мой город песни и труда!

Март 2011 г.

Любовь и яблоки

Как-то летом на рассвете
Я проник к соседке в сад
Лучше яблок нет на свете
У соседей, говорят.

Вот на яблоню залез я,
Рву плоды... На землю глядь -
А там девушка Олеся
Двух собак ведет гулять.

Хороша хозяйка сада
И овчарки хороши:
Одна Хват, другая Рада.
Затаился я в тиши.

Но собаки след мой взяли
И на яблоню глядят,
А потом и лаять стали,
Мол, слезай, мне говорят.

Как сосед я знал овчарок,
Чтоб Олесю повидать
Колбасы немало палок
Приходилось им отдать.

Ну, а здесь нештатный случай -
Не хотят меня простить.
Надо мной сгущались тучи:
Как овчарок укротить?

Мне б позвать Олесю только...
Но сгорая от стыда,
Я не видел в этом толку.
Нет, не крикну никогда.

Благо девушка цветами
Чуть в сторонке занялась
Неужели в этой драме
Нету выхода для нас?

Рифмы Севера

Неужели же для милой
Стану вором яблок я?
Вдруг идея осенила
И утешила меня.

Небольшое расстоянье
До спасительной межи
Перелезть по-обезьяньи
Я по веткам крон решил.

У меня ж разряд гимнаста.
Густо яблони растут,
И по ним-то в мое царство
Меня мускулы ведут.

Как Тарзан по джунглям сада
Одолел я свой маршрут...
А внизу уж Хват и Рада
С нетерпением меня ждут.

Лаз мой тайный перекрыли
И довольные сидят,
Пасти красные раскрыли -
Растерзать меня хотят.

Что же делать? Я на груше,
Вокруг крупные плоды -
На собак я их обрушил.
И простыли их следы.

Но когда я вниз спустился.
И почти пролез в свой лаз,
Хват сзади в штаны вцепился
И рычит, как контрабас.

Николай Бакалов

Видно он дежурил рядом...
Со всех сил его ногой
Я ударил, но в награду
Попу сделал он нагой.

Пес в зубах унес штанину,
Чтоб хозяйке показать.
Джинсов клочок страшнее мины,
Он вещдоком может стать.

В страхе вечером с букетом
В дом к Олесе я иду
Для собак несу котлеты.
Сыр и прочую еду.

Но отведав вкусной дани,
Зарычало вдруг зверье.
Дав понять мне, что свиданье
Отменяется мое.

Телефон не отвечает,
От Олеси звука нет,
Оператор лишь вещает:
- Недоступен абонент.

Вижу сам, что недоступен,
Но ведь свет горит в окне,
Как же все случилось глупо,
Видно, нет прощенья мне.

Тот вещдок, видать, попался
На Олесины глаза...
Лучше б честно я признался
И раскаялся в слезах.

Рифмы Севера

Недопета моя песня
Первой пламенной любви,
Вор теперь я для Олеси.
Хоть реви, хоть не реви.

С невеселым настроеньем
Возвратился я домой,
Вдруг по щучьему веленью
Зазвонил мой телефон.

В мире нет милей известий
Тех, что в трубке услышал;
Голосок родной Олеси
Ни за что меня ругал:

- День сегодня очень длинный,
Я устала тебя ждать.
Рада спрятала мобильный,
Не могу ее понять.

Под крыльцом нашла. В штанину
Был завернут телефон,
Не с твоих ли джинсов псины
Оторвали синий лен?

Нету слов, - умны овчарки,
Следопыты, сторожа...
Захватив цветы, подарки,
Я к Олесе побежал.

Заикаясь и бледнея,
Я любимой все как есть
Про ночную одиссею
В ее сад озвучил весть.

А Олеся рассмеялась
И призналась, что в мой сад
В прошлый год она забралась
И украла виноград.

С моих плеч гора свалилась,
Хохотали мы до слез,
Ко мне счастье возвратилось
И решен судьбы вопрос.

К женитьбе приводят драмы
Мы решили с этих пор
Между нашими дворами
Вековой убрать забор.

Февраль 2011 г.

**Другу детства
Николаю Купченко**

Твой голос в трубке оживил
Мне память светлую о детстве,
И мои чувства растравил -
Вновь побывал я в малолетстве.
Где мы веселою гурьбой
В родном Колодежном носились,
Где в нашей школе мы с тобой
Семь лет посредственно учились.
Я помню как ты на коньке
К ноге прикрученном веревкой
Весной в военном пиджаке
Всех раньше в школу несся бойко.
Я за тобой не попевал -
Нога в толканье подводила
И мастерством я уступал,
И послабее был я силой.

Рифмы Севера

Семьей не ровной на «краю»
Мы тусовались и мужали
Был Пышнограев наш каюр,
Кого за ум мы обожали...
Его на свете нет давно.
Наш музыкант ушел навечно,
Не всем пожить как нам дано,
Уж многих нет друзей сердечных.
Мой Бородулин - детства брат
Один в Воронеже скончался
От алкоголя говорят,
Искал я крест, но зря старался.
В Читу уехал умирать
Наш Горбунов - охальник в чине.
Да вся, пожалуй, наша рать
Нашла приют свой на чужбине.
Володьку Зайца привезли.
Я посетил его могилу,
Другие раньше отцвели,
Без нас струится Дон наш милый.
Кресты друзей по всей стране
Среди чужих стоят соседей...
Черед придет тебе и мне,
Осталось мало жить на свете,
Как быстро годы пронеслись!
Вчера, ты помнишь, в Ковалевой
Мы чудом не подорвались
На mine жаром раскаленной.
О, сколько мимо нас смертей
Тогда прошло в блестящих цацках -
Наверно, бог жалел детей
В мундирах вражеских и касках.
Познали голод, нищету,
И все ж счастливыми мы были.
Дал Бог холмов нам красоту,
Нас Дон, луга, сады кормили.

Мы воровали по ночам -
Чужие яблоки вкуснее.
Жилось тогда нескучно нам,
Но от свободы мы дурели.
Мы не видали матерей -
Рабынь колхозных по неделям,
По вечерам они с полей
На арбах ехали и пели.
Да сколько ж было силы в них,
Терпенья, веры, оптимизма,
Чтобы работать за троих
И петь о счастье в коммунизме.
Как мало дедов и отцов
Пришло домой с полей сраженья,
Село жило трудами вдов
В тисках налогообложений.
Тебе в ту пору повезло -
Отец твой раненный вернулся,
Но заболел он тяжело
И в Белогорье не проснулся...
Он председателем побыл,
Была контора в нашей хате,
При нем колхоз примерным слыл,
Да будет вечной память бати.
А мой отец пал под Москвой,
Я всё ж нашел его могилу,
А если б он пришёл домой -
Я б не уехал на чужбину.
Спасибо, друг мой Николай,
За твой порыв приехать в гости...
Увы...Но жизнь не отцвела,
Даст бог не сложим еще кости.
Нас встреча ждет иль под Москвой,
Или в Колодежном у Дона -
Своей ручаюсь головой,
Дай только новый адрес дома.

Рифмы Севера

Мы помянем своих друзей,
И тех, кто жив еще мы вспомним...
За наш с тобою юбилей
Еще по стопочке наполним.
А в сумме нам 140 лет,
Еще не вечер, говорится,
107 прожил Федот мой дед,
И мы должны до 100 стремиться.
Что там с сердечком у тебя,
В Сургуте шунтом его лечат,
Даю совет тебе свой я:
Езжай, хоть это и далече.
И снова будешь молодой,
И снова будешь любить женщин,
Так будь здоров, приятель мой,
И я болячками обвешан.
Болят коленки и спина,
Остеохондроз терзает шейный,
И простатит лишает сна,
Но я еще мужчина ценный...
И жизни радуюсь, живу,
Пишу стихи, пишу картины,
Люблю детей, люблю жену,
А мои внуки - просто дивны.
Хоть пенсион и маловат.
Но мы же бывшие крестьяне.
Я избегаю лишних трат,
Но внешне кажемся дворяне.
Свой дом, машина есть, гараж,
Подворье с грядками, с теплицей,
Есть кот сиамский - спальни страж,
Но что смешно - мышей боится.
В таежном северном краю
Поселок к речке притулился,
В нем сорок лет уже живу
И 27 из них трудился.

**Польский
роман императора**

Поэма

Пульстук привычную победу
Ему в сраженье не принес.
Куда героя - непоседу
Теперь несет войны хаос?
Куда в карете мчит усталый
От битв и тряскости дорог
Француз великий ростом малый,
Завоеватель, гений, Бог?

Он направляется в Варшаву
(Недавно бывшую в плену)
Забыть все почести и славу,
Предаться отдыху и сну.
Кортеж медлительно плетется,
Восторгов, гордости полны,
Поляки славят полководца,
Освободителя страны.
Кумир взирает равнодушно
На толпы радостных людей,
«Виват!» скандирующих дружно,
Цветы бросающих в коней.

Но вот прекрасная полячка
К карете быстро подошла:
Что хочет женщина - чудачка?
Зачем так взглядом обожгла
Она самого Бонапарта
С холодной, умной головой?
В лице ее победы карту
Читает Франции герой.
В плен сдаться рад он польке юной,

Фифмы Севера

Ее глаза синей небес,
В своей империи подлунной
Не видел он таких чудес.
Полячка мило улыбалась
И по-французски речь вела,
Его победам восхищалась,
Хвалила маршалов дела
Со знаньем бранного искусства...
И что ж, гордец Наполеон
Вдруг выражает свои чувства
И роз букетик дарит он
В честь встречи милой знатной даме.
Не знал, конечно, наш герой,
Что станет сам героем драмы,
Что муж был граф у дамы той.
Могла ль Валевская Мария
Графиня польская то знать,
Что честолюбца эйфория
Не приказала долго ждать,
Что он отдал распоряженье
Устроить встречу с ней «а-тет»,
Что и в любви, как и в сраженье,
Ему на свете равных нет.
Через версту уж имя знает
Графини той Наполеон
И уж запиской приглашает
Ее на бал в Варшаву он.
Конечно ж с мужем Анастасом,
Точнее, с мужем-стариком...
Но не желает с ловеласом
Встречаться женщина тайком.
Она не едет на смотрины,
Дороже ей супруги честь,
Не хочет быть она фрейлиной,
Она не падкая на лесть.

Но муж страну любил сильнее
Своей жены, сей патриот
Смотрел на узы Гименея
Как на политики оплот.
Граф на коленях умоляет
Марию ехать с ним на бал,
Он платье сам ей выбирает,
Он толк в нарядах дамских знал.
Поклонник шлет гонца второго,
Князь Понитковский, сам министр
К Валевской едет, но с порога
Его вернул ни с чем бурмистр.

И все ж Валевскую всем миром
Уговорили наконец -
Она приехала к кумиру
На бал - смотрины во дворец.
Он рад безумно этой встрече,
Безумно пани хороша;
Танцует с ней он целый вечер,
В глаза ее глядя не дыша.
Муж Анастас сиял от счастья -
Ведь он жену благословил
На связь с могущественной властью,
Превыше Польшу он любил.
Что было дальше? После бала
Великой Франции герой
Ведет Валевскую из зала
В покои позднею порой.
Вином Марию угощает
Любвеобильный оккупант,
К заветной цели обращает
Свой полководческий талант.
Пускает в ход он красноречье
Как отвлекающий маневр,

Рифмы Севера

Рукою дерзкой гладит плечи,
А цель другой - ноги шедевр.
Все, все к победе уж готово:
Пылает весело камин,
Кровать роскошная с подковой
И батарея лучших вин.
Еще чуть-чуть, еще немножко
И крепость женская падет...
Но лишь рука коснулась ножки -
Рука Марии ее бьет...
Не шаловливо, со всей силой.
Наполеон не ожидал
Такой жестокости от милой.
Какой кампании провал!
Бокал с вином он разбивает,
Глаза как молнии блещут -
Графиня быстро убегает
Из Бонапартовых пенат.
Такого в жизни не бывало,
Чтоб император-дон-Жуан
После приема или бала
От женских ласок не был пьян.
Завоеватель всей Европы
И лучших женщин идеал
Не знал подобной Пенелопы,
Он непокорных дам не знал.
Мрачнеет в страсти император,
Дела амурные плохи.
Как настоящий литератор
Он пишет белые стихи,
Их даме сердца посылает
И бриллианты шлет ей в дар,
Но все графиня возвращает,
Как непригодный ей товар.
Свою супругу Жозефину

Наполеон не вспоминал.
Он проклинал свою судьбину.
Конфликт военный назревал
Между империей и Польшей.
Подумать только - в чем вина?!
Не может женщины хорошей
Дать императору страна.
Не может начать он кампаний,
Нарушен замысел побед...
Один предмет его желаний,
Одна причина многих бед.
Во благо Франции и мира,
Во благо Польши, наконец,
Она должна признать кумира -
С посланьем скачет вновь гонец.
В нем император заклиняет
Чужую гордую жену,
С себя ответственность снимает
За всю дальнейшую войну.
Он призывает патриотку
Свой долг за Родину отдать,
Он просит счастья лишь щепотку,
Он хочет ею обладать.

Вся знать Варшавы вновь готовит
В честь императора обед...
Вновь за столом Мария ловит
Взгляд бога страсти и побед.
Весь вечер с нею он танцует,
Ах, белый с белым туалет -
Партнер немножко критикует
И как солдат дает совет
Что одевать на бал графине -
Что оскорбительней для дам?!
И вот холодная богиня

Рифмы Севера

Не переносит этот срам.
Она уехала. Вдогонку
Наполеон записки шлет,
Но Бонапарту как мальчонку,
Ответ Мария не дает.
Сопротивленье разжигает
У полководца лишь азарт,
Монарх Валевскую прощает,
Он верит в свой конечный фарт
И шлет записку за запиской,
С упрямой ищет новых встреч...
Вот Понятовский хитрой киской
Мурлычет ей такую речь:
- Чтоб не разгневался правитель,
Решили мы графине дать
Чин «Полномочный представитель»,
Чтоб постоянно пребывать
При императоре на службе.
Она должна ему служить,
Быть с ним в согласии и дружбе,
Его вниманьем дорожить.
Во имя Польши это надо...
Мария князя поняла.
Служить Отчизне она рада,
Но договор не приняла.
Тогда вручает ей посланье
От Бонапарта сам супруг.
В нем ультиматумом желанье
Марии шлет «несчастный друг»
Вновь домогательства и слезы,
Вновь клятвы верности в любви,
Приказ отдаться и угрозы
Отмыть страдания в крови.
Да, так с солдатской прямою
Наполеон дает «намек»

«Богата Польша красотой,
Но лишь Марию выбрал рок,
В ее лишь сердце ключ к успеху
Наполеона и страны.
В любви графиня неумеха...»
Но в этом нет ее вины.
Чувств пылких к мужу не изведав,
Еще дитя в любви она,
И в Бонапарта сердцеведа
Совсем, совсем не влюблена.
Не может сердцем католичка
Постель с великим разделить,
Противно польской вольной птичке
Орла французского любить.
Хотя в душе такая стужа
И нет в супружестве огня,
Хотя не любит она мужа,
К нему долг верности храня.

Но вот министр письмо вручает
Ей от правительства, оно
Отдать Марию умоляет
Все то, что женщине дано
Ему спасителю поляков,
Ему защитнику страны
От прусаков и австрияков
И от российской стороны.
Министры пишут: «Для примера, -
Библейский флер пуская в ход, -
«Эсфирь отдалась Агасферу,
Чтобы спасти родной народ».
Есть жертвы армий посильнее -
Они красивы и милы,
Добрее делая злодея,
Они бескровны и малы».

Рифмы Севера

Но долг пред Родиной в постели
Не хочет пани отдавать,
И как бы власти не хотели -
Не хочет телом торговать.
И чем сильнее сопротивлялась
Мария пламенной любви,
Желанье больше разгоралось
В Наполеоновской крови.
Сменяет скуку истерия -
Монарх опять записки шлет:
- Мария, нежная Мария! -
Он каждый день её зовет.
Лишь с ней общаться он желает,
Приводит в трепет ее вид,
По ней желанной он страдает,
О ней душа его болит.

Но вот с измученной вниманьем
Марией тайно наконец
Вновь добивается свиданья
Великой Франции храбрец.
О, если б видела Европа,
Как он упал к ее ногам!
Как льва пленила антилопа
На радость битым им врагам.
Исполнить страстное желанье
Марию просит наш герой...
Неужто снова отрицанье? -
Пронзает мысль его иглой.
Да, так и есть, он видит холод
В бездонной сини ее глаз -
Стучит в груди сердечный молот,
Лицо ужасным стало враз.
Наполеон впадает в ярость,
Часы бросает на паркет

Николай Бакалов

(Они ей в дар предназначались).
- Все! Мост сожжен, пощады нет
Полячке злой, неблагодарной.
Пусть горе к каждому придет
В стране надменной и коварной,
Как вещь он Польшу разобьет.
И что ж Валевская? От страха
Без чувств вдруг падает на пол -
О, наконец бедняжку птаху
Терзает Франции орел.
Он был военным в каждом шаге
И когда женщин обнимал,
Был Бонапарт всегда при шпаге,
При эполетах с дамой спал.
Какая важная победа!
Трудней не помнит генерал,
Хотя победу из-под пледа
Наполеон почти украл
Водой холодной лоб он моет
И пьет коньяк Варшавы зять -
Полячка армий целых стоит,
И легче было Польшу взять.
Честолюбивец наш над дамой
Победой очень дорожит.
Теперь имперскою программой
Наполеон вновь будет жить.
Вновь наполняется он силой,
Для полководца нет преград.
Теперь пойдет он на Россию,
Фортуне вновь он будет брат.

Когда Валевская супругу
Как есть в измене призналась,
Он оценил ее услугу -
Графиня с мужем развелась.

Рифмы Севера

Но Польши честь купил католик
За честь красавицы жены.
Себя презревший меланхолик
Был горд за выигрыш страны.

Судьбу настойчивость смягчает,
На пике счастья Бонапарт
Души в любовнице не чаёт,
Любовь рождает в нём азарт
К походам новым и сраженьям,
К завоеваниям земель,
К престолом царских низверженьям,
К тому, что жизни его цель,
К победам сладостным над миром,
К рукоплесканиям рабов...
Но страшно быть всю жизнь кумиром
Среди успехов и гробов.
Сомненья червь в нём сердце точит -
Ни вечны сила и фетиш.
Он иногда все бросить хочет
И унести в родной Париж
С Марией милой лучезарной,
Ради нее готов он брак
Порвать с супругою бездарной,
Сменить мундир на мирный фрак.
Увы, та блажь не для великих,
Нужна им пища для ума,
Их гений в рисках многоликих
Цветет. Покой для них тюрьма.

Но вот для N приходит время
Уют Варшавы оставлять,
Его нога встает на стремя,
Давно заждалась его рать.
В штабном обозе бесконечном

Мария следует за ним,
Теперь он друг ее сердечный,
Ее любовью он храним.
Не осуждай ее, читатель,
Противоречий не лови -
Ее французский обожатель
Был гениален и в любви.
Матерый, опытный мужчина
Знал путь короткий к сердцу дам,
Но не любил он «дармовщину»,
Он выбрал *La femme* сам.
Оставив узы Гименя,
Мария с нежностью большой
Монарха любит все сильнее
Раскрепощенною душой.
Наполеон души не чает
В своей избраннице и к ней
Спешит лишь время позволяет
Хоть на часок прелюбодей.
Забыв супругу Жозефину,
Украдкой баловень судьбы
Лишь в ласках с польскою графиней
Находит отдых от борьбы.
Борьбы с Россией непонятной,
С ее тоскливой простотой,
С союзной армией помятой
Наполеоновою рукой.

Такой кампании не помнит
Любимец Ники Бонапарт,
От вялых дел он часто стонет
Над пустотой военных карт -
Пред ним огромное пространство
Союзной армии страшней,
А тут еще и партизанство -

Рифмы Севера

Война лесов, война плетней...
Какая низость бой безбожный,
Как бить лесного дикаря?
Аустерлиц быть осторожным
Заставил русского царя.
Он отступает планомерно,
На его конный арьергард
В трубу порой высокомерно
Глядит бессильный Бонапарт.
Маневра нет, одна дорога
У славной гвардии с врагом.
И уж сомненья и тревогу
Переживает он тайком.
Зачем идет он на медведя
С хмельной от славы головой?
Покорены ведь все соседи.
Зачем шаг делать роковой?
Нужна ли Франции Россия?
В Европе дел невпроворот.
Кому нужна его мессия?
Счастливым будет ли народ
В своей империи без власти? -
Так рассуждал Наполеон -
Построить счастье на несчастье
Нельзя, будь как ты не силен.
Одно лишь слово полководца
И прекращается война,
В казармы армия вернется
И расцветет его страна
Под его мудрым управленьем.
Готов он миру показать
Плоды реформ и просвещения,
Готов права он людям дать.
Хоть счастье нации превыше
О личном можно помечтать:

О своей спутнице, о крыше,
Давно отцом хотел он стать -
Какой монарх не хочет сына?
Бездетность - горе под луной.
Марию вместо Жозефины
Он видит будущей женой.
Она наследника недавно
Наполеону родила.
Эх, как бы жили они славно,
Союз с ней был бы как скала,
Детей бы много нарожали
Во благо нации они...
Но Бонапарту возражали
Другие помыслы в тени.
С Россией надо бы покончить -
Войны раскручен маховик.
На белой лошади он хочет
В Москву заехать напрямик
С победным звоном колокольным.
Царь Александр! Готовь ключи
Вручить от врат первопрестольной,
Дары готовьте, москвичи!
Пророки, правда, предрекают
Худой кампании исход,
Но купола Москвы сияют,
Но так пленителен восход.
Смешно астрологов гаданье,
Не верит им Наполеон.
Не для великих предсказанье,
Их путь Всевышним предрешен.
Непредсказуем ход событий
На поле боя и в любви,
Нет недоступных для них высей,
Нет меры в пролитой крови.
А между тем наш император

Рифмы Севера

Войска австрийские разбил.
Вдруг европейский триумфатор
Принцессу Австрии взлюбил.
Дает развод он Жозефине,
Принцессу в жены он берет,
Своей любовнице графине
Валевской волю он дает,
Точней, отставку с пенсионом
Пенсионерке в двадцать лет
В противоречие с законом,
Но для монархов правил нет.
Малютке сыну Алексаше
Он титул графа выдает -
По-благородному папаша
В любви решает перелет.
Мария встретила спокойно
Романа бурного финал,
Себя ведет она достойно,
Не вызывает на скандал
Она любимого мужчину.
Давно, давно она знала,
Что высотой его чина
Ее судьба предрешена.
Не смог великий корсиканец
Избрать сердечный идеал.
За знатной женщины румянец
Любовь и счастье поменял.
За то судьба его казнила.
Поймет свой промах он потом...
Москва в капкан его манила,
Но нет советчицы при нем,
Нет сердца чуткого с ним рядом.
Могла Мария укрощать
Наполеона одним взглядом,
Могла опасность отвращать

Советом мудрым и спокойным.
Кто мог подумать, что она,
Все изучив в Европе войны,
Не по годам была умна.
Без снисходительной улыбки
Французский консул ей внимал,
Свои успехи и ошибки
Он лучше с милой понимал.
Уже потом после России,
Анализируя войну,
Изгнанник вспомнил, как просила
Она «не лезть на ту страну».
Считал тогда он женским вздором
Тот довод в пользу русских сил,
Что в Альпах доблестный Суворов
Весь мир походом удивил.
Возможно, будь Мария рядом,
Была б история иной,
И дело кончилось бы ладом
Французов с русской стороной.
Но то случилось, что случилось:
Погибла армия в снегах,
Завоеваний всех лишилась
Его держава в пух и прах.
И все ж Москву монарх увидел
Через пожаров черный дым.
Покинув Кремль копченый лидер
Тайком голодным и больным.
К побегу вынудил Кутузов
Птенец Суворова гнезда -
Звезда великого француза
В Москве погасла навсегда.
Остатки армии покинув,
В Париж спешит Наполеон,
Кляня бескрайнюю чужбину,
Сжимая польский медальон.

Рифмы Севера

Свернув к поместью под Варшавой,
С Валевской встретился беглец -
Была Мария величавой
Пред ней стоял живой мертвец.
Сумбурным было то свиданье
Без лишних слов с разливом слез -
Несчастный выплакал страданье
На рыжий шелк густых волос.
Мария лаской исцеляла
Наполеона в трудный час,
Влила в него любовь и силу
Прощальной синью своих глаз.
Вновь жизнь француза стала краше,
Теперь не страшен ему рок.
В окне сынишка ручкой машет,
От счастья вновь бежит игрок.

Лишенный титулов и власти,
На Эльбу сослан наш герой.
Какое страшное несчастье
Переживал он той порой.
Бродил по острову бесцельно
Или смотрел в морскую даль -
Кого он ждал в тоске смертельной?
Кто мог унять его печаль?
Он тщетно ждет свою супругу
Луизу в ветреной глуши.
Неужто нет под солнцем друга,
Хоть малость любящей души?
Все отвернулись, все забыли
Наполеона в трудный час.
Друзья - недавно они были,
Как одинок он стал сейчас.
Угрюмых скал угрюмый пленник
Хотел бы чайкой улететь
В людской кипучий муравейник

И снова власть над ним иметь.
Нет, нет в ужасном пораженье
Не видит он свою вину,
И проиграл одно сраженье
Лишь за прошедшую войну.
Сраженье сердца и рассудка,
Когда в Марию был влюблен,
Когда стал жертвой предрассудка
Сам человек Наполеон.
Расчет в угоду мнений света
Тогда над чувствами вспарил.
И поплатился он за это,
И мир с тех пор ему не мил.
С тех пор порушились все планы,
Неужто связь живая есть
Войны и тайнами романа?
Неужто Эльба сердца мечь?
Так рассужденьям предаваясь,
Стоял у волн Наполеон,
За польский грех стыдясь и каясь,
Смотрел с надеждой в море он.
На горизонте появился
Вдруг парус в дымке голубой -
Экс-император оживился,
Он ловит цель своей трубой.
Корабль и флаг на нем французский
Чрез линзы ясно видит он.
Зачем в мир горестный и узкий
Его несет тугой муссон?
Заполнен берег у причала
Туземной пестрою толпой.
Вход судна в бухту отмечала
Власть Эльбы пушечной пальбой.
Невольно узник вспоминает
Аустерлиц. Бородино...
Но вдруг жандарм напоминает:

Рифмы Севера

- Прогулка кончилась давно...
С волнением, с трепетом, с оглядкой
В свой дом пришел Наполеон
С неразрешимой загадкой:
Какой сюрприз послал Бурбон?
Свободу, смерть или супругу!
Давно уж ей приплыть пора!
Иль по походам славным друга...
Но что за шум там со двора?
В окно он видит даму в белом,
А с нею мальчик лет шести -
Какое счастье прилетело!
Прости, любимая, прости!
Во двор экс-консул выбегает
И даме падает к ногам.
Целует их и обнимает.
И слезы льет по каблукам...
И наконец, поднявшись, нежно
В глазах Марии стал тонуть.
Целует руку безнадежно.
Он хочет счастье вновь вернуть...
- Знай, Бонапарт, твоей супругой
Я людям Эльбы назвалась.
Но для тебя твоей подругой
Я быть до смерти поклялась. -
Сказала женщина, мальчишке
Погладив голову рукой -
Все понимает наш плутишка,
Смотри уж взрослый он какой.
И твоя копия мордашка
Все понимает наш плутишка,
Смотри, уж взрослый он какой,
И твоя копия мордашка,
И все он знает про отца,
Ну дай же ручку папе, Сашка,
Да что ж стоишь ты, как овца.

Ребенок кажется сконфужен -
Так лепетала его мать...
Но вот гостей зовут на ужин.
Пора с дороги отдохнуть.

Уснул мальчишка. В скромной спальне
Слились любовников тела.
Был словно зверь герой опальный,
Мария сказкою была.
Недолго счастьем уповалась
Не обрученная семья -
Мария властью приглашалась
Уже в каюту корабля.
Она ж Всевышнего молила;
- Дай боже, ночь еще одну!
И буря море вдруг взбурлила,

Пустив корабль ее ко дну.
Судьба блаженство на печали
Преподнесла влюбленным вновь,
Их на супружество венчали
Стихия, случай и любовь.
Другой фрегат через неделю
Пришел к счастливым берегам.
Деньки как чайки пролетели,
Пришла пора расстаться нам.
Прижав к груди отец счастливый
Сынишку бережно несет,
Там у причала сиротливо
Давно вельбот Марию ждет.
И вот прощание у моря.
Герой побед Наполеон
Рыдает женщиной от горя
И... просит новой бури он.
Но чуда снова не свершилось
С фрегата машет уж платком

Рифмы Севера

Ему Мария. Судно скрылось
За синей далью облаков.
- Нет!- Закричал вдогонку узник -
Ты скоро вновь будешь моей!
О, Бог войны! Я твой союзник,
Готовь к сражениям людей!
Теперь иной он жаждал власти,
Не власти бренной над страной,
Мятежник хочет только счастья
С Марией будущей женой.
И Марс на Эльбе крик услышал,
Устроил пленнику побег,
И вновь к врагам с войсками вышел
Ошеломивший всех, стратег.
Наш полководец Бонапарте
Во имя вспыхнувшей любви
Поставил жизнь свою на карту
И... потопил мечту в крови.
Ему Фортуна изменила.
Ревнуя к мадемуазель,
Нашлась сильней французов сила -
Ах, слишком узкой была цель.
При Ватерлоо поражение
Мятежный рыцарь потерпел.
И снова замыслов крушенье,
И снова узника удел.
На остров он Святой Елены
В изгнание новое попал,
Где часто, часто в муках плена
Марию с грустью вспоминал.
Прошло шесть лет неволи в море -
Экс-император узнает
О ее свадьбе. Узник с горя
Вдруг богу душу отдает.

Что мне

Что мне ветер злой, колючий,
Что мне осени дожди,
Если ты красою жгучей
Сердце рвешь в моей груди.

Что мне слухи на деревне,
Что мне боль преклонных лет,
Если ты мое томленье,
Если ты в окошке свет.

Сквозь ненастье над заречьем
Заиграл заката свет,
Я спешу с судьбой на встречу,
Под собой не чуя лет.

Не смотрите в окна, люди,
Не судите старика,
Что мне ваши пересуды,
Если жизнь так коротка.

Мне ль, вдовцу, глотать сивуху,
Если бог послал с небес
В дар такую молодуху,
Что ребро сломал мне бес.

Декабрь 2011 г.

Женщинам Югры - 2011

Достоин тот поэт затрецин,
Кто пишет только о цветах,
Ну, что за творчество без женщин?
Без муз поэзия пуста.

Рифмы Севера

Я восхищаюсь всей природой,
Смотрю восторженно на мир,
Люблю цветы и непогоду,
Но югорчанка - мой кумир.

Она ведь дочь российских весей,
И как снегурка из зимы,
Красивы девушки в Одессе,
Но наших больше любим мы.

Как хорошеют они в марте!
У них божественная стать,
Вы всю Вселенную обшарьте -
Вам краше женщин не сыскать.

Их лица нежит ветер вешний,
И солнце жмурит им глаза,
Разит мужчин стрелой сердечной
Югры цветущая краса.

Течет в них кровь различных наций
Они в одеждах из мечты,
Пленят нарядом ханты, манси -
Сестрицы дикой красоты.

О, как мила снегурка наша!
Ее не старят и года.
Елены, Даши и Наташи
Прелестны, женственны всегда.

В искусствах, в спорте и в учебе
Под ними высший пьедестал.
И не за то рожают, чтобы
Взять материнский капитал.

Николай Бакалов

Прекрасный пол давно не слабый,
Мужчинам может фору дать,
В семье и в бизнесе он главный
И президентом может стать.

Вот почему я сибирячку
От всей души боготворю.
Поклон и слава вам, землячки!
Любовь и звезды вам дарю!

2011 г.

Малиновскому леспромхозу

Друзья, товарищи, коллеги!
Какой сегодня светлый день!
Мы вновь на жизненной телеге
Сошлись, чтоб вспомнить первый пень.

Тот первый пень времен советских,
Его уж нет, но где-то здесь
На нем сосна стояла веско,
Касаясь ветками небес.
Здесь начиналось наступленье
На вековую глухомань,
Здесь стерлась в яростном кипенье
Между трудом и жизнью грань.
Самоотверженно трудились
Первопроходцы-смельчаки.
Дома за сутки возводились
На лесосеке средь тайги
И производства развивались
На эстакадах тупиков,
Рекорды славою венчались
Неутомимых мужиков.

Рифмы Севера

Дохода мало с раскряжевки -
Лесопиление, вперед!
Пахали бабы, как чертовки:
Завод давал сто тысяч в год...
Пилил лет двадцать неустанно,
Не молодец и не старел...
Вот здесь стоял завод тот славный -
По чьей-то воле он сгорел.
Всему свой век, и все же жалко -
Еще б он мог кормить людей -
Судьба его, как женщина ярка -
Погиб в огне, горя в труде.

Друзья, товарищи, коллеги!
Давайте вспомним леспромхоз,
Который умер в прошлом веке
От реформаторских заноз.
Он нас собрал в краю таежном,
Дал всем работу и дома,
Опорой стали мы надежной
Его в хозяйственных делах.
Следили зорко за цехами,
Был леспромхоз передовым -
Он славы красное соцзнамя
Не уступал в стране другим.
Нас вдохновлял на труд Красилов -
Наш энергичный, умный шеф.
За упокой его могильный
Я призываю выпить всех.

2008 г.

Еще лепестки не опали
С ромашки осенней порой,
И значит, таежные дали
Велят тебе быть молодой.

**Женщине с
предлогом «за»**

Еще не вечер,
Еще горит
Закат далече
Огнем зари.

Цветет пусть буйно
Осенний сад,
Пусть будет юным
Всегда твой взгляд.

Гони сомненья
В любви всегда,
И «НЕТ» в боренье
Меняй на «ДА».

Ивану Антипину – 75!

Тебя, Петрович не догнать -
По жизни ты шагаешь быстро,
Нам не дают года стоять,
Лишь юбилей в наш возраст – выстрел.

Конечно, грустно сознавать,
Что финиш близок наш житейский,
Но так сочла природа-мать.
И хорошо, что он не резкий.

Еще ты можешь побродить,
Поллюбоваться этим миром...
Дай, Бог, тебе еще пожить
Лет двадцать в солнечной Сибири.

Рифмы Севера

Живи и радуйся, мой друг,
Что у тебя есть сын и внуки,
Что не смертелен твой недуг,
Что ноги есть, глаза и руки,

Что есть жена и теплый дом,
Есть огород, курятник, баня,
А еще счастье твое в том,
Что тебя любим мы и Маня.

Был пьян и весел я в дугу (сон)

Я расписался на снегу
Струюю после пива,
Был пьян и весел я в дугу,
А мимо идет дива.

Моим искусством восхитясь,
Она сказала: «Клёво!»
И смехом дама залилась:
«Попробуй, парень, снова».

А я не гордый - достаю
Свой аппарат для слива,
Включаю мощную струю
И писаю на диву.

Она испуганно кричит,
Мента зовет на помощь...
- Да где ж мне взять для всех мочи? -
Я рассуждаю в полночь.

О времени

О, Время! Куда, ты летишь?
Зачем и откуда ты вышло?
Ты словно летучая мышь -
Не видно тебя и не слышно,
Подвластен тебе даже Бог,
Создавший все звезды Вселенной,
Назад он заставить не смог
Поток повернуть твой нетленный.
Ты только несешься вперед
Лишь скорости света покорно,
Твой дух вездесущий живет
И в дырах таинственных черных,
Откуда не льет даже свет,
Где звезды глотает сверхплотность,
Где может быть спрятан ответ
Вопроса: Что есть первородность?
Весь мир ты куда-то несешь
И вяжешь его воедино.
Послушна тебе зреет рожь
И в Арктике плаваются льдины.
Ты ритмов и циклов процесс
Ведешь по космическим далям,
Прогрессом сменяя регресс,
Творя чудеса в Мирозданье.
Везде оставляешь следы
Своей незаметной работы:
То вдруг распускаешь цветы,
То звезд изменяешь полеты.
Природу твою не постичь,
Ты самая злая загадка,
Ты жизни вершитель и бич,
Творец и губитель порядка.
Вселенная - емкость твоя,

Рифмы Севера

Пронзаешь ты всю бесконечность,
То звезды, то разум даря.
Себя обрекая на вечность.
Неправда, что ты есть ничто,
Что ты лишь живешь в циферблатах.
Ты высшей энергии ток,
Тобой начинен каждый атом.
Ты космоса тонкая сеть,
Несущая мир информации,
Где в каждой ячейке есть клеть
С программами звездных формаций.
И есть подозренье мое:
Есть центр на твоей паутине -
Случись что-то где-то чего -
В него поступает картина.
Твой центр - это образный Бог,
Компьютер, космический разум,
Грядущих событий пророк
С все помнящей памятной базой.
Созвездий стабильность храня,
Врачуешь ты все катастрофы,
Чтоб ум моего бытия
Тебя прославлял в своих строфах.
И если потухнет звезда,
Вновь вспыхнет взамен ей другая...
Галактик бессчетных стада
Пасешь ты, на флейте играя.

Март 2008 г.

Сказка о прошлой жизни

Мне помнится: в той жизни был я кот,
И, кажется, встречался как-то с Вами,
Вы были кошечкой прелестнейшей в тот год
И дружба завязалась между нами.
Затем любовь была на чердаках.

Николай Бакалов

Мне не забыть те мартовские ночи,
Когда я был у Вас на коготках,
Когда огнем горели Ваши очи.
Не раз коты пытались Вас отбить,
Но я их рвал когтями и зубами,
О, сколько крови мне пришлось пролить
За то, чтобы мурлыкать рядом с Вами.
Закон один – кто сильный, тот и прав,
Я воевал за Вас, а не за славу,
И победил. Вы мне сказали: «Мяв»,
А я ответил Вам взаимно: «Мяу».
А что еще ответить может кот,
Лишенный уха и хвоста врагами,
Был я тогда почти что полиглот,
Но не в словах, а в музыке при даме.
Я свои чувства песней выражал,
И пел получше нынешних солистов,
От моих песен весь чердак дрожал,
Таких рулад не слышно лет уж триста.
Простите за нескромность чудака,
Но результат любви я Вам напомню –
Вы вскоре в уголочке чердака
Произвели котят пушистых тройню.
Потом пошли приплоды покрупней,
Я был отцом детей своих примерным –
Носил в гнездо им птичек и мышей,
И был при этом Вашим мужем верным.
Но вот пришла нежданная беда –
Хозяин мой на Севера подался,
Забрав меня с собою навсегда.
Я с моей кошкой в жизни той расстался.
С тоски я умер, но моя душа
В других зверей не раз переселялась:
В медведя, в зайца, в соболя, в ежа,
Ища любовь, что с кошкой той осталась.
Прошли века, ее душа жила

Филмы Севера

В овце, в корове, в лошади и в птице,
И вот внедрилась в женщину она,
Мне суждено для встречи с ней родиться.
С ежа я вытряс душеньку свою
И разместил ее по клеткам в генах,
Но встретил раньше в жизни я жену –
Сдвиг получился в прежних поколениях.
Я поседел от лет и от невзгод,
А Вы милы и молоды, как прежде...
Молюсь, чтоб снова дух мой принял кот,
А Вы б одели кошкину одежду.
Но это сказка. Мой игривый ум
Так иногда абсурдом увлечется,
Что я теряю творческий изюм,
И моя песнь в другое русло льется.
Как хорошо душой в веках летать.
Грядущий день подвластен лишь поэтам,
О нем хочу я тоже рассказать,
Но эта сказка будущего лета.

2003 г.

Утро

Вновь окна в морозных узорах,
Хотя на дворе уже март...
Под мышкой весны минус сорок
Зима тормозит ее старт.
А утро так ярко сияет,
От солнца в алмазах стекло,
Лучи его в дом проникают,
Отраду неся и тепло.
Душа берedit ощущеньем
Каких-то крутых перемен.
Не хочет она обнаженья,
А мне раздевать ее лень.

Апрель 2008 г.

Откровение

Посмотри на меня, посмотри:
Шестьдесят мне уже и плюс три,
Но душой я еще молодой,
Потому что, наверно, святой.
Чудотворец ведь я, Николай,
Я искусствам служу и добру,
Но тот свет не предложит мне рай,
Когда вдруг на ходу я умру.
Потому что грешил и грешу,
Бес сильней в моем сердце, чем Бог.
Где найти между ними между?
Я от вечных сомнений продрог.
Тело наше - жилище души,
Ей легко, когда прочно оно,
Но за жалкие наши гроши
Ей не пить дорогое вино.
Потому-то и крутимся мы,
Правду с ложью мешаем и пьем,
И идем от сумы до тюрьмы,
Чтобы был понадежнее дом.
Моралисты повсюду твердят:
Надо тихо и правильно жить
Обстоятельства судьбы творят,
Случай может всю жизнь изменить.
Как бы ни было мне тяжело,
Не рвались как бы струны души,
Я спасенья ищу под крылом
У жены в нашей милой глуши.
Моя крепость - кирпичный мой дом,
Где живу, где люблю и творю,
Где с любимой супругой вдвоем
Провожаем в закатах зарю.
К сожалению, жизнь коротка,

Рифмы Севера

Ждать недолго последний закат,
Все темней надо мной облака,
Мои дни все быстрее летят.
Потому-то творить я спешу,
Красотой бытия опьянен,
Я вокруг себя образ ищу,
Как свое продолжение в нем.
- Посмотри на меня, посмотри,
Разве дашь шестьдесят мне плюс три?
И хотя голова вся в снегу,
Я любить еще женщин могу.

Февраль 2011 г.

Встреча с интересным человеком

1

Поезд Москва-Волгоград был уже готов к отправлению, а в моем купе находился один я.

- Скучновато будет без попутчика - с грустью подумал я, глядя на перронную суету людей.

Вот уже вагоны покинули все провожающие и прозвучало объявление об отправлении поезда, как вдруг на перроне показался носильщик с тачкой, загруженной основательно чемоданами и баулами. Следом торопливой походкой шел важный седой господин в элегантном костюме. Буквально через минуту весь багаж оказался в моем купе. Шустрый крепкого телосложения носильщик быстро разложил по полкам вещи и, пожелав мне доброго пути, поспешил к выходу. Поезд уже тронулся, когда в мое купе, вытирая платком лоб, зашел сам хозяин поклажи тот самый седой господин.

- Будем знакомы - Иван Иванович, - представился он прямо с порога, протягивая мне загорелую руку. - Извините за опоздание. Только что с самолета. Багаж долго не выдавали...

- А я по Вашему виду определил, что Вы иностранец, - ответил я, пожимая крепкую руку моего попутчика.

- Да как Вам сказать, Вы почти угадали. Из Германии я прилетел, там я живу. А вообще у меня двойное гражданство, - непридуманно информировал меня Иван Иванович, выставляя на столик бутылки и пакеты с продуктами. - Скажу Вам честно, очень соскучился, по русской речи. Вот уж восемь месяцев как не был я в России. Поэтому извините, молодой человек, за словесный понос, я радешенек поговорить с любимым россиянином.

Я сразу же проникся симпатией к своему спутнику. Пока он говорил, я внимательно за ним наблюдал. Ничем не насторожил меня этот человек. Простое открытое русское лицо, приветливая улыбка. Правда, немного смущал кинжально острый взгляд глубоко посаженных умных темных глаз. И еще меня мучил вопрос: сколько моему дорожному компаньону лет? Седая, как лунь, голова, не соответствовала его молодежавому лицу, а веселые искорки глаз говорили о молодой душе. Его нельзя было назвать стариком - он свободно двигался по купе, легко переставлял свои нелегкие

Встреча с интересным человеком

чемоданы. Иван Иванович был человеком среднего роста и средней полноты. Под его белой рубашкой чувствовалось еще крепкое телосложение, характерное для людей физического труда. Его бодрый голос был каким-то неестественно высоким, похожим на женский, что тоже как-то не соответствовало внешним данным пожилого мужчины.

- Будьте любезны, присаживайтесь к столику, - вдруг обратился ко мне Иван Иванович, откупоривая бутылку какого-то заморского вина. - Да я ведь не услышал как Вас зовут, совсем заболтался старый дед ...

- Николай Яковлевич, Николаем зовите, я ведь значительно Вас моложе...

- Вот и прекрасно, Коля, выпьем за знакомство. Эх, как же я люблю, ездить в поездах по России. Пока едешь, чужие люди-пассажиры становятся как родные. Сколько интересных судеб встречаются в вагонах. Нет, российские просторы нельзя сравнить ни с какими европейскими. Там не успел познакомиться с попутчиком в поезде и уже надо выходить. Да и народ там как-то не расположен к общению, какой-то не контактный, замкнутый. Ты думаешь почему у русского человека широкая душа? Потому что он живет на широких просторах необъятной страны. Да, да, мил человек, масштабы Отчизны и ее детей взаимосвязаны. Ах, как правильно сказал Федор Иванович Тютчев о нашей матушке:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить,
У ней особенная статья -
В Россию можно только верить.

- Поистине меткие мудрые слова нашел поэт для своей Родины. Да ты закусывай, Николай, не стесняйся, - почти приказал мне мой собеседник, наливая еще в чайные стаканы замечательного вина. - Кстати, если не секрет, ты кто будешь по профессии?

- Да газетчик я, журналистами еще величают нашего брата. Еду в Волгоград с одной жалобой разобраться...

- Вот как! - обрадованно воскликнул Иван Иванович. - Как говорится, на ловца и зверь идет. А я вот в жизни многому научился, но писать не могу, видать это ремесло не для всякого. Тут нужен особый склад и души, и ума. Эта профессия дается людям от Бога. Можно быть плохим токарем, либо агрономом, но быть пло-

хим журналистом нельзя, потому что он владеет самым сильным оружием, название которому слово. С помощью слова можно убить и воскресить человека. Со слова начинаются и кончаются войны. Слово творит и совершенствует человека. Поэтому на мастерах пера лежит особая ответственность перед людьми. Ну, ты извини, брат, что меня прорвало. За восемь месяцев мне так надоела немецкая речь. О, родной язык ... Ко всему можно привыкнуть, а без русского языка тоска, прости, пожалуйста, не могу наговориться. Так, наверное, умирающий от жажды странник в пустыне не может напиться воды из, вдруг найденного, источника. Так и я, Коля, уважь старика, ради Бога, и слушай, слушай... Я ведь почему обрадовался, когда узнал, что ты журналист? Очень хочется, чтобы кто-нибудь написал о моей жизни. Она ведь кончается. Ты не смотри, что я выгляжу молодо. Я родился аж в 1912 году. Просто душа у меня молодая, а от нее и внешний вид образуется.

- Итак, Николай Яковлевич! У нас имеется много вина, много всякой закуски и почти сутки времени в пути. Никому в жизни я не рассказывал о своей судьбе. Но вот недавно в сердце стало сильно покалывать. Это сигнал к завершению земных дел. Поэтому я и тороплюсь. Каждый должен оставлять свой мир, приведенным в порядок.

Тогда, говорят, легко умирать. Вот когда я буду знать, что о моей сложной жизни узнают люди, тогда вопросов к Богу не будет. Кем я жил на этой земле грешником или праведником - судить не мне. Я старался жить по совести. В герои никогда не рвался. Всякая жизнь заслуживает внимания. К несчастью, многие люди умирают из-за политики, которую ошибочно принимают за саму жизнь. Другие живут, по кем-то установленным правилам-стандартам и не могут найти свое счастье. Мое кредо – оставаться самим собой при любых обстоятельствах.

2

Наш поезд остановился на какой-то станции. На перроне было много народа. В основном это были продавцы всякой снеди. Но вот вдоль вагонов засновали торговцы стеклянными изделиями. Они настойчиво предлагали пассажирам купить всякие графины, фужеры, вазы, стаканы. Иван Иванович с удивлением смотрел на эту необычную торговлю - видать он отстал от российской жизни. Я пояснил ему, что в этом городке имеется стекольный завод, где работникам зарплату выдают произведенным товаром, кото-

Встреча с интересным человеком

рый они реализуют кто как может, продал - значит как бы получил зарплату. То есть, - пояснил я, - у нас в России известная формула Маркса «деньги-товар-деньги» действует в укороченном виде «товар-деньги». Таков менталитет российского рынка ...

Но вот стекольный сервис появился прямо в нашем вагоне. Молодая красивая девушка, очаровательно улыбаясь, предложила нам купить у нее оригинальные рюмочки. Иван Иванович, не долго думая, протянул девушке несколько немецких марок со словами: «Я покупаю ваш товар». Девушка засияла от радости и, поблагодарив нас за покупку, убежала к выходу.

Поезд тронулся, оставив на перроне толпу неудачников. Может повезет с приходом следующего поезда ...

- Вот так мы и живем, Иван Иванович, вот так пожинаем плоды, так называемых, реформ.

- Знаю. Я ведь выписываю российские газеты, да и земляки пишут мне письма. Бедный народ. Он опять стал заложником нечистоплотной политики. Как могут называть себя демократами люди, которые в первую очередь, используя власть, позаботились о собственном кармане? И при этом лицемерно призывают общество к согласию. Но если сытый голодного не разумеет, будет ли разуместь голодный сытого. Приватизация в России пошла по криминальному руслу. В капитализм надо входить, а не прыгать. Российский капитализм по дикости не имеет себе равных даже в историческом плане. Не случайно политологи еще называют его пещерным. Гайдаровская команда все, наворованное у государства, назвала накопительским капиталом, который должен был пойти на развитие производства. Но никто из новых русских в реальную экономику так и не вложил ни рубля. Фантастически разбогатели дельцы от власти. Прекрасно понимая, что многие лакомые куски всероссийского пирога они получили несправедливым путем, так называемые демократы хотели бы вечно пребывать на вершине власти, но вряд ли у них что получится. Они забыли, или, вернее, не думали даже о народе, который загнан криминальными реформами в нищету. Кажется, политический маятник резко качнулся влево. И здесь несколько заслуг коммунистов, сколько вина демократов.

- О, Вы рассуждаете как истинный политолог, я тоже так думаю, - сказал я. - В истории страны таких разрушительных реформ никогда не было.

- За державу обидно, - продолжил мою мысль Иван Иванович, - я так думаю, что объективно для кризиса причин не было. Первый тяжелый удар по экономике нанесен развалом СССР. Разрыв связей, нарушение единого экономического поля и так далее. В России экономический кризис спровоцирован искусственно, путем установления непомерно тяжелых налогов, плюс поспешная бесконтрольная либерализация цен. Каждый постарался за столбить свое благополучие. Но больше всех подняли цены монополисты. Ну и что? Тарифы на железнодорожные грузоперевозки, на энергоносители подскочили в тысячи раз - ну какой же производитель может выдержать такую нагрузку? Создается впечатление, что государством до сих пор управляла некомпетентность и безответственность. Но мы отвлеклись, Коленька, на эту тему можно вести беседу часами, но у нас ведь лимит на время. Слушай же историю моей жизни. Начну сразу с войны. А ты записывай, если на память не надеешься. А твой-то батька где? - вдруг спросил меня собеседник, уставившись на меня своими рентгеновскими глазами.

- Погиб мой отец еще в начале войны под Москвой.

- Под Москвой? Я там тоже воевал. Как его фамилия?

- Баталов, сержант.

- Нет, не припомню такого. И нашел ты могилку своего папы?

- допытывался Иван Иванович.

- Нашел. В Москве на Преображенском кладбище. Он умер от ран в госпитале, который находился недалеко от этого кладбища, - ответил я обстоятельно.

- Царствие ему небесное, - с неподдельной скорбью на лице сказал старый солдат. - Так вот, я хотел начать свой рассказ с битвы под Москвой.

3

Я был мобилизован в Красную Армию на второй день войны, как сейчас помню 23 июня жарким, солнечным днем. Родился и вырос я в деревне, недалеко от Царицына-Сталинграда-Волгограда. Только в России так вольно обращаются с названиями городов. В Сталинграде и формировалась наша стрелковая дивизия. Счастье наше, что нас сразу не отправили на фронт. Ведь наша армия в то время отступала. Могли ли мы необученные, необстрелянные новобранцы повлиять на ход военных событий? У нас был умный

Встреча с интересным человеком

командир дивизии. Он нас готовил к войне по-суворовски. На учениях мы изматывались, но наш «Суворов» (так мы его называли с любовью) часто повторял крылатую суворовскую фразу: «Тяжело в ученье - легко в бою».

В сентябре нашу обученную полнокровную дивизию перебрасывают под Москву. Враг уже подходил к столице. Там мы и приняли первое боевое крещение. Трижды оставляли свои оборонительные позиции по приказу командования. А затем приехал к нам Жуков, лично сам побывал на передовой, проанализировал ситуацию и твердо сказал: «Ни шагу назад, стоять насмерть!» Уже тогда у нас по окопам ходило крылатое выражение: «Велика Россия, а отступить некуда – позади Москва».

Конкретно для нашей дивизии задача сводилась к тому, чтобы не дать противнику прорвать нашу оборону. Лично я видел Жукова несколько раз в расположении нашей дивизии. Он тогда принял командование объединенным фронтом. Энергичный был мужик. Солдаты любили его и верили ему.

Где-то в середине ноября немецкие войска группы армий «Центр» перешли в новое наступление по всему Западному фронту. Но к этому времени, благодаря военному таланту генерала Жукова, оборона Москвы уже была хорошо организована. Мы защищали столицу с севера. До нее было рукой подать. Именно на нашу 28 Армию фельдмаршал фон Бок бросил огромные силы, рассчитывая с фланга прорвать нашу оборону и зайти в Москву с северо-запада.

Для немецкого генерала уж очень было соблазнительным это направление главного удара. До столицы оставалось 30-40 километров. Враг превосходил тогда нас и по живой силе, и по танкам, и по самолетам, и по артиллерии. Тяжелыми были эти кровопролитные бои. Каждый день атака за атакой. Авиация, танки, пехота... Но мы выдюжили. К концу ноября напор немцев ослаб, явно они выдохлись. А 5 декабря мы по всему Западному фронту перешли в контрнаступление. Противник не ожидал от нас такой дерзости. И дрогнул, и начал отступать. А тут еще небывалые сорокаградусные морозы нам помогли. Немцы ведь рассчитывали квартировать в Москве зимой. Их обмундирование было легким. Словом, отбросили мы немца от Москвы в тех боях на 200-300 километров. Это была первая большая победа нашей армии. Как поднялся моральный дух всего советского народа, каждого солдата. Теперь каждый

школьник знает, что той победой был развеян миф о непобедимости немецкой армии.

А под Волоколамском меня контузило. Брали мы одну деревушку, а точнее то, что от нее осталось. Одни печи стояли, все дома были сожжены. Причем, сожгли ту деревню, как и многие другие, наши еще при отступлении. Такая была разработана тактика. А ведь там жили наши люди, мало кто успел эвакуироваться. Население ютилось в землянках. Такая была сталинская установка: «Не дать врагу даже кровя для ночлега». А свой народ что... Лес рубят - щепки летят...

Так вот шли мы ротой на эту деревушку, как говорится, во весь рост. Разведка доложила, что там немцев нет. И вдруг из-под одной из закопченных печей ударил очередью по нам пулемет. Все упали на землю. Некоторые навсегда. Я прыгнул в старую воронку от снаряда и считал, что мне повезло больше других, все-таки пули не берут. Мои товарищи лежат в чистом поле, орудуют в снегу лопатками. А тут по нашему пятаку вдруг ударила вражеская артиллерия. Я зову своего товарища, который лежал неподалеку, чтобы он ко мне в воронку полз. Но оглушительный взрыв передо мной остановил мое время. Пришел в себя я через неделю в одном из московских госпиталей. Медсестра прочитала мне записку от товарища, которого я приглашал в свою воронку. Из нее я узнал, что тем взрывом меня засыпало землей, друг откопал меня без особой веры, что я буду жить.

Он и отправил меня в медсанбат, на всякий случай, вложив записку в карман моей гимнастерки.

Почти четыре месяца я провалялся на больничной койке. Голова была как колокол - звон и глухота, думал инвалидом останусь. Но доктора поставили на ноги, слух восстановился.

После госпиталя весной я направляюсь на Юго-Западный фронт, которым командовал маршал Тимошенко. Там мне было присвоено звание лейтенанта и назначили командиром роты. Мы готовились к сражению на харьковском направлении.

Как нам тогда объясняло командование, целью Харьковской операции был разгром харьковской группировки немецких войск. Сначала все шло хорошо. 12 мая войска Юго-Западного фронта перешли в наступление и, прорвав оборону противника, за три дня продвинулись вперед на 25 километров. Наша дивизия шла первой

Встреча с интересным человеком

вслед за танками. Однако, наших сил явно было недостаточно, чтобы развить и дальше успешное наступление, хотя в распоряжении командования они были. Затянули с подтягиванием резервов. Это была роковая стратегическая ошибка нашего штаба. Командование фронтом с запозданием в пять дней только ввело в сражение вторые эшелоны армий, что позволило немцам перебросить в район прорыва подкрепление и организовать прочную оборону. Одновременно, группа немецко-фашистских армий «Юг», которой командовал генерал-фельдмаршал фон Бок, перешла в наступление. Как известно, после поражения под Москвой фон Бок был отстранен Гитлером от командования группы армий «Центр». Но, видимо вспомнив, что за одного битого двух небитых дают, фюрер перевел фельдмаршала командовать группой армий «Юг», тем самым дав ему шанс реабилитировать себя после московского краха. С юга на наши фланги наступала армия генерала Клейста, с севера, известная по Сталинградской битве, 6-я армия Паулюса.

23 мая они соединились, замкнув кольцо окружения наших главных сил Юго-Западного фронта.

Наше командование предприняло отчаянную попытку вывести войска из окружения, но решение было запоздалым. С большими потерями прорвались лишь некоторые советские части. Короче говоря, наша армия была блокирована силами противника со всех сторон. Кольцо начало сжиматься. Последовали расчленяющие удары немецких войск. Мы ждали своей участи. Куда-то бежать было бесполезно. Все надеялись на чудо, что нас выручат советские части, находящиеся вне кольца. Боеприпасы заканчивались.

Наша дивизия окопалась в чистом поле. Мы даже не видели немецких солдат. Но стоило выглянуть из окопа, как тут же раздавалась с вражеской стороны пулеметная очередь. Все наши танки были уничтожены в первые же дни блокады. Методично по несколько раз в день немецкие самолеты забрасывали наше поле бомбами. Не успевали улетать самолеты, как начиналась артиллерийская обработка наших позиций. Трудно передать словами, какой мы переживали ад. Немцы явно мстили нам за Москву. Мы поняли, что они решили нас уничтожить с помощью техники, не теряя своих солдат. Да, фон Бок здесь взял реванш за поражение под Москвой. На этот раз он отличился перед Гитлером. Но не благодаря своему таланту. Только ленивый, либо совсем бездарный генерал, мог не восполь-

зоваться в данном случае грубейшим стратегическим просчетом советского командования.

А между тем, операция по уничтожению нашей дивизии подходила к завершению. В моей роте осталось всего семь бойцов, кое-кто из них был легко ранен. Не знаю даже почему, но я заставлял их копать и копать окопы вглубь. При бомбежках я приказывал всем рассредоточиться. Видимо, мною управлял инстинкт самосохранения. Человек в любой ситуации на что-то надеется. А мы были такие молодые, жить-то хотелось. Но гитлеровцы видимо решили не обременять себя пленными, и продолжали молотить наше поле всеми видами оружия.

К концу мая наша дивизия перестала существовать. Но на всякий случай на подчистку нашей позиции пошли немецкие автоматчики. Мы слышали их короткие автоматные очереди. Они добивали редких раненых красноармейцев.

Я смотрел из окопа на приближающихся немецких солдат с закатанными рукавами и мучительно принимал решение. Рядом со мной находились шесть парней - все, что осталось от моей роты. «Осталось семь я, семья» - подумал я. Мои бойцы тоже смотрели на проверяющих окопы немецких солдат, выложив на брусвер свои винтовки и гранаты. Никто из них не сомневался, что как только немцы подойдут ближе, я дам команду открыть по ним огонь.

- Умереть никогда не поздно, - думал я, - да я хоть тридцать лет прожил, немного видел жизнь, познал радость любви и семейного счастья. А что видели эти ребята, которым в среднем чуть больше двадцати лет от роду? Большинство из них даже с девушками не целовались. Страшно умирать, не изведав высшего наслаждения, данного нам природой ради продления жизни. Этот страх как бы приоритетный для молодого человека, все остальное вторично.

Я знал, что ребята мне верили и они выполнят любую мою команду, знал, что они приготовились к наихудшему варианту развития дальнейших событий. Время неумолимо приближало к нам немецких автоматчиков, а я не мог найти убедительный ответ на самый главный вопрос, который вдруг вырос передо мной на этом кровавом поле: «Почему мы должны умереть?» Как это примитивно просто умереть с криком «за Родину, за Сталина». Для этого достаточно сейчас открыть огонь по немцам. Ну, уничтожим мы несколько гитлеровцев, а через несколько минут по нашему окопу

Встреча с интересным человеком

ударит вся артиллерия противника и наш прах смешается с землей и наше убежище станет безымянной могилой. Кто узнает о нашей геройской смерти? Не случайно же в народе говорят «Смерть красна на миру». Почему кто-то по глупости, по бездарности погубил на этом поле тысячи советских солдат и продолжает жить там далеко ради сталинской идеологии? Почему Родина будет более счастливой, если мы останемся навсегда на этом поле, пусть даже с несколькими немецкими солдатами?

Почему за безумство политиков-авантюристов эти парни должны отдавать самое дорогое - молодые жизни? Воинский долг? Но его можно выполнить не обязательно ценой своей жизни. К победе над врагом ведут тысячи путей. А разве после войны мы не будем нужны обескровленной Родине?

Эти мысли молниеносно пронеслись в моей голове. До нас уже доносилась немецкая речь, автоматчики шли прямо на наш окоп. Над головой каркнула ворона. Я посмотрел вверх. Над полем клубился вороний грай. «Нет, ты не дождешься от нас добычи, хищная птица!», - со стоном подумал я. Безумно захотелось жить. Решение прозрело мгновенно. Надо сдать в плен. Но как?

- Товарищи красноармейцы, подойдите ко мне, - скомандовал я. Солдаты окружили меня в расширенном отсеке окопа. Они смотрели на меня с надеждой и тревогой. Страха в их глазах не было.

- Солдаты! - обратился я к ним. - Перед нами стоит непростой выбор: либо погибнуть как все наши братья на этом поле и стать без вести пропавшими, либо попытаться остаться в живых. Как командир Советской Армии я должен выбрать первое, как человек, как гражданин СССР и планеты Земля я хочу, чтобы вы не были расклеваны вороньем на этом поле. Я предлагаю сдать в плен. Я знаю, вы не трусы. Так не посчитайте же за труса своего командира. Если кто-то из вас посчитает мое решение за предательство, можете меня расстрелять на месте. Но я хочу, чтобы вы жили. Вопрос еще в том: возьмут ли нас немцы в плен?

С этими словами я разорвал на себе нательную рубаху и нанизал ее на штык винтовки. У ребят покатались слезы из глаз. Никто из них не двинулся с места. Я заглянул в каждую пару глаз и повторил:

- Если вы меня считаете за предателя - стреляйте в своего командира, а потом воля ваша... И высунул из окопа свой флаг капитуляции.

Автоматчики были уже совсем рядом. Они не ожидали увидеть еще кого-то из живых красноармейцев. Послышалась команда: «Хальт!» А затем по-русски: - Иван, выходи!

- Откуда знает немец как меня зовут? - мелькнула у меня мысль, затем сообразил, что для немцев мы все Ивановы, как для нас они фрицы. Я вылез из окопа, поднял руки. Рядом со мной встали мои солдаты. Сзади нас стоял наш обгорелый танк, а против нас в ожидании команды своего офицера застыла группа немецких автоматчиков. Их было человек десять. Немецкий офицер разрешил нам опустить руки. На нем был красивый с иголки мундир и сам он был статным мужчиной. На выхоленном, чисто выбритом лице играла самодовольная улыбка.

Офицер прошелся вдоль нашего строя, заглядывая каждому в глаза.

- Ну, что, Иван, отвоевался. Сталин капут? – вдруг обратился он ко мне на чистом русском языке, пристально вглядываясь в мое лицо.

- Капут, капут, – ответил я безразлично.

- Гут, очень хорошо, - оживился офицер и отдал своим солдатам какую-то команду на немецком языке.

Те вскинули автоматы - раздались короткие очереди. Пули летели выше наших голов и щелкали сзади нас о броню танка.

Никто из нас не показал ни малейшего признака страха, внутренне мы были готовы к расстрелу. «Только бы быстрее все это кончилось», - думали мы.

Стрельба прекратилась и холеный фашист самодовольно рассмеялся, давая понять, что проверял нервы. Затем он пощупал у каждого из нас бицепсы. Все мы были хорошо накачаны, крепко сбитые, мускулистые. Офицер задумался, видимо решая какую-то задачу. Возникла напряженная пауза. Затем он отстегнул от пояса фляжку и поочередно стал угощать каждого из нас шнапсом, наливая его в поднятую гильзу небольшого снаряда.

- Выпейте за своих товарищей, которые остались спать на этом русском поле вечным сном и больше никогда не будут воевать с великой Германией.

Мы не почувствовали унижения в этой странной процедуре нашего врага. Все выпили. За такой тост нельзя не выпить, кто бы его не произнес. Затем наш «тамада» выпил сам остатки шнапса прямо из фляжки со словами:

Встреча с интересным человеком

- За победу! Хайль Гитлер!

Немецкие солдаты, выбросив руки вперед, дружно ответили:

- Хайль Гитлер!

Исполненный собственного достоинства, офицер обратился к нам с речью:

- Я - немецкий офицер Вермахта оценил ваш разумный поступок - добровольную сдачу в плен, полагаясь на милость победителя. Значит вы не большевистские фанатики, значит вы хотите жить. Я дарю вам жизнь. Я не хочу вас расстреливать, хотя нарушаю при этом инструкцию командования.

Отныне вы будете служить великой Германии унд арбайтен. И чем лучше вы будете работать, тем быстрее закончится война. Немцы умеют ценить хороших работников. После войны вы возвратитесь в свои семьи. В СССР я до войны учился в военной академии. Там изучил русский язык. Богатая ваша страна. Но без немецкого порядка вы хорошо жить никогда не будете, а будете сопротивляться - вообще жить не будете.

«С чего бы так разоткровенничал этот сентиментальный фашист?» - подумал я.

Словно прочитав мои мысли, офицер подошел ко мне и спросил:

- Как тебя зовут?

- Иван.

- Это правда, Ваше имя Иван? Или потому, что в России все Ивановы? - хитро улыбаясь, переспросил он. - Вам 30 лет? Столько и мне. Вы лейтенант? - эти вопросы офицер задавал мне, листая мои документы, которые он вынул из нагрудного кармана моей гимнастерки. Удовлетворив свое любопытство, немец отдал мне мои бумаги со словами:

- Они вам больше не пригодятся. Вместо имен у вас теперь будут номера.

И вдруг он как будто о чем-то вспомнил, щелкнул каблуками и поднеся руку к козырьку, громко прокричал:

- Гауптман Иоган Шредер. Капитан по-вашему. Приятно было встретиться с вами на этом мертвом поле боя.

Затем капитан подозвал к себе двух своих солдат и стал что-то долго им объяснять. На клочке бумаги он написал записку и отдал ее одному из солдат.

- Ауф видерзее! - попрощался с нами Иоган Шредер. - Эти

солдаты доставят вас куда надо. Два солдата повели нас куда-то по окровавленному полю. В окопы страшно было заглядывать - они были завалены трупами наших солдат. В нос бил невыносимый тошнотворный запах разлагающихся останков. Мы вышли на дорогу. Навстречу сплошным потоком тянулись немецкие войска, они двигались на восток. Затем солдаты-конвоиры остановили какой-то порожний грузовик, посадили нас в него и мы долго ехали проселочными дорогами. Наконец, мы приехали на железнодорожную станцию. Здесь нам дали воды и хлеба.

Порожняка ждать пришлось недолго. Как только он пришел, нас погрузили в вагон-телятник, в котором уже ехало с десятков пленных красноармейцев. Кроме соломы и бочки с водой в вагоне больше ничего не было. Конвоиры разместились в соседнем вагоне. Там же находилась вся охрана поезда.

Вскоре состав тронулся и мы поехали на заход солнца, на запад. В вагоне мы основательно все перезнакомились. Я лучше узнал биографию своих ребят. На фронте ведь некогда вникать в подробности каждой жизни. В основном деревенские были парни. Кто откуда. Один из них моим земляком оказался, другой из Воронежской области, остальные из Сибири. Кроме меня женатым оказался еще один сибиряк из Омской области, ему исполнилось двадцать пять лет. Остальные и девок ладом не щупали. Красноармейцы, что ехали в вагоне прежде нас, были взяты в плен тоже на Харьковском плацдарме. Они тоже чудом уцелели в мясорубке котла. Они рассказали, что немцы брали в плен только здоровых и сильных солдат. Остальных, и тем более, раненых, расстреливали. Солдаты рассказали, что при посадке в вагоны двое наших сбежали, и фашисты расстреляли за это каждого десятого прямо там на железнодорожной станции.

Везли нас долго с пересадкой на польской границе. Конвой каждый день бросал нам в вагон скудный сухой паек и хлеб-эрзац. Дней через двадцать мы приехали в город Кельн. Это на западе Германии на реке Рейн. Земля Северный Рейн Вестфалия называется. Здесь нас пересадили на грузовик и мы поехали через ухоженные плодородные поля еще дальше на запад. Наши попутчики остались в Кельне. Их куда-то увели охранники в сопровождении овчарок.

Под вечер мы приехали на огромную сельскохозяйственную ферму, представляющую собой множество длинных параллельных

Встреча с интересным человеком

строений из кирпича, по всему своему виду напоминающие животноводческие помещения. Недалеко от этого комплекса находилась усадьба, включающая в себя большой двухэтажный красивый дом под красной черепицей и надворные постройки: небольшие домики, оранжереи, аккуратные сараи. А еще дальше виднелась небольшая деревня домов на тридцать.

Наши охранники завели нас во двор усадьбы. Навстречу нам вышла молодая и красивая фрау с доброй улыбкой. В стороне стояли по-видимому придворные люди, которые вышли поглазеть на врагов Рейха.

Наши конвоиры долго что-то объясняли хозяйке фермы. Они свое дело сделали и теперь могли возвращаться назад, если не возникнут непредвиденные обстоятельства. Такой по всей вероятности они получили приказ от своего офицера, который мог отправить нас сюда по заявке на рабочую силу.

Фрау подошла к нам с молодым человеком, который оказался переводчиком. Чуть улыбаясь, она представилась Маргаритой. Затем пояснила, что является хозяйкой этой фермы, пока муж на фронте. Ферма производит продукты для армии: мясо, масло, сыры, овощи, хлеб. В тех длинных помещениях скот, в основном свиньи и крупный рогатый скот. Там же имеется перерабатывающий цех.

Переводчик бегло переводил информацию Маргариты. К своему удивлению я поймал себя на мысли, что кое-что понимаю и без переводчика. В школе, а затем в сельскохозяйственном институте мне неплохо давался немецкий язык.

- Отныне все прибывшие русские, - продолжала фермерша, - будут работать на нашей сельскохозяйственной ферме до конца войны. Охраны у вас не будет. Здесь некуда бежать. Да и как это у русских говорится: от добра добра не ищут. За хорошую работу вы будете иметь хорошее питание, одежду и довольно свободный режим жизни. Но при необходимости можно быстро вызвать полицию из города, если ваше поведение будет вредным, либо опасным для нашего дела, для Германии.

Маргарита повторила, что фермой управлять будет она, но при этом пожелала выбрать среди нас старшего, через которого она бы могла отдавать распоряжения. Мои товарищи показали глазами на меня.

- Гут, - сказала фрау и спросила как меня зовут.

- Иван, - представился я.

- Есть ли у Вас в России семья? – поинтересовалась Маргарита.

- Да, жена и трехлетний сынишка.

- Чем старательнее Вы будете работать на ферме, тем больше шансов будет у Вас вернуться после войны к вашей фрау, - хитро улыбнувшись, сказала очаровательная немка.

Узнав, что я сам бывший колхозник (то есть советский фермер) и все мои товарищи деревенские из крестьян, Маргарита совсем повеселела и велела в нашу честь прямо во дворе накрыть стол. Появились закуски, которые нам и не снились. Нас угостили даже вином.

- Я не должна была этого делать, - призналась хозяйка - власти не одобряют любое милосердие к врагам Рейха, но мои люди не скажут, а солдаты завтра уезжают, им до этого дела нет, да они наверняка уже спят после угощения. А я так далека от политики. Для меня все люди одинаковы. Я не люблю только бездельников – переводил переводчик фразы фрау, почему-то только для меня. Добрая немка вдруг стала грустной и задумчивой. Оказывается, она не видела своего мужа уже около двух лет. По ее словам он храбрый офицер и может не задумываясь пойти под пули, но она не хочет остаться вдовой. В соседнюю деревню пришло уже несколько похоронок. Ее муж не хотел воевать.

Хозяйка выпила вина и продолжала:

- У нас нет детей, хотя я замужем уже четыре года.

Я чувствовал себя неловко от такой откровенности фермерши. Зачем она посвящает нас пленных советских солдат в свою семейную жизнь? Мне были чуждыми и непонятными ее неестественные симпатии к рабам Германии. После того ада, что мы пережили недавно на поле смерти под Харьковом, великодушие немецкой женщины никак не укладывалось в мое представление о немецкой нации. «А не играет ли она с нами в панибратство?» - размышлял я. «А может она мягко стелет...» «Простота хуже воровства», - вспомнил почему-то я русскую поговорку. «Что скажут о ней придворные?»

Я мучительно искал ответ на причину человеческого к нам отношения фермерши и не мог найти. В конце концов я остановился на двух предположениях: от скуки провинциальной однообразной жизни, либо от неверия в победу Германии. Впрочем, вскоре я засомневался и в этих постулатах.

Встреча с интересным человеком

Мои размышления вдруг прервала Маргарита прикосновением руки к моему плечу, словно мы с ней были знакомы давно. Она подняла на меня свои большие голубые глаза и без переводчика больше жеста и мимикой объяснила, что ее супруг такой же красивый и сильный как я. Поблагодарив за комплимент, я ответил, что у моей жены Анны тоже такие же голубые глаза.

Так состоялось наше знакомство. А затем Маргарита повела нас в домик, в котором мы должны жить. Он находился рядом с фермой. Внутри в домике было уютно, спальная комната, зал, кухня, туалет с ванной и душем - о таком комфорте можно было только мечтать. Все блистало чистотой.

Нам там выдали гражданскую одежду, мы вымылись, привели себя в порядок, побрились и не узнавали друг друга. Все помолодели. В глазах появился блеск. Живем значит. Спали на чистых простынях как убитые.

Рано утром в дверь постучали. Я вышел. У двери стояла Маргарита. Она еще вчера условилась со мной, что утром пойдем с ней осматривать хозяйство. По пути она посетовала на то, что власти требуют все больше и больше продуктов для Вермахта, а у ней работников не хватает, все ведь мужчины на войне. На сей раз с нами не было переводчика. Маргарита держала в руках разговорник со словарем. Кое-как мы объяснялись, помогая руками и мимикой. Мы обошли все коровники, затем свинарники. Сотни голов находилось в каждом животноводческом помещении.

Я понял, что легкого хлеба нам здесь не видать.

Затем мы зашли в офис Маргариты, там сидел ее переводчик. Он переводил для нас инструкции на каждое рабочее место. Мы уже все были закреплены за определенными участками фермы. Я отвечал за складирование и раздачу кормов.

На третий день мы приступили к исполнению своих обязанностей. Немецкие работники смотрели на нас изподлобья, да это и понятно - ведь мы для них были врагами. Но прошло некоторое время и бауэры стали относиться к нам по-другому, зауважали, они нас. Для нас крестьянский труд был привычным делом. Все мои ребята были хваткие, исполнительные и аккуратные. Дело спорилось и немцы почувствовали облегчение в работе.

Мы старались как можно меньше общаться с придворными людьми и кадровыми работниками фермы. Но люди есть люди. И

разъединенные политиками, они тянутся друг к другу, несмотря на различие языка и культуры, несмотря на войну, несмотря на то, что некоторые работницы уже потеряли своих мужей на фронте. Немцы прежде всего ценят в людях трудолюбие, умение работать, аккуратность. Мы старались добросовестно относиться к делу.

О саботаже и не думали. Ну, не оружие ведь производим, а пищу, хотя по большому счету хлеб тоже оружие. Но ведь хлеб кушает не только армия, но и вся страна, и все военнопленные, находящиеся на ее территории, вся привлеченная рабочая сила из других стран. Так я пытался в рассуждениях найти свою точку опоры в праведности своих поступков. Где она истина на тропе войны? Как не крути, она привязана к жизни, к чувству самосохранения. Я пытался определить наш статус. Если мы военнопленные, то почему ведем почти свободный образ жизни? Нас не бьют, не унижают. Несомненно, что нам повезло. Наша хозяйка оказалась чересчур доброй женщиной.

От ее доброты становятся добрее и все окружающие ее люди. В тоталитарном обществе и пороки и добродетели имеют свой централизм, хотя проявление человечности должно быть внутренней потребностью человека. Но ведь день и ночь геббельсовская пропаганда оболванивала народ по принципу: чем неправдоподобнее ложь, тем чаще она повторяется, или ложь, повторенная несколько раз, кажется правдой. И эта идеология оболванивания людей давала свои плоды. Но чем крестьянин любой страны отличается от городского жителя? Он работает с утра до ночи. Ему некогда заниматься политикой, читать газеты, слушать радио. Труд и является его иммунитетом против оболванивания. Поэтому крестьянин более чист сердцем, в нем сохраняются добрые человеческие качества. Это сейчас фермеры научились бастовать.

Загонят несколько тысяч коров в город и требуют от властей всяких льгот. Конечно же это действует... Особенно, когда льгота меньше стоимости уборки с городских улиц навоза.

Да, но я, прости, пожалуйста, отклонился от рассказа. На чем я остановился? Ага, на статусе. Я считал себя ответственным за жизнь и дальнейшие поступки всех нас. Собственно, я в плену оставался командиром роты. Я искал линию своего поведения, не поддаваясь сталинской прямолинейности и однозначности.

Я всегда помнил библейскую заповедь: «Не сотвори себе ку-

Встреча с интересным человеком

мира». Хотя Сталин был кумиром для большинства граждан СССР. Красная идеология вознесла его выше Бога. Солдаты шли в атаку со словами: «За Родину, за Сталина». Но вожди приходят и уходят, а Родина остается. Вот за нее и болела душа, перед ней и приходилось постоянно сверять внутренние приборы долга и ответственности... Я не чувствовал своей вины в том, что остался жив сам и спас товарищей. Мы живем, а значит имеем шанс быть полезными стране, своим родным и близким. Как это сделать? Этот вопрос и волновал меня, как вольного пленника.

Прошло два месяца со дня нашего приезда на западный край Германии. Мы основательно освоились и перезнакомились с немецкими работниками. Для них мы уже не были безликими «руссами» как в первые дни, нас называли по именам, с нами здоровались, и даже иногда шутили. Правда, разговоры были только по делу.

Я старался как можно реже показываться на глаза фермерши, меня настораживала ее загадочная улыбка, с которой она всегда меня приветствовала.

А между тем жизнь шла своим чередом, мы и сами не заметили, как стали понимать и даже объясняться по-немецки. Постепенно наш фермерский набор слов расширялся. У нас в домике был свой радиоприемник. Все свободное от работы время мы его слушали. Мы уже начинали понимать кое-что из сводок немецкого командования. Кроме того, мне Маргарита подарила свой русско-немецкий словарь и разговорник. При очередной встрече она только удивлялась моим успехам в овладении ее родным языком. У меня была хорошая память. Я на слух запоминал целые фразы и обороты речи. Я мог уже без переводчика объясняться с фрау не только по производственным вопросам. Однако единственным источником информации о войне был наш радиоприемник.

Вести с фронтов были неутешительными, гитлеровцы успешно развивали наступление на южном направлении. Они овладели Северным Кавказом и неудержимо рвались к Сталинграду. Конечно же, много было в радиосообщениях помпезности и хвастовства, но успех немецких войск в летней кампании 1942 года был несомненным. Затем мы стали ловить радиостанции, вещающие на русском языке и их данные совпадали с немецкой информацией.

В сентябре и октябре шли ожесточенные бои за Сталинград. Мы узнали также из сводок, что город штурмовала 6-я Армия под

командованием генерала Паулюса. Это его солдаты под Харьковом в мае уничтожили нашу дивизию и взяли нас в плен.

Однажды, когда я на сеновале укладывал тюки сена, рядом со мной вдруг появилась фермерша. Она была в красивом платье и вся благоухала.

- Хватит работать, Иван, садись, я тебе что-то скажу, - обратилась ко мне Маргарита, и потянула меня за руку к себе. Мы сели рядом на тюк сена.

Я не мог отвести от нее глаз - настолько она была очаровательной. «Что она может хорошего сообщить?» - подумал я.

- Иван! Скоро войне конец. Скоро ты увидишь свою фразу. Армия Паулюса ведет бои за город Сталинград. Советские войска прижаты к Волге. Со дня на день Сталинград падет. Скорей бы кончалась эта проклятая война. Скажи, Иван, ты приедешь в гости ко мне со своей фразой после войны? Ее зовут Анна, говоришь? Хорошее имя. Если бы у меня родилась дочка, я бы назвала ее этим именем. Анна...

С этими словами Маргарита крепко обняла меня за шею и повалила назад на сено. Я отстранялся как мог, но она продолжала меня «атаковать», смеясь и целуя мою небритую щеку. От робости я оторопел и подумал, что так фермерша выражает свою радость по случаю скорой вероятной победы немецких войск под Сталинградом. Но... оказалось, Маргарита хотела меня.

- Иван, сегодня я добрая, возьми меня, давай отпразднуем победу. Ведь война кончится и приедет мой муж. Больше такого случая не будет, Иван. Выбрось политику из головы. Неважно кто кого победит. После войны наступает мир и люди забывают, кто победил. Не будь упрямым. Не обижай свою хозяйку. Нам надо расслабиться. Ты мне сразу понравился. А когда увидела какой ты работающий и хозяйственный мужчина, я совсем голову потеряла. Я стала забывать своего мужа. Я совсем себя чувствую слабой женщиной, и у нас почему-то нет детей. А я так хочу иметь Анну, - горячо шептала мне на ухо Маргарита.

Барахтаясь и целуясь с ней в сене, я страшно боялся переступить ту грань, которая незримо разделяла нас на враждующие стороны. Я всегда видел за ее спиной Гитлера. За моей спиной стояла Анна. Они и определяли в те минуты мое поведение по отношению к женщине, которая мне тоже очень нравилась, и, которую трудно не полюбить любому нормальному мужчине.

Встреча с интересным человеком

Обессиленная, раскинув руки на сене, она ждала меня. Я лежал на ней и смотрел ей в глаза, борясь сам с собой. Это было ужасное испытание и насилие над природой, над самым сильным инстинктом продолжения жизни. Вся натура физически крепкого мужчины тридцати лет требовала: «Бери», но холодный рассудок отгонял эту мысль. И вот он уже находит сильный аргумент против половой связи. Ведь победа немцев под Сталинградом - это праздник богатой фермерши фашистской Германии, и почему я должен отмечать его таким способом по прихоти хозяйки? Кроме того, дома меня ждет жена. Я вдруг вспомнил окопы, переполненные трупами наших воинов на том поле и резко вскочил на ноги.

Маргарита заплакала. Она рыдала как беспомощный ребенок, у которого отобрали любимую игрушку. Затем встала, одернула платье и сказала:

- Как это глупо, Иван. Ведь мы-то с тобой не враги. Что тебя остановило на пути к счастью? Ты оказывается жадный человек, ты не хочешь дать даже щепотку счастья женщине, которая устала от всех этих дел, от войны, и, которая любит тебя, - с этими словами она понуро ушла от моего рабочего места. Мне было не по себе.

Моя душа рвалась на части, но я был горд за одержанную победу над собой. Вечером в домике я собрал ребят и провел с ними политинформацию. Я им сказал то, что давно вынашивал в голове:

- Наши войска ведут кровопролитные бои за Сталинград. Это последняя наша надежда. Там воюет лучшая 6-я Армия Паулюса. Вы видели, что она сделала с нашей дивизией. В то время, когда на берегах Волги погибают наши воины, мы здесь живем как закормленные сытые коты. Чем мы можем помочь нашей армии? Я предлагаю бежать. Куда? Надо думать. Рядом Бельгия, Нидерланды, а за ними Франция. На восток пробираться бесполезно, слишком далеко до нашей страны, а тем более до линии фронта. Нас схватят и в лучшем случае бросят в концлагерь. Только вступив в отряды сопротивления Нидерландов или Франции (эти страны тоже оккупированы) мы сможем быть полезными и нашей стране. А там должны же наконец наши союзники открыть второй фронт.

Так все и согласилось с моим планом. Начали готовиться к побегу. Каждому была поставлена своя задача. Запасись продуктами не составляло труда. Одежду приличную тоже можно было достать. О приобретении документов не могло быть и речи. Реши-

ли идти скрытно без документов. Предстояло произвести рекогно-стировку местности, а главное - узнать через местное население безопасные коридоры через границу.

4

А между тем, судя по радиопередачам, немецкие войска никак не могут взять Сталинград, хотя по заверениям Гитлера у защитников города осталась узкая полоска обороны по берегу Волги и до победы над ними остались считанные дни, если не часы. Фашистская пропаганда захлебывалась от восторга, предвкушая скорый полный разгром советских войск. Но шли дни, недели и вот уже проходит ноябрь, а сводки с фронта по-прежнему оптимистические, правда они стали более куцыми: «Русские прижаты к Волге», «Армия Паулюса ждет боеприпасов». Чувствовалось, что фашистская машина забуксовала на Волге основательно.

У нас был почти свободный распорядок нерабочего времени. Наша фермерша разрешала нам ходить даже по окрестным местам. Пользуясь этой возможностью, мы сделали рекогностировку местности значительно дальше к западной границе. Мои ребята заходили в соседнюю деревню в гости к местным девушкам, хотя это было строго запрещено. Но молодость...

Побег решили совершить на Рождество, когда все отмечают этот праздник. И тут случилось непредвиденное. Из комендатуры города приехали два полицейских, которые установили за нами круглосуточный надзор. Вольница кончилась. Нам было строго запрещено отлучаться куда бы то ни было из фермы.

- Как это понять? - спросил я у Маргариты.

- Чем я вам не угодила, почему вы собрались бежать из моей фермы? - в упор спросила она у меня.

Я ничего не ответил и, подозревая ребят в предательстве, поспешил в домик. Все были в сборе.

- Кто проболтался? - резко спросил я у парней.

- Я, - не выдержав моего взгляда признался рядовой из Омской области. По его щекам потекли слезы. «Простите»...

И он чистосердечно рассказал, что влюбился в одну молоденькую немку из деревни и по дурости, чтобы быстрее ее «уломать», намекнул, что мы скоро покинем ферму. Все понятно. Та девушка сказала фермерше.

Встреча с интересным человеком

Короче, мы получили то, что получили. Строгий режим, ограничение в свободе передвижения, контроль, за каждым нашим шагом. Нас предупредили, что любое нарушение режима может привести к концлагерю.

Побег откладывался. Наступил 1943 год. Слушаем по ночам радио. На Волге продолжают ожесточенные бои. Сталинград стоит. Значит, там наши создали надежную оборону. Значит, врагам его не взять.

Но вот в начале февраля ко мне на сеновал опять приходит Маргарита. Она чем-то опечалена, на глазах слезы. Оказывается армия Паулюса в Сталинграде капитулировала и Гитлер объявил национальный траур. Советские войска окружили 33 немецких дивизии, которые перестали существовать. Это катастрофа для Германии.

Маргарита внимательно посмотрела мне в глаза и продолжала:

- Иван, я прошлый раз тебе не сказала, что мой муж воевал в 6-й Армии Паулюса. Теперь этой армии нет. Значит, мой муж либо погиб, либо в плену. Скорее всего, он погиб. Он был слишком прямолинейным и преданным долгу.

От таких вестей я взлетел от счастья на седьмое небо. Хотелось закричать «ура». Я не знал как выразить свое чувство восторга, радости, гордости за нашу армию, за ее грандиозную победу. По щекам Маргариты катились слезы. Она стояла передо мной кроткой и беспомощной. Все получилось почти автоматически. Я бесцеремонно схватил ее в охапку и бросил на сено.

- Вот теперь мы отпразднуем Сталинградскую победу! - с этими словами я прыгнул на нее как зверь. Маргарита не сопротивлялась. Время для нас остановилось. Мы долго не могли удовлетворить наш физиологический голод. Признаюсь, такого блаженства я не испытывал в жизни даже со своей женой. Это загадка для психологов. Неутомимой в любви оказалась и моя партнерша. Сказать, что природа свое взяла, было бы не совсем точно. Я понял, что полюбил Маргариту. Наши вожди мне больше не мешали. Я лежал рядом со своей любовницей усталый и счастливый. Думать ни о чем не хотелось. Что произошло, то произошло... Когда Маргарита уходила с сеновала, она призналась, что на коленях выпросила в комендатуре полицейских, боясь, что я от нее сбегу.

Что касается информации о готовящемся побеге, то она дей-

ствительно получила ее от девушки из деревни.

Откровенность Маргариты побудила меня задать ей один очень важный для меня вопрос, который не выходил из ума с тех пор, как мы оказались здесь на ферме:

- Почему мы прямо с фронта попали на работу, в Вестфалию на Рейне, то есть по-нашему - к черту на кулички?

- А потому, – ответила моя фермерша, - что вам повезло. Вы попали в плен к другу моего мужа капитану Шредеру, который знал, как не хватает в нашем хозяйстве рабочих рук. Он и обеспечил сопровождение пленных. Я ему бесконечно благодарна за такой подарок.

Придя в домик, я сообщил радостную весть ребятам. «Они во все горло гаркнули «Ура».

- Надо бы отметить, - сказал кто-то из них.

Я побежал к Маргарите за вином. Она стояла в спальняй комнате перед зеркалом полуобнаженная и расчесывала волосы, готовясь ко сну. Я не мог оторвать глаза от обворожительной женской красоты. Задумчивая, и слегка печальная, она была как никогда желанной. Я тихо приблизился к ней, чем испугал ее не на шутку. Узнав о цели моего визита, Маргарита быстро приготовила нам полную корзину вина и всякой закуски.

- Пейте за вашу победу, – сказала она. - Наверное лучшая победа та, которая приносит счастье. Вот ваша сталинградская победа сделала меня сегодня счастливой...

Я схватил корзину.

- Куда же ты, Иван? – требовательно остановила меня Маргарита и увлекла в свою роскошную кровать.

- Так ведь ребята ждут...

- Ничего, пусть подождут, я вам завтра даю всем выходной день, только не проболтайте никому.

В постеле я впервые увидел прекрасное тело Маргариты в полной его наготе. Она могла смело соперничать с «купающейся Дианой». Своими любовными фантазиями она меня просто конфузила.

- А твоя Анна не такая? - спрашивала она меня.

- Нет, не такая.

- Вот, будешь меня помнить в России.

Словом, принес я вино ребятам, когда они уже спали. Ничего, разбудил и целые сутки пировали. Полицейские нас не трогали.

Встреча с интересным человеком

После Сталинградской битвы они стали относиться мягче и даже с некоторым заискиванием перед нами. Видимо, такой поворот военных действий наводил их на грустные мысли. Зачем создавать себе лишние проблемы?

5

После того, что произошло в наших отношениях с Маргаритой, мои ребята почувствовали существенное улучшение в питании. На столе стало появляться иногда даже вино. Со мной же наша хозяйка стала вести так, словно похоронила уже своего мужа. Она не стеснялась своих дворовых людей - оказывала мне откровенные знаки внимания. На ночь она все чаще стала приглашать меня в свою спальню. Да что говорить, ее тянуло ко мне, а меня к ней. Я понимал, что поступаю аморально по отношению к своей семье, но ничего сделать со своей страстью не мог. Фотографию моей жены с сынишкой Колей я уже не мог вынимать из своего бумажника. Мне стыдно было на них смотреть. Словно прочитав мои мысли, моя фрау как-то сказала:

- Бог нас простит, Иван. Мы нашли то, что отобрала у нас война. Наступит мир и все расставит по своим местам. Если наша любовь настоящая, она продлится и после войны, если это только половая страсть - Анна тебя поймет и простит. Иван, я хочу, чтобы всем было хорошо. Я хочу, чтобы и твои молодые солдаты нашли свое счастье на немецкой земле...

- Святая простота, - думал я о Маргарите - муж возможно погиб от советской пули, а она любит своих врагов.

Чтобы потеснее сблизить немцев фермы и русских, Маргарита стала частенько устраивать в своей усадьбе различные концерты, танцы, праздничные гулянья. Все ребята уже свободно владели немецким языком, словно родились в Германии. Почти у каждого из них в деревне была подруга. Наша фрау делала все, чтобы мы выбросили из головы саму мысль о побеге. Мы опять почувствовали себя сытыми ленивыми котами. Война была где-то далеко. Можно было спокойно ожидать открытия второго фронта. Без Маргариты я уже не мыслил жизни. Любовь к ней парализовала мою волю. Ее плен был крепче военного. И все же я старался переломить себя. «Командир ты или тряпка?» - говорил я сам себе и вновь стал думать о побеге. Я потихоньку стал убеждать Маргариту, что по-

лицейские больше не нужны здесь. Она недоверчиво смотрела на меня и спрашивала:

- Что, теперь их заменит наша любовь?

Но от наших охранников она не торопилась избавляться под всякими предлогами.

Но вот словно гром среди ясного неба - неожиданно приезжает живой и невредимый муж Маргариты. В отпуск на недельку. Маргарита была в шоке и дня три не показывалась из дому. Мы его увидели, когда он в сопровождении нескольких работников фермы и полицейских осматривал свое хозяйство. Близко он к нам не подходил, да и мы старались держаться подальше от офицера.

Это было в конце апреля сорок третьего года. Стояли теплые весенние деньки. Кругом зеленели поля и пастбища, цвели цветы. Это была весна большой надежды. После Сталинградской битвы наши войска повсеместно успешно наступали. Теперь уж было ясно, что Германию ждет поражение. Вот только как долго будут сопротивляться немецкие войска нашим армиям? Это вопрос был непростой. Все зависело не только от храбрости советского солдата, но и от действий союзных армий. О положении дел на фронтах мы слушали каждую ночь по радиоприемнику, настраивая его на волны радиостанций антигитлеровской коалиции. Многие из них глушились, но голос правды пробивался через всевозможные радиопомехи в эфире и доходил до наших ушей.

Что было примечательно? Ненавидя фашизм и его кровавую военную машину, мы совсем не чувствовали вражды к населению Германии. Большинство немцев уже поняло в какую авантюру втянул Гитлер их страну, как обманул и оболванил он людей. Это было видно и по местному населению, которое относилось к нам в основном благожелательно. Исключение составляли лишь вдовы, мужья которых погибли на фронте. При встрече с нами они хмурились и отворачивались от нас.

Меня волновал вопрос: если Маргарита так хорошо относится к русским военнопленным, то какой по характеру ее муж? Наверное, и он добрый. Ведь не случайно у нас говорят: муж и жена - одна сатана. Узнать бы, что он за человек. «А впрочем, лучше его не знать, и слава Богу, что он завтра уезжает. Раз все так тихо обошлось, значит он ничего не узнал о наших отношениях с Маргаритой», - подумал я накануне его отъезда.

Встреча с интересным человеком

И тут словно кто-то подслушал мои мысли – в дверь нашего домика постучали. Я открыл. Передо мной стояли оба полицейские. Один из них объявил:

- Господин капитан приказал привести к нему в дом всех русских военнопленных на прощальный ужин. Он ведь завтра уезжает на фронт. Поприличнее оденьтесь. На сборы десять минут.

Мы быстро привели себя в порядок, одели лучшую свою одежду и в сопровождении наших стражей пошли в фермерский дом. Проходим в гостиную и глазам своим не верим. Длинный праздничный стол ломился от яств. Горели свечи, что придавало интерьеру особую торжественность. Чуть в стороне от стола в полумраке стояли печальная Маргарита, ее муж офицер в парадной форме и какие-то незнакомые люди в штатском. На другой стороне зала суетились работники фермы и дворовые люди.

Увидев нас, офицер быстро пошел мне навстречу и протянул руку, любезно улыбаясь.

- Ну, здравствуй, Иван! Вот и встретились. Что, не узнаешь? - обратился он ко мне на чисто русском языке. Офицер был явно под хмельком.

Я нерешительно протянул ему руку - поздоровались.

- Ах, Иван, Иван! Какая, у тебя короткая память, а я ведь жизнь тебе спас, - с этими словами офицер включил в зале свет. Я внимательно всмотрелся в лицо знакомого мне человека. «Неужели это тот самый офицер, который взял нас в плен?»

- Иоганн?

- Шредер. Ваш покорный слуга. Не ожидал встретиться?

- Но мне сказали, что приехал в отпуск супруг фрау Маргариты.

- А я и есть муж фрау Маргариты. Да Вы садитесь за стол, мы еще поговорим.

Я ничего не понимал. Голова пошла кругом. Ведь сама Маргарита мне говорила, что Шредер друг ее мужа.

Мы сели с ребятами на отдельно стоявшие у стола семь стульев. Капитан поставил рядом со мной еще два стула и позвал Маргариту. Она подошла очень грустная. Супруги сели. Потянулась неловкая пауза. Чтобы как-то прервать ее, я обратился к офицеру:

- Господин капитан, но ведь 6-й Армии Паулюса нет...

- Логично, - засмеялся офицер, - Армии Паулюса нет – значит нет и меня. Ведь я воевал в этой армии, а она капитулировала в Ста-

линграде вместе со своим фельдмаршалом. А я есть, я перед вами. Хотите знать, почему?

После разгрома ваших войск в Харьковской операции мы шли до Дона как на прогулке, не встречая особого сопротивления со стороны Красной Армии. На Дону ваши генералы организовали крепкую оборону. Форсировать с ходу эту реку не удалось. При очередной попытке моей части переправиться на левый берег рядом со мной разорвался снаряд. Меня засыпало землей. Солдаты меня откопали и отправили в госпиталь. Я был без сознания. Это случилось в августе 1942 года. Только через месяц я пришел в себя. Три месяца я лежал парализованным в Киеве в одном из госпиталей. Затем, когда встал на ноги, долечивался в клинике Берлина. Был глухой и голова звенела словно колокол. Но слава Богу, слух восстановился, но в голове еще звенит колокольчик. Нет, он зовет не на отдых. Он требует помочь великой Германии в ее тяжелый час. Мы уже остановили ваши войска, которым зимой помогает генерал Мороз. В эту летнюю кампанию солдаты Вермахта нанесут сокрушительное поражение Красной Армии. У нас есть неуязвимые танки «Тигры» и «Пантеры», наши самолеты господствуют в воздухе, у нас непревзойденная артиллерия и, наконец, немецкая армия располагает опытными бесстрашными солдатами и офицерами. Мы сломаем шею Сталину.

С этими словами Иоган налил себе, Маргарите и нам вина по полному бокалу.

- Уважая достоинство пленных солдат, я не хочу навязывать вам свою волю, не хочу принуждать вас пить за победу, потому что знаю вы будете пить за свою победу. Как говорят русские «сколько волка не корми, он в лес смотрит»... Я предлагаю тост: за встречу на прекрасной германской земле.

Мы все дружно выпили. Вино было крепким. У Иогана совсем развязался язык. Он стал хвалить нас за хорошую работу, ему рассказали о нашем прилежном труде, и он обещал отблагодарить нас за это.

- Я знаю, – вдруг сказал капитан, - меня жена давно похоронила. И это естественно, ведь от меня несколько месяцев не было никаких вестей. После ранения физически не мог писать, а в Берлине решил готовить сюрприз в виде внезапного появления с того света. Эффект достигнут – самодовольно захохотал офицер.

Встреча с интересным человеком

На столе появилась русская водка и капитан сам разлил нам по полному фужеру этого родного напитка.

«Фашист ведь, а такой хлебосольный, – подумал я, – к чему бы это?»

Маргарита водку не пила. Она сидела бледная и напряженная. Ребята с аппетитом уплетали деликатесы. Мне тоже захотелось сказать свой тост.

- Господин капитан! Мы с Вами квиты. Вы контужены нашим снарядом, я точно такую же контузию получил под Москвой от разрыва вашего снаряда. Давайте выпьем за счастливый случай, который помог и мне и Вам остаться живыми.

Капитан поднял с серьезным видом бокал и сказал:

- Я пью за мой счастливый случай, а ты как хочешь. Кстати, за столом у нас нет чинов. Я в отпуске. Называйте меня лучше Иоганом.

Затем он посмотрел на Маргариту, затем перевел взгляд на меня, спросил, глядя в упор в мои глаза:

- Скажи, Иван, тебе нравится моя жена?

Я поперхнулся. «Неужели он знает о нашем романе?» - подумал я.

Иоган ждал ответа. Усилием воли я взял себя в руки и ответил с достоинством:

- Фрау Маргарита красивая и умная женщина. Она хорошая хозяйка. Ее все на ферме любят. Даже животные, о которых она постоянно заботится...

- Животным можно простить и ненависть, но что делать с людьми, когда они становятся, животными? - задумчиво и мрачно тихо пробормотал Иоганн. Я уловил в его словах недобрый намек, но виду не подал. За столом все притихли. Офицер обвел гостей мутным пьяным взглядом и вдруг лихо вскинул голову и неожиданно запел:

- Что вы, братцы, приуныли... - и энергичными жестами потребовал от нас поддержки.

Кто не знает на Руси эту старинную песню про Стеньку Разина? Мы дружно подхватили песню в таком невыразимо приподнятом состоянии, как будто находились не в Германии, а в России. Когда мы запели слова: «И могучею рукою обнял персиянки стан...», Иоган крепко обнял за талию Маргариту и резко приподнял ее. Та вскрикнула. Он опустил ее опять на стул, перестал петь и, уронив

голову на стол, заплакал навзрыд. Плечи его содрогались. Маргарита даже не попыталась его утешить. Опять возникла неловкая пауза. Все подумали, что неохота человеку уезжать на фронт, вот и плачет. Но я подозревал другую причину. Видимо, он нашел свою жену слишком холодной.

«Неужели я в этом виноват?» - подумал я.

А между тем в зале заиграла музыка. Все шло по разработанной кем-то программе. Выступил небольшой хор из местных девушек. Затем начались танцы. Иоганн оживился. Он стал танцевать с девушками и пригласил нас принять участие в танцах. Очевидно, он надеялся, что я приглашу на танец его жену. Иоганн хотел видеть нас вместе с Маргаритой ради познания наших отношений, - это было ясно. Я разгадал хитрую ревность арийца и шепнул на ухо своему парню, чтобы тот пригласил Маргариту на танец. Тот так и сделал. Иоганн остался не доволен. Веселье продолжалось до полуночи. Затем капитан ударил в ладоши и музыканты положили свои инструменты в футляры. Хозяин пригласил всех гостей вновь сесть за стол. Мы заняли свои места, капитан встал и произнес короткую речь на немецком и русском языке. Смысл ее сводился к предложению выпить, как принято у русских «на посошок». Официант принес нам какого-то вина в фужерах, мы выпили. Иоганн пожелал нам доброй ночи. Он был сильно пьян. Изрядно захмелевшие, мы в сопровождении полицейских возвратились в свой домик. Сильно хотелось спать. Едва добравшись до кроватей, мы упали на них как мертвые.

На следующий день я просыпаюсь от тупой боли в паху. Ничего не могу понять. Перед глазами все плывет, голова тяжелая. Рука машинально потянулась к тому месту, что болело. И.., о, ужас! Я не нахожу в мешочке яичек. Я все сразу понял и завыл зверем от безысходности. С криками начали просыпаться и ребята. Мы все лежали голые на чистых простынях. Ну, короче, нас кастрировали.

Для любого мужчины лишение его мужского достоинства трагедия, но быть оскотиненным в 20-30 лет - это такое мужское горе, которое невозможно выразить никакими словами, невозможно объяснить. Мир становится черно-белым, теряется всякий смысл жизни, ты становишься почти животным. Всех нас охватило такое отчаяние, что впору лезть в петлю. Некоторые ребята в первые часы только об этом и думали. Других, в том числе и меня, охватила жажда мести. Ситуацию разрядил наш фермерский вете-

Встреча с интересным человеком

ринар. Он зашел к нам один в белоснежном халате и сказал, что хочет нас осмотреть. Ветврач обратился к нам с грустной ноткой в голосе:

- Не обижайтесь, ребята, на меня. Это я вас кастрировал. Это сделать приказал наш хозяин господин Краузе. Если бы я это не сделал, вы были бы умерщвлены, а я попал бы в штрафной батальон. Вся операция оскопления была тщательно спланирована фермером. Он пригласил из Кельна опытного врача-анестезиолога и двух санитаров, которые и приготовили вам коктейли из вина и сильнодействующего снотворного. Сам врач, если вы обратили внимание, тоже присутствовал на вечере. Когда вы уснули, то каждый получил через дыхательные пути дополнительно еще ударную дозу наркоза. Таким образом, ваше сознание было надежно отключено для выполнения любой операции. Сам врач и его помощники принимали непосредственное участие в кастрации. Вся операция длилась не более часа. Вам были поставлены необходимые уколы, инструмент был стерилен. Словом, все сделано по всем правилам – ранка заживет быстро.

Вот такую информацию нам выдал ветврач. Затем он начал нас успокаивать. Сказал, что жизнь продолжается, что отсутствие яичек на здоровье не повлияет, вот только детей не будет... Далее, он поведал нам и о причине этой жестокой экзекуции:

- Вы, наверное, терзаетесь вопросом: «Почему хозяин фермы с вами так поступил?» Как только он приехал на побывку, его люди сразу же доложили ему о ваших амурных делах. Когда он узнал, что жена ему изменила, он был вне себя от ярости и сразу хотел застрелить Маргариту, но не смог это сделать - он очень ее любит. Йоган узнал также и о похождениях остальных пленников в соседней деревне. Конечно же, господин Краузе мог всех вас либо передать в концлагерь, либо расстрелять на месте. Но он придумал адекватную меру наказания, считая ее самой гуманной и справедливой. Сегодня рано утром наш господин, убедившись, что его задание выполнено, отбыл на фронт. Я лично его проводил. Он сказал, что поехал искать русскую пулю. Маргарита проводила его холодно.

Все, что рассказал нам ветврач Ганс, мы выслушали с большим интересом. Но нам от этого не стало легче. Доктор животных был добрым малым, он всегда к нам хорошо относился, поэтому к нему у нас претензий не было. Да он казнил нас, но сделал это по

воле хозяина и ради нашей жизни. А расстрелять нас было проще простого: «при попытке к бегству».

Наш «хирург» оказал нам неоценимую услугу после операции. Кое-кому он еще раз спас жизни. Ганс сказал, что он прекрасно понимает наше состояние и знает, о чем кастрированный молодой человек может думать. Поэтому он освобождает нас от работы на целый месяц и обеспечивает нас в неограниченном количестве чистым медицинским спиртом.

Он сказал:

- Пейте, ребята, до потери сознания каждый день, забудьте о своем несчастье. Спирт вам поможет обрести себя. Другого лекарства я не знаю, кроме суицида, разумеется. Но вы должны не думать об этой крайности. Надо жить, жизнь дается только один раз. Зато счастье многогранно. В вашем случае стала тусклой только одна грань... Пейте, чтобы забыть об этом. А я буду следить за вашим здоровьем. Алкоголь и время - ваши друзья...

Уходя из нашего домика, ветврач незаметно от моих товарищей, сунул мне в руку пакет.

- Иоган велел передать вам лично, - шепнул он.

Меня бросило в жар. О чем мог написать мне этот фашист? Неудержимое любопытство заставило меня выйти во двор и уединиться в укромном уголке. Я не успел спросить у Ганса почему капитан Шредер стал Краузе...

6

Я разорвал пакет и достал из него письмо, написанное почти каллиграфическим почерком на русском языке. Я стал читать.

«Иван, ты есть большая русская свинья! На том кровавом поле я мог не брать тебя и твоих товарищей в плен. У нас была директива командования всех оставшихся живых расстреливать на месте. Но я проявил великодушие. Я подарил вам жизнь, рискуя собственным служебным благополучием. Если бы вы были отправлены в концлагерь, гестапо могло навести справки, где и при каких обстоятельствах вы были пленены. И тогда против меня могло быть возбуждено дело о нарушении воинской дисциплины. Я нашел выход, отправив вас работать на мою ферму от имени моего друга Шредера, погибшего накануне от шальной пули. Он был офицером при штабе Паулюса. Даже моей жене мои солдаты сказали, что

Встреча с интересным человеком

пленники к ней на ферму доставлены по распоряжению Шредера. Таким способом я снимал с себя ответственность за ваше пленение, хотя, повторяю, я рисковал. Наспех придуманная мной легенда, хорошо сработала. Вы благополучно добрались до фермы и стали жить на ней, как у Христа за пазухой. Ты, Иван, и твои товарищи жили лучше, чем любой немецкий солдат на фронте. Когда моя родная 6-я Армия в Сталинграде истекала кровью, вы были сыты, обуты, одеты, вы спали в тепле, вели вольный образ жизни. Но вам этого показалось мало. Чем вы и лично ты, Иван, заплатили мне вместо благодарности? Пользуясь женской слабостью и добротой моей жены, ты по-предательски по отношению к твоему спасителю, овладел ею. Как только я приехал, мои люди доложили мне о твоих любовных похождениях. Я хотел сразу же застрелить и жену, и всех вас. Но рука не поднялась на Маргариту, а она вымолила у меня ваши ничтожные жизни. Твои товарищи такие же кобели, как и их командир. Пользуясь тем, что все мужчины деревни воюют на фронте, они перепортили всех молодых девушек и соблазнили к сожителю почтенных женщин, вдов. Даже в своем родном немецком языке я не могу найти слов, чтобы выразить ваше ничтожество. А между прочим, я в России не только никого не изнасиловал, но даже при полном согласии не лез на русских баб, потому что считаю, что прелюбодеяние не прибавляет мужского достоинства.

Надеюсь, Иван, ты теперь понял, почему я отнял у тебя и у твоих бабников мужское достоинство. Смерть для вас была бы слишком легкой карой, надеюсь, у тебя хватит мужества после войны рассказать своей супруге и твоему сыну, за что я тебя оскопил. Если я погибну, Маргарите ты тоже не нужен будешь без яиц. Да, ты разбил мою семью. Не знаю, за что тебя так полюбила Маргарита. Я уезжаю, наверное, навсегда. Моя пуля в России уже отлита. Скажу откровенно, Иван, видит Бог, я не хотел войны с Россией. Я полюбил вашу страну и широкую русскую душу будучи на учебе в московской академии. Не верь тому, что я вчера болтал о победе нашего оружия. Германия обречена на поражение. Я еду на фронт только для того, чтобы выполнить свой воинский долг. Да, видимо моя могила в России никем не будет оплакана, у меня даже нет детей. Какое несчастье умирать, не имея наследников. Скажи Маргарите, чтобы она меня не ждала. «Треугольники» в любви, как правило, мало кому приносят счастье. Но наш «треугольник» со-

творила война и за это я ее ненавижу. У тебя, Иван, в твоём колхозе была своя семья и я хотел сохранить для нее тебя. У меня в Вест-фалии на Северном Рейне была своя семья. Мы были счастливы с Маргаритой. Моя образцовая ферма - плод моего титанического труда. Я работал сутками, создавая состояние для того, чтобы моей красивой жене красиво жилось, чтобы она ни в чем не нуждалась. И я достиг этой цели, у нас было все. Для полного счастья нам не хватало только детей. Мы просили Бога... Но тут случилась эта проклятая война.

Теперь, Иван, наберись мужества осмыслить суровую действительность по-философски. Ты бы на моем месте поступил также, если не хуже. Что касается меня, то я и на том свете буду спокоен. Немецкие женщины должны принадлежать только немцам.

Единственная просьба к тебе, Иван: когда прочитаешь это сентиментальное письмо, уничтожь его. Прощай. Встретимся на том свете. Иоган Краузе».

Прочитав это послание от моего палача, я заметался как затравленный зверь. Мои моральные мучения умножились. Как я не придирался к каждому слову Краузе, от каждой строчки письма веяло железной логикой. Мне стало стыдно перед этим немецким офицером за свою любовь к Маргарите. Иоган пробудил во мне и обострил чувство вины перед моей женой Анной и сынишкой Колей. Где-то там в колхозной деревне они и мои родители ждут-не дождутся от меня весточки. Они, наверное, уже получили извещение, что я пропал безвести. Но они не теряют надежды. Там мои земляки тоже кормят армию, но в отличие от немцев, отдают ей все, не оставляя себе даже хлеба на пропитание. Ведь и до войны колхозник жил в основном только за счет своего подворья.

- Ах, господин Краузе, почему ты не застрелил меня этой ночью? – думал я, - ты казнил меня на всю оставшуюся жизнь, если она состоится.

Жить не хотелось. Что-то надо было делать. Я был раздавлен физически и морально. Ноющая боль в пахе не давала сосредоточиться на принятии решения. Жизнь потеряла смысл. Выход один - свести с ней счеты. На душе стало веселей. Из любого положения можно найти выход...

Захожу в домик попрощаться с ребятами, а они сидят и пьют спирт. Налили мне «штрафной». Выпил - не берет. Попросил еще

Встреча с интересным человеком

налить стакан. Чувствую, появился небольшой интерес к жизни. Алкоголь сделал свое дело.

Кто сказал, что пить вредно? Спирт меня спас от самосуда. Да и не только меня. Мы целый месяц беспробудно пили это лекарство ветврача.

А вообще-то спирт не главное лекарство. Главный лекарь при любом несчастье – время. Ударные дозы алкоголя помогли выиграть у жизни самое трудное время. А дальше мы начали работать. У нас появились маленькие радости. Но Маргариту я целый месяц не видел.

И вот однажды дождливым летним днем Маргарита через своего человека приглашает нас на свой день рождения. Это было 5 июня 1943 года. Ей исполнилось в тот день 25 лет.

Мы, нарвав в поле по охапке цветов, пошли поздравить Маргариту с ее юбилеем. Мы уже шутили и над собой. Я наш отряд называл евнухами поросячего гарема. Да, юмор тоже целебный компенсатор физического недостатка. Жизнь продолжается...

В приподнятом настроении заходим в дом Маргариты и зажимаем ее со всех сторон букетами цветов. Это было неопишимо. Посреди огромного букета самый красивый цветок - голова Маргариты. Она смеется и плачет.

Маргарита так изменилась за это время, похудела и стала бледной. Я дожираю ее глазами, мои чувства не передать. После шампанского Маргарита приглашает меня на танец. Она и виду не подает, как будто ничего не произошло. Я сказал ей, что ее муж передал мне записку, в которой просил передать, чтобы она его не ждала. Маргарита вспыхнула:

- После того, что он сделал с вами, я его вычеркнула из своей жизни.

Затем она пристала ко мне, чтобы я показал ей записку. Но я письмо Краузе накануне сжег. А то, что я выучил его наизусть, я не мог признаться любимой женщине.

Маргарита сообщила, что с сегодняшнего дня сняла охрану. Полицейские уехали уже в город.

- Куда теперь вам бежать? И зачем? Все равно скоро война кончится. Я думаю, что вы не пойдете на эту глупость, - сказала она.

Я не мог тогда сообщить ей о страшной тайне. Мои ребята без меня решили ждать, пока наш экзекутор опять не придет в от-

пуск. Они поклялись его тоже кастрировать ржавым скальпелем. Мстители уже прошли практику на кабанчиках. Конечно же, я им про письмо ничего не говорил. Отговаривать скопцов от их плана было бесполезно.

В конце вечера я на пьяную голову признался Маргарите, что чуть было не повесился. Она заплакала, прижалась ко мне и, не обращая ни на кого внимания, стала меня страстно целовать.

- Ты думал о себе. Да? А обо мне ты не думал, Иван, мой муж, мой бывший муж просчитался. Я все равно тебя люблю. Твой физический недостаток для меня ничего не значит.

С этими словами Маргарита увлекла меня во двор. Теплый вечер освещала луна. Недвижимый воздух был пронизан ароматом цветов, которые та взяла мою руку и прижала к своему животу.

- Иван, - говорит она, - я жду от тебя ребенка.

Я чуть не упал со скамейки.

- Что ты говоришь? Это, наверное, от твоего мужа - возразил я.

- Да нет, врач определил трехмесячную беременность, а муж уехал всего месяц назад. Да я сразу это почувствовала, после Сталинградской битвы, после сеновала... У нас будет малышка Анна, вот увидишь, Иван.

- О, Боже, - воскликнул я, - этого нам еще не хватало!

- Не волнуйся, Иван, у тебя будет в Германии ребенок, ты будешь его отцом. Но ты волен после войны сделать свой выбор, я ведь тебя не могу принуждать. Хотя, как будущая мать я бы очень хотела, чтобы с нами был отец, - на одном дыхании быстро проговорила Маргарита. Я грустно пошутил:

- Отец-скопец. Чем не стихотворение из двух слов. Зато какая емкость, какое глубокое содержание.

- Не язви, Иван, - вспыхнула Маргарита, - еще раз прошу тебя, не думай об этом. Главное, ты жив, здоров, ты сильный и красивый мужчина. Остальное приложится. Ты еще не знаешь своих возможностей.

В тот вечер мы долго с ней сидели под яблоней, много говорили о нашем будущем, но для меня оно было в тумане.

Опять потянулись однообразные будни ухода за скотом. Правда, мы стали мало бывать в коровниках. Весь скот выгонялся на пастбище. Все мои ребята хотели быть пастухами. Отрадно было находиться на природе, которая напоминала нам родные уголки России.

Встреча с интересным человеком

А между тем, на восточном фронте наступило затишье перед бурей. Все радиостанции мира намекали о готовящейся крупной военной операции против советских войск. Но где именно должно произойти решающее сражение - никто не знал. И вот 5 июля немецкие средства пропаганды возвестили миру о начавшейся на Курской дуге операции «Цитадель», которая по замыслу гитлеровского командования должна была переломить ход военных действий. Предрекался быстрый разгром Советской Армии.

Да, Гитлер на Курской дуге решил взять реванш за сталинградское поражение. Туда были стянуты огромные силы, превосходящие по численности солдат и военной техники советские войска. Об этом каждый день трубил Геббельс. Он не скрывал, что операция на Курской дуге проводится по аналогии с Харьковской операцией, которую блестяще провели гитлеровцы в мае прошлого года. Цель немецкого командования на Курской дуге тоже не скрывалась - это окружение советских войск на курском выступе.

Шли дни, менялись направления ударов, но существенных перемен в пользу, германских армий не происходило. Затем вдруг все радиостанции мира дружно заговорили об успешном контрнаступлении советских войск, и далее стратегическая инициатива полностью перешла в руки советского командования. Курская битва закончилась полным поражением немецко-фашистских войск. Одних солдат противник потерял свыше 500 тысяч человек. Не помогли Гитлеру ни «Тигры», ни «Пантеры», ни «Фердинанды», ни самолеты «Фокке-Вульф - 190А». За 50 дней боев было разгромлено около 30 дивизий противника. Советские войска продвинулись вперед более, чем на 100 километров, был освобожден Харьков. Немецко-фашистское командование вынуждено было отказаться от наступательной стратегии и повсеместно перешло к обороне. Разумеется, всю эту информацию я перелопатил после войны.

Как-то в конце августа я пошел в библиотеку Маргариты поискать карту Советского Союза, чтобы посмотреть и определить линию фронта. Я уже мог читать немецкие книги, почти не пользуясь словарём. Библиотека в этом фермерском доме была шикарной. Супруги Краузе со вкусом собрали почти всю мировую классику. Без особых затруднений я нашел «Атлас мира», в котором находилась и карта моей страны. Когда я ее разглядывал, в библиотеку тихо зашла Маргарита. Лицо ее было бледным и се-

ррезным. Она протянула мне телеграмму. Я быстро прочитал:

«Ваш муж господин капитан Иоган Краузе, героически сражаясь в оперативной группе «Кэмпф» с войсками большевиков, пал смертью храбрых при проведении операции «Цитадель» на Курской дуге в районе населенного пункта Соломино на реке Северный Донец и там же похоронен на немецком военном кладбище». Далее с немецкой пунктуальностью следовали сопутствующие подробности: дата гибели, часы и минуты смерти, назывались имена командира части, свидетелей, номер могилы и так далее.

Я быстро нашел на карте село Соломино. Оказалось, это недалеко от места гибели моей дивизии. Вот она судьба...

Мы с Маргаритой долго молчали. Каждый из нас думал о своем. Я думал о письме Иогана, в котором он точно предопределил свою гибель. Ведь это еще Пушкин метко подметил: человек умирает дважды. Первый раз духовно, когда он мысленно готовит себя к смерти. А второй раз физически.

- Ну вот, теперь я тоже вдова, - печально проговорила Маргарита, - он и здесь без меня решил все проблемы. Иоган был человеком сильной воли. Свою пулю он поймал сам, я в этом уверена. Наверное, я виновата в его смерти. После войны я должна найти его могилу.

Маргарита облачилась в траурную одежду и долго ее носила. Она уже была на шестом месяце беременности, когда однажды на ферму приехали военные люди. Нас, семь пленников, собрали во дворе. В присутствии Маргариты старший зачитал распоряжение городской комендатуры о срочном переводе нас на военный завод, производящий для армии какое-то снаряжение. Маргарите Краузе было рекомендовано максимально использовать труд местного населения.

- Все ясно, - подумал я, - на восточном фронте немцы уже не могут брать в плен советских солдат, а тех, что раньше взяли - уничтожили в лагерях. Все трудоспособное население мобилизуется на фронт. Но надо же кому-то работать на заводах.

Сборы были недолгими. Маргарита проводила меня в слезах со словами:

- Не забывай меня, Иван, мы еще увидимся.

Нас привезли на большой деревообрабатывающий завод, на территории которого стояли бараки. Нас разместили в одном из

Встреча с интересным человеком

боксов. Завод был огорожен колючей проволокой и усиленно охранялся. Вольная и сытая жизнь для нас здесь кончилась. Кормили плохо. На заводе работали сотни людей, в основном военнопленные. Цеха были напичканы различными деревообрабатывающими станками, на них мы производили всякую тару, начиная от ящиков для снарядов и, кончая гробами. Режим был жесткий. Работали по 12 часов в сутки. Никакой связи с внешним миром не было. Маргариту я больше не видел. Я даже не знал, кого она родила.

Освободили нас американцы. От скудного питания и тяжелого труда мы выглядели доходягами. Американцы нас кормили как на убой, мы быстро поправились.

Как только закончилась война, нас погрузили в эшелоны и отправили в Советский Союз. Не успел наш поезд пересечь нашу границу, как нами занялись люди Берии. Уже в Москве нас всех бывших военнопленных основательно допросили, пересортировали по степени вины перед Родиной и этапом отправили в Сибирь на заготовку леса. Некоторым «врагам народа» особисты дали возможность заехать домой, на недолго. А меня, как старшего, из Москвы сразу повезли в Ивдельские лагеря, что на севере Свердловской области, и я там целых пять лет валил лес. Домой не писал никому. Ведь меня приговорили к десяти годам лагерей. Я не хотел, чтобы мои родители переживали за меня, как за врага народа, не хотел их позорить. А жену не хотел обнадеживать как неполноценный мужчина. Я думал: в деревне меня наверняка уже все похоронили, как пропавшего безвести, и возможно, моя Анна найдет, либо уже нашла свое счастье с другим.

Среди заключенных в лагере было много обрусевших немцев, высланных во время войны в основном из Поволжья в Ивдель только за то, что они немцы. Это были хорошие трудолюбивые и порядочные люди. В лагере они держались дружной диаспорой и не давали себя в обиду. Я с ними сдружился на почве знания немецкого языка, и они мне крепко помогали, не давали падать духом. В моральном отношении я советские лагеря воспринимал как место глумления над советскими гражданами, попавшими в плен врагу по вине хозяина ГУЛАГА. Как ни тяжело было в немецком плену физически, но там мы жили надеждой, верой в победу и это придавало силы.

Морально мне там было легче.

Наш лагерь – леспромхоз на берегу красивой уральской реки Лозьва. По ней и сплавились моим заготовленные по ее берегам бревна. О, сплав это величественное зрелище. Река словно деревянная, воды почти не видно. Сплошная деревянная масса из темно-желтых хвойных бревен бесконечной лентой быстро несется в русле реки, роя в стеснении берега. Глаз не оторвать от этой завораживающей картины. Ведь сплавляется продукция труда всего «Ивдельлага» за весь осенне-зимний сезон. И здесь важно не зазеваться - чуть проворонил и из-за одного упершегося бревна может возникнуть затор. Случались такие заторы, что на их разборку привлекали чуть ли не всех эков того или иного лагеря. Бегать с багром в руках по бревнам в воде не каждый сможет. В этом деле требуется опыт и ловкость. Сколько нашего брата утонуло в Лозьве... Однажды и я чуть не погиб при разборке затора. Соскользнул с бревна в воду и сильным течением потащило в образовавшийся проран. Друг немец меня спас, багром успел зацепить меня за одежду и вытащил с того света. Тот день мне хорошо запомнился и потому что придя в барак, я получил от своих родителей письмо. То ли через военкомат, то ли от НКВД они узнали, что я жив. Узнали адрес...

И вот я читаю, политое слезами, послание моей матушки. Приложил руку и отец. После сомнений и упреков бедные мои родители перечислили все деревенские новости, сообщив в первую очередь, что моя Аннушка вышла замуж за инвалида войны. У них уже родилась девочка, а сын Коля уже большой парень, все спрашивает про своего отца. И тут из моих оттаявших глаз полились рекой слезы. Я так не плакал с самого начала войны. Коля, моя кровинка... Только ради него стоит жить. Только ради него меня вдруг так сильно потянуло в деревню, что я грешным делом подумал о побеге. Ведь до конца срока оставалось еще целых пять лет. Как решая свои проблемы будущего, забыть о праве сына на отца. Мои товарищи по нарам успокаивали меня, как могли. Случилось так, что в это время в наш барак зашла какая-то комиссия во главе с начальником лагеря. Увидав меня со слезами на глазах, они спросили о причине. Кто-то из моих друзей вкратце рассказал о моей биографии. Я молчал, не веря ни в какие чудеса. Комендант лагеря сделал в блокноте какую-то пометку и комиссия удалась.

Лагерная жизнь потекла своим чередом, жесткий распорядок дня и работа, работа, работа. Но однажды, спустя месяца три по-

Встреча с интересным человеком

сле комиссии, меня вдруг вызывает начальник лагеря. «В чем я еще провинился?» - подумал я. Захожу в кабинет начальника и вижу на его лице доброжелательную улыбку. Он берет со стола лист бумаги и читает решение какой-то судебной инстанции. Ушам своим не верю - мое дело пересмотрено и мне сокращен срок заключения на три года.

- Значит, мне еще два года баланы катать, - вслух высказываю свою мысль для себя.

- Нет, - возразил начальник лагеря. - Кроме того, согласно положения о зачетах, Вы перевыполнили установленные нормы выработки на целых два года. Говорят, Вам помогли немецкие друзья из Поволжья. Так что я поздравляю Вас, Иван Иванович, с досрочным освобождением.

С этими словами начальник лагпункта крепко пожал мою руку. Чувствовалось, что он искренне был рад моей свободе. Чувствовалось и то, что на сто процентов в этом была его заслуга. Наш начальник бывший фронтовик, в звании генерала был разжалован и сослан в «Ивдельлаг» искупать вину за большие людские потери при выходе его дивизии из Харьковского котла. То есть мы с ним воевали в 1942 году рядом. Но я попал в плен к Гитлеру, а он к Берии. Говорят, Сталин хотел его расстрелять, но увидев фамилию генерала в списке лиц, представленных к высокой награде, вычеркнул ее и принял соломоново решение. Вот почему, быстро «дослужившись» в лагере до должности начальника лагеря, бывший генерал так благоволил к «врагам народа» из военных, и помогал им, чем мог.

Получив документы об освобождении, я сразу же поехал в свою деревню, с которой меня разлучила война на целых девять лет. Лагерь - это продолжение войны. Мне чертовски повезло - моя война, кажется кончилась. Для моих товарищей она еще продолжалась там в зоне ГУЛАГа. Как только я сел в поезд, у меня появилось будущее. Я думал о сыне, о родителях, о новой жизни на свободе. Найду ли я себе дело в деревне после всего пережитого?

Но вот я не успел переступить порог отчего дома, не успел родителей обнять, как прибегает соседка и прямо за рукав потащила меня на колхозное собрание - говорит, земляки меня там ждут, уважить надо. Оказывается, колхоз давно без председателя. В конторе собрались в основном женщины, мужиков совсем мало, да и те инвалиды, да старики. Выкосила война всех молодых ребят. Не

успел поздороваться с людьми, как на шее с воем у меня повисла Анна, ну, моя бывшая жена. Ревет белугой, просит прощения, что не дождалась меня и вышла замуж. «Будь снова моим мужем», - молит она. Я ей верю, что она по-прежнему меня любит, мне и ее жаль и себя. Да был бы я при достоинствах, мы бы снова стали супругами. А тут я был даже рад, что мои проблемы уже решились. Ну вот, пока я успокаивал Анну, моя соседка предлагает собранию избрать меня председателем колхоза. Не успел я и рта открыть, как все единодушно проголосовали за меня. Так я стал председателем колхоза, это на пятый день после освобождения из лагеря. Как говорится: из грязи, да в князи.

И закрутила меня колхозная карусель забот так, что на сон времени не оставалось. Считай, заново надо было поднимать хозяйство. Все должности тогда были у председателя. Я и агроном, и зоотехник, и механик, и снабженец. Это потом пришли специалисты. Колхозники работали за трудодни, но как работали. От зари и до зари. Техники почти не было. Я часто задумываюсь над вопросом: откуда у женщин бралось столько энергии? Ведь работали на голом энтузиазме. Отоварка трудодней зависела от урожая. А в Поволжье засуха нередкое явление. Бывало и по два года трудодни ждали своей очереди. Я к такому выводу пришел: колхозная жизнь держалась на трех китах: на вере в светлое будущее, на силе коллективизма и на песне, как это сегодня ни звучит странно. А тогда в поле едут люди на быках в арбе с песнями, работали с песней, едут с работы вечером уставшие - с песней. Ах, какое звонкое время было, хотя и жили бедно. Почему сейчас народ не поет? Очень редко можно услышать песню и то по пьянке. Все песни отданы для исполнения электронной технике. Вот почему Шаляпиных не стало. Талант стал рабом магнитофона. Опять отвлекся. Да. Работа работой, а личного счастья хочется каждому. Женщины, то есть колхозные бабы (не люблю слово «баба») прямо-таки охотились за мной. Они не могли взять в толк, почему такой видный, красивый и здоровый мужчина никого не любит. Ходили даже слухи по деревне, что де Анка на меня навела порчу, чтобы никому не достался. Да и сама Анна не раз приходила ко мне по ночам, прося лишь ласки...

- Нет, - говорил я ей, - нельзя обижать мужа-инвалида.

Она заплачет и уйдет, а я затем места себе не нахожу. Но тайну свою не выдавал никому. Мой Колька, можно сказать, жил на два

Встреча с интересным человеком

дома: то у матери, то у меня. Ему уже двенадцать лет было. Я уже жил ради него. Поклялся дать ему высшее образование. Колхозу так требовались специалисты. Помню сколько радости было, когда я купил Коле велосипед. Это сейчас машину легче купить, чем тогда велосипед. Нищета была ужасная на деревне. Раны войны потихоньку заживали, все разрушенное быстро восстанавливалось. Вдруг умирает наш кормчий Иосиф Виссарионович. Повеяли ветры перемен. Наступила хрущевская оттепель. Конечно, Хрущев был человеком энергичным. Но многие вопросы он решал исключительно волевым методом. Считаю его большой заслугой арест Берии. Никита Сергеевич знал на кого опереться в этом рискованном деле - на Жукова. А впоследствии, из страха перед авторитетом этого выдающегося героя войны разжаловал его из министров обороны. Вот она черная неблагодарность. Но народ объективно воздал должное каждой личности вне зависимости от политического положения. А вообще Хрущев - это сложный характер. Его поступки отличались непредсказуемостью. Он развенчал культ личности Сталина - это был мужественный политический шаг. Но бациллы культа жили и в нем. Никита Сергеевич хватался за многие вопросы как непререкаемый специалист. Решил, например, поднять сельское хозяйство в стране и начал поучать всех, как это сделать. Ему казалось, что достаточно на всей территории СССР внедрить производство кукурузы, так сразу мы догоним и перегоним Америку по производству молока, мяса, яиц. Без учета почвенных и климатических условий Хрущев требовал повсеместного внедрения этой культуры на всей территории СССР. Где-то в Америке на одной из ферм он увидел кукурузу трехметровой высоты и решил: вот он ключ к успеху в сельском хозяйстве. Это сейчас можно улыбаться по поводу чудачеств генсека, а тогда возделывание кукурузы находилось в ранге важнейших политических вопросов. Тот, кто возражал, поплатился карьерой. Нам, председателям колхозов, в первую очередь доставалось на орехи за невыполнение указаний ЦК. Правда, я был непартийным, но это ничего не значило - снять с должности председателя колхоза райкому не составляло никакого труда. Слава Богу, с кукурузой в нашем колхозе было все в порядке.

Но вот однажды по линии Облисполкома собрали нас руководителей колхозов в областном центре на сельскохозяйственный семинар. А там вдруг объявили, что формируется туристическая

группа из числа председателей колхозов для поездки в Федеративную Республику Германии для изучения животноводческого и зерноводческого опыта. Ознакомившись с планом и маршрутом туристической группы, незамедлительно записался кандидатом в туристы - предстоял еще отбор КГБ. Как у бывшего военнопленного у меня было мало надежды на «добро» госбезопасности. Но помогли связи и моя хорошая репутация по работе. Я был включен в список тургруппы.

Из Москвы мы должны были лететь самолетом в Штутгарт, оттуда в Бонн, далее поездка на автобусе в Кельн, Ганновер с посещением окрестных ферм. Но ведь от Кельна рукой подать до фермы Маргариты Краузе. Неужели судьба нас снова сведет? Неужели я ее снова увижу? Сначала это была робкая надежда. Затем она переросла в уверенность: я должен ее увидеть, я увижу ее во что бы то ни стало. Прошло шестнадцать лет с тех пор, как я последний раз видел Маргариту. Тогда через три месяца она должна была родить от меня ребенка. Я ничего о них не знал. Ведь в то время контакты с иностранными гражданами были проблематичными - шла холодная война. Меня вдруг охватило теплое чувство отцовства. Дети не выбирают себе родителей. «Да, сын у меня в России есть, - думал я, - он уже учится в сельскохозяйственном институте. Хорошо бы иметь в Германии дочку. Ведь и Маргарита мечтала родить девочку, ей и имя было припасено Анна».

До выезда нашей тургруппы в ФРГ я не находил себе места - а вдруг по моим анкетным данным меня исключат из списка. Но, наконец, слава Богу, все формальности позади и мы летим в Штутгарт.

Организаторы нашей турпоездки с немецкой стороны приняли нас исключительно тепло, как будто мы с ними и не воевали. Да, собственно, народ давно прозрел в какую авантюру втянул Гитлер германскую нацию. И теперь в отношении к нам большинство немцев как бы старалось загладить свою вину за свое прошлое. Нас сопровождают представители министерства сельского хозяйства. Они были исключительно вежливы с нами и не скрывали своих профессиональных секретов. Нам показывали лучшие фермы Германии. Конечно, во время войны сельскохозяйственные объекты не подвергались массированным бомбардировкам, как города и заводы, и все же после такой разрухи немцы уже жили значительно лучше нас, потому что государство уделяло огромное внимание

Встреча с интересным человеком

развитию сельского хозяйства. Прежде чем поднимать экономику, необходимо накормить население страны - такая была установка тогдашнего правительства. И, как мы убедились, успех был налицо. Развитие ферм шло по пути интенсификации производства.

В Бонне советских фермеров, как нас там называли, встречал сам министр сельского хозяйства. Он лично показал нам достопримечательности города Бонн, ведь после войны стал столицей ФРГ. Прекрасный уютный город, расположенный на берегах Рейна, был и научным центром сельского хозяйства.

Все, что нам показывали и рассказывали, было очень интересно, но мне не терпелось быстрее увидеть Маргариту. Я попросил разрешения у руководителя группы отлучиться на два-три дня с условием возвращения в группу в городе Кельн, который мы должны были посетить после Бонна. Руководитель нахмурился - непростую я задал ему задачу. Ведь в каждой тургруппе тех времен как правило находились анонимные кагэбэшники. Я умолял отпустить, заверяя, что никакого ЧП не случится. Шеф колебался и, спросив меня о месте отлучки, на всякий случай посмотрел в свои бумаги.

- Так ведь фирма Краузе, как образцовое хозяйство, находится в плане посещения нашей тургруппы, - радостно объявил он.

Меня охватило невыразимое волнение. Неужели я увижу мою Маргариту через три дня? Я потерял аппетит и сон.

И вот мы на автобусе подъезжаем к ферме Маргариты Краузе. В моей голове возникали разные сценарии встречи. Сначала я решил не выдавать себя, хотел только посмотреть и уехать. Но ведь это глупо и подло. Затем родился вариант приподнести себя неожиданным сюрпризом. Но в конце концов решил: что будет.

Смотрю в окно автобуса на знакомые места. Как же все изменилось за это время! Ферму я не узнал. Она расширилась и обновилась, видимо скота стало значительно больше. Дом Краузе тоже стал неузнаваемым, видимо после капитального ремонта.

Во дворе нашу делегацию встречала сама хозяйка фермы. В строгом деловом темно-синем костюме. По русскому обычаю Маргарита держала в руках хлеб-соль. Когда она, идя нам навстречу, приблизилась с гостеприимной улыбкой, я ахнул. Маргарита несколько не изменилась ни лицом, ни фигурой. Та же молодость, та же красота, то же очарование, что я оставил шестнадцать лет назад. Меня душили слезы и мучил вопрос: замужем ли она?

С нами был переводчик, но Маргаритта отказалась от его услуг и на чистом русском языке поприветствовала нас и справи­лась о нашем здоровье. Затем она пригласила нас в свой офис выпить по чашке кофе. Мы зашли в большой зал с накрытыми сто­лами. Хозяйка объявила, что желает персонально познакомиться с дорогими гостями. Мы выстроились вдоль стены. Назвав свое имя, Маргарита подходила к каждому туристу и подавала руку. Я сто­ял последним у самой двери. Она подошла ко мне с официальной, милой улыбкой и протянула мне свою красивую наманикюренную ручку.

- Иван Иванович Бугаев, председатель колхоза «Путь к ком­мунизму», - твердо отчеканил я, глядя в ее до боли любимые глаза.

Я не выпускал ее руку, сжимая все сильнее и сильнее ее ма­ленькую, но твердую ладонь. Маргарита закрыла глаза и покач­нулась, затем встряхнула головой, словно отгоняя наваждение, растерянно оглянулась, сказала своему помощнику, чтобы тот рас­саживал за столом гостей, а затем быстро потянула меня в дверь. Мы зашли в какую-то маленькую комнату и тут Маргарита дала волю своим чувствам.

- Иван, как я долго тебя ждала, - обняв мою шею, заплакала она. Я тоже заплакал. В поцелуях мы смешали слезы счастья.

- Как я жила эти годы? - успокоившись, стала рассказывать Маргарита, - меня спасала работа. Я работала как лошадь. Государ­ство мне выделило кредит на расширение фермы. Ты увидишь, на что способна женщина. Кредит я давно погасила.

Маргарита говорила, говорила то на немецком, то на прилич­ном русском языке.

- Я верила, что судьба нас снова сведет, и потому закончи­ла заочно институт иностранных языков. Я уже перечитала ваших многих классиков на вашем языке...

Затем, насколько позволяло время, коротко рассказал о своей холостяцкой жизни.

Маргарита кому-то позвонила по телефону и распорядилась, чтобы группе русских после экскурсии по ферме устроили удоб­ный ночлег с хорошим ужином и завтраком. Затем она повела меня в дом, который тоже подвергся основательной переделке. Интерьер комнат поражал шикар­ной мебелью. Каждое помещение было обу­строено в определенном классическом стиле.

Встреча с интересным человеком

Мы зашли в одну из комнат. Маргарита кому-то позвонила. Не успел я посмотреть картины знаменитых художников, как в комнату зашла молоденькая девушка.

- Ты меня звала, мама, - спросила она, с любопытством поглядывая на меня.

- Да, знакомься, Иван, это твоя дочь Анна, - представила Маргарита девушку.

Я обалдел. Такая взрослая дочь и такая красавица. Не успел я и глазом моргнуть, как Анна со словами «папа, папочка» подбежала ко мне и поцеловала меня трижды по христианскому обычаю.

- Мне так много мама рассказала о Вас, а Вы даже фотографию нам не оставили. Правда, я нарисовала Ваш портрет со слов мамы и всех, кто Вас знал. Говорят похож. Я Вам покажу, маме он очень понравился, как она часто Вас вспоминала. - Анна щебетала на чистом русском языке. А я не мог наслушаться ее чистого певучего голоса.

Маргарита взяла нас за руки и подвела к зеркалу.

- А теперь посмотри, папочка, кто больше похож на того молодого Ивана. Ты или твоя дочь? Эта проказница ни одной черточки от мамы не унаследовала, копия папы, вся рожица русская.

Аннушка обняла меня за шею с детской непосредственностью и спросила:

- А какие бывают русские красавицы?

- Как ты, - ответил я, - ты и есть самая настоящая русско-немецкая красавица.

Она захохотала, потом вдруг стала грустной и спросила, когда мы уезжаем. Мне не хотелось отвечать на этот вопрос, потому что я почувствовал себя в родной семье и мне, по правде, уже не хотелось уезжать. Наступила неловкая пауза.

- Знаешь что, Иван, - вдруг резко обратилась ко мне Маргарита, - никуда ты от нас не уедешь, мы тебя не отпустим. Советский Союз и твой родной колхоз «Путь к коммунизму» без одного Ивана обойдутся, а мы нет, ты нам нужен. А в Россию мы тебя будем иногда отпускать, когда сильно соскучишься по Родине.

- Но...

- Никаких но, все вопросы по гражданству я беру на себя. Сколько можно бедной женщине пахать на ферме? Вот ты и останешься здесь при своей должности председателем фермы-колхоза. Давай назовем наше предприятие «Путь к коммунизму». Какая раз-

ница в названиях, был бы результат.

Так я стал гражданином Федеративной Республики Германия. О, это было в то время не простым делом - получить гражданство капиталистической страны. Много было бумаги исписано. Во-первых, сначала надо было уладить конфликт с властями СССР. Когда я объявил нашему руководителю группы о своем решении остаться в Германии, того чуть кондрашка не хватил. Это было ЧП мирового масштаба. «Винювников» дома ждали большие неприятности по службе. За поведение туристов за границей отвечали прежде всего руководители групп и работники КГБ, которые были в каждой туристической группе.

Мы написали заявления в различные советские органы власти, а также написали письмо самому генсеку Никите Сергеевичу Хрущеву. Скандал был, конечно, большой, многие газеты об этом писали, но в конце концов мы добились, чего хотели. Мы с Маргаритой официально зарегистрировали наш брак и сыграли пышную свадьбу. Я и Маргарита с дочкой приняли новую фамилию - Бугаевы-Краузе.

Так для меня началась новая жизнь. Маргарита торжественно передала все бумаги по управлению фермой и я стал ее руководителем, считай, председателем большого и сложного сельскохозяйственного комплекса. Па первых порах я поставил перед собой задачу более, чем скромную - не ухудшить состояние фермы, сохранить ее конкурентоспособность, что в условиях капиталистической страны совсем нелегко и непросто. Ведь в СССР слово «конкуренция» только мелькала в газетах, многие советские люди даже не понимали его значения. Вместо конкуренции у нас было социалистическое соревнование. В колхозе я работал, как говорится, от зари до зари, но там и отрицательный результат - результат. Ни у кого из председателей колхозов о сбыте продуктов голова не болела. Обратно говоря, колхоз не тонул при любой погоде. На капиталистическом предприятии все гораздо сложнее. Там результат - мерило и твоей работы и твоего благополучия. За своим хозяйством следи, но не забывай и о соседях, о том, что делается в стране, в Европе, в мире. Следи за наукой, за передовыми технологиями. Только внедряя в производство самое лучшее, самое эффективное, ты можешь находиться на плаву. Чуть выпустил из виду показатель себестоимости - без прибыли можешь остаться. Но работать на Западе инте-

Встреча с интересным человеком

ресней. Кругом тебя классные специалисты, а главное все, что надо для фермы, можно достать в течение дня. К тому же, и государство поможет льготными кредитами.

Сначала Маргарита меня подстраховывала, а затем, убедившись, что мы «сами с усами», тихонько отошла от дел, стала больше внимания уделять Аннушке, дому, всякого рода культурным мероприятиям. Она увлеклась всерьез живописью. Она организовывает поездки на выставки лучших художников. Мы часто отправлялись в короткие путешествия по Рейну. Мы всегда брали с собой Анну. Она так привязалась ко мне, что ее мама стала ревновать ко мне. Но ведь сама виновата. Я вошел в сознание Аннушки с пеленок. Маргарита много ей рассказывала обо мне: какой я хороший, какой сильный, какой красивый. Она, можно сказать, идеализировала меня. Поэтому мы с первой встречи стали родными. И я в ней души не чаял.

Постепенно я восстановил связи с моей родиной. Стал переписываться с родителями и с сыном. Он уже заканчивал институт. Я рискнул походатайствовать перед дирекцией института и перед областным начальством о направлении моего сына на нашу ферму для прохождения производственной практики на ферме Бугаева-Краузе. Не без препятствий. Но в конце концов добро было получено.

Маргарита и Аннушка были в восторге. Дочка мечтала иметь брата, и вот он завтра прилетает в Кельн. В доме переполох - все готовятся встречать дорогого гостя. Маргарита приготовила для моего сына лучшие комнаты. И вот рано утром мы едем встречать Николая Ивановича на двух машинах... Самолет, приземлился и из него выходит двухметрового роста мой студент. Боже, как он возмужал за два года! Я знакомлю его со своей семьей. Мои женщины смотрят на Колю снизу вверх с восторгом и не могут насмотреться – писанный красавец. Он явно смущен таким вниманием. По пути домой наш богатырь рассказывает деревенские новости. Отчим недавно умер. Сестричка Маша пойдет в седьмой класс. Мама работает бухгалтером в колхозе. Да считать-то особенно нечего. В прошлом году засуха случилась. Кормов мало заготовили. Пришлось часть поголовья крупного рогатого скота забить... Тут Маргарита на меня поднялась - мол, почему не подсказал о помощи колхозу, ведь у нас такая возможность имеется... Короче говоря, через несколько дней в Волгоград (Сталинград уже был переименован) была отправлена гуманитарная помощь для колхо-

за «Путь к коммунизму». Она представляла собой шестьсот тонн комбикормов. Это для хорошего стада почти годовой запас.

Целый месяц Николай был под полным патронажем Анны. Она учила его немецкому языку, знакомила с окрестными достопримечательностями, устраивала поездки в города Кельн и Бонн, организовывала путешествия по реке Рейн. Анна задала ему такой темп жизни, что бедный парень засыпал как убитый, едва коснувшись головой подушки. После того как подготовительная программа минимум была выполнена, наш студент приступил к практике на нашей ферме. Он был на удивление способным и неутомимым в работе. Все на ходу хватал. Я и сейчас горжусь своим сыном. Прекрасный из него получился специалист. Он и классный зоотехник, и с агрономией он на «ты», и в технике разбирается. В общем, специалист широкого профиля. Не случайно накануне своего приезда в Германию Николай был избран колхозниками председателем того же колхоза «Путь к коммунизму».

Случилось так, что во время практики Анна познакомила Колю с одной местной девушкой, которая, как оказалось, была дочерью того самого ветеринарного врача, который меня кастрировал. Так вот, полюбили они друг друга. Сын от меня своих чувств не скрывал и в отношении к Инге (так звали мою будущую невестку) у него были самые серьезные намерения. Внутренне я естественно противился даже самой мысли о возможном родстве с моим палачем, но виду не подавал. При чем здесь дети? – говорит разум. А сердце никак не хотело простить... Вот уж действительно судьба играет человеком.

Постепенно я свыкся с ожидающей меня перспективой, тем более Инга была красивой девушкой. Она тогда училась на ветврача в институте на четвертом курсе и поэтому свадьбу с Колей они решили справить позже, и по настоянию Инги, непременно в России.

Маргарита согласилась ехать на свадьбу с большим трудом. Ее можно было понять. Она не хотела встречаться с моей первой женой Анной, считая себя разлучницей. Россия ее и пугала и притягивала. Где-то под Харьковом около деревни Соломино, согласно извещения, похоронен ее муж. Маргарита давно хотела побывать на его могиле. Немцы никогда не забывают о своем долге перед мертвыми.

Так родилась идея совместить обе поездки в одну с попутным

Встреча с интересным человеком

вариантом. Я согласился сопровождать Маргариту в Соломино, ведь недалеко от этой деревни находится то поле, на котором полегла моя дивизия. И я тоже решил поклониться праху моих павших товарищей.

К поездке стали готовиться заранее, потому что знали какие нас ждут трудности с получением виз. Но вот месяца через три все бюрократические препятствия мы преодолели. Мы - это я, Маргарита, Анна, Инга и ее почтенные родители. Сборы были недолгими. Как только нам выдали визы, все мы в один день выехали в Россию поездом. До Харькова все мы ехали вместе, а там наши семьи разделились. Инга со своими родителями поехала дальше в Волгоград, а мы с Анной и Маргаритой взяли такси и поехали сначала на мое поле. Была весна. И вот мы на месте тех кровавых боев. Таксист был из тех мест и мы быстро нашли наше поле. Оно зеленело посеянной пшеницей. Поле как поле. На нем уже ничего не напоминало о той страшной войне. Только в центре его возвышался обелиск. К нему вела тропинка. Оставив своих около такси, я пошел к памятнику. Один, нарвав по пути полевых цветов, я возложил их на гранитную плиту к основанию обелиска, где была надпись: «Павшим героям в борьбе за свободу и независимость нашей Родины». Чуть в стороне я заметил кучку осколков. Кто-то их собрал на поле. Любой из них мог быть и моим в тех боях. Один кусочек поржавевшего рваного металла я взял себе на память. Я заметил и шрамы на земле от окопов и блиндажей. Время лечит и поле. Сколько там осталось непохороненных русских косточек. В братской могиле около обелиска только малая часть их предана земле. И надо же - по сталинским законам военного времени все погибшие в окружении военные считаются безвести пропавшими. Жестокое время рождает жестокие нравы.

Когда я подошел к такси, ко мне подбежала Аннушка с букетом цветов.

- Смотри, папа, здесь растут такие же цветы, как в Германии...

- Да, доченька, и люди под ними покоятся такие же как в Германии, - ответил я с грустью.

Анна стала серьезной. И вдруг она резко побежала по тропке к обелиску. Там она положила свои цветы и долго стояла, склонив голову. Откуда это у ней такой интернационализм?

Дочь возвратилась с заплаканным лицом. Я обнял ее и не

сдержал рыданий. Маргарита тоже прослезилась...

В деревню Соломино мы приехали под вечер. Там власти по линии КГБ были оповещены о нашем приезде и нам была подготовлена изба для ночлега. Пожилая хозяйка нас радушно приняла, она чем могла угостила, а потом до полуночи рассказывала про бои в этих местах, про тяжелую жизнь в колхозе, муж ее погиб при взятии Берлина, а дети уехали в город, иногда навещаются с внуками, да сил уже нет обрабатывать сорок соток огорода. Мы ей хорошо заплатили...

Утром хозяйка повела нас на немецкое кладбище. Сторож сказал, что на нем похоронено около трех тысяч немецких солдат и офицеров. Нашлась в сторожке и погребальная книга. Все записи кто-то делал в ней очень аккуратно и на немецком языке. У немцев и на том свете порядок. Во-первых, все могилы выкопаны по линейке, а во-вторых солдаты у них похоронены отдельно, а офицерский состав покоится в другом месте кладбища в соответствии с чином каждого на день его гибели. Все могилы занумерованы и это облегчило нам поиск.

- Да, есть такой капитан Иоган Краузе, - сказал сторож, ткнув пальцем в пожелтевшую страницу книги. Затем он повел нас по кладбищу.

«Удивительный порядок, как ходили живые строем, так и мертвые лежат», – подумал я. Вот и захоронение офицеров. Сторож, видать из обрусевших немцев, очень хорошо ориентировался среди могил. Он быстро читал имена похороненных и по-немецки называл номера могил.

- Иоганн Краузе, - неожиданно громко прочитал он надпись на табличке креста. Под крестом лежал камень, на котором дублировалось имя похороненного. Маргарита быстро подошла, повесила на крест венки из живых цветов и приложила платок к глазам. О чем она думала? - сам Бог ведает. Я невольно задержался у могилы своего палача. Судьба свела нас в третий раз. Я вновь вспомнил его письмо, и с трудом пересилив себя, мысленно попросил у Краузе прощения. Затем мы с Анной отошли в сторону, оставив Маргариту одну. Вдруг я почувствовал у себя на душе неожиданное облегчение. Отчего бы это? - подумал я. И тут же понял, что я совершенно не питаю вражды к Иогану. Попросив у него прощения, я простил и его. Да, та поездка под Харьков была целительной для наших душ. Людей в зверей пре-

Встреча с интересным человеком

вращает война, а войны устраивают безмозглые политики.

Сначала Маргарита хотела перевезти прах мужа в Германию, но там у него родственников не осталось и она решила установить гранитный памятник ему на соломинском кладбище. Да, так будет лучше и для нашей семьи - решили мы оба.

Вернувшись в Харьков, мы сели на поезд и поехали в Волгоград... Приехали мы как раз к намеченному дню свадьбы. Встретили нас как подобает встречать иностранных гостей. Мой «хирург» уже освоился в деревне и уже успел успешно порыбачить с удочкой на речке. Все мы остановились у моих родственников. Конечно же, наших немцев шокировали бытовые неудобства и особенно туалет во дворе. Но что есть, то есть. Зато сколько экзотики нашла наша молодежь. Аннушка восторгалась всем, даже нашей убогостью. За несколько дней дочь успела перезнакомиться со многими местными парнями. Она вела себя так, словно родилась и выросла в этой деревне. Да, я понял, генетически Анна получилась русской. А когда она увидела наши прекрасные места, речку Иловля, Дон, то совсем пришла в поэтическое состояние. Колхозные ребята каждый день ее по окрестностям на мотоцикле катали. А один так прямо напугал нас с Маргаритой. Ухаживать стал настырно. Ни свет - ни заря а он уже на мотоцикле у окна зовет Аннушку гулять... Но она, правда, нас успокоила:

- Не волнуйтесь, папочка, мамочка, пока иняз не закончу, никакой любви не будет.

Она училась в высшей школе иностранных языков. Но возраст тот самый, а нашим парням плевать на все эти мелочи жизни. Красивая девушка, они не считали ее немкой. Короче, как мухи на мед.

Но вот настает день свадьбы. Церковь находилась в соседнем селе. Там и обвенчались Коля и Инга. Хотя в то время подобное мероприятие очень дорого стоило для карьеры молодых. Игнорировали партийцы религию и считали, кто не с ними, тот против них. А Николай был уже членом КПСС.

Венчание прошло по всем правилам, торжественно. Много народа было, мы конечно присутствовали, все родственники и близкие. Ну, и конечно же, мы встретились в церкви с моей бывшей женой, Колиной мамой Анной. Она была со своей дочкой Машенькой. Со мной Анна поздоровалась сдержанно, с грустью в глазах. Я представил ей Маргариту. Но Анна презрительно посмотрела

на нее и отвернулась. Тем самым дала понять, что знакомиться с моей немкой не желает. Именно этого и боялась Маргарита. Но, слава Богу, до публичного скандала не дошло. И все же, создавшаяся напряженность испортила настроение и мне и нашей дочери. Но Маргарита взяла себя в руки. После венчания она подошла к Анне и попросила ее задержаться в церкви поговорить. Та заплакала, но согласилась. Святой отец оставил их в церкви наедине. Я до сих пор не знаю, о чем они там говорили. На свадьбу они приехали с опозданием на три часа с просветленными лицами. С тех пор они не разлучались. С ними постоянно были наши дети Анна и Машенька. С нами рядом сидел мой «хирург» со своей фрау - родители Инги. Таким образом, о моей кастрации на свадьбе знали только три человека: сам кастратор-ветврач, Маргарита и я. Но я не исключаю вероятности того, что Маргарита не раскрыла эту тайну Анне, потому что более веского аргумента для примирения колхозницы и фермерши, для возникновения доверия, дружбы между двумя женщинами, любившими одного мужчину, просто нельзя было придумать. Я с душевным облегчением наблюдал, как они вместе пьют вино, чокаются за счастье молодых, разговаривают, смеются, кричат «горько».

Мой «хирург» со своей фрау не знали по-русски ни одного слова, но когда заметили, что после крика «горько» молодые целуются, стали сами кричать это магическое слово и хором, и отдельно, то есть как бы по индивидуальному заказу. Дочка Анна у них была переводчицей, но слово «горько» она не могла перевести в свадебном значении. Спросила у меня – я тоже не знал, потому что горько есть горько и к сладкому поцелую молодых оно действительно не вяжется.

- Вероятно, это старая русская ритуальная традиция, - подумав, ответил я Анне.

Но она не удовлетворилась таким разъяснением и пообещала докопаться до истоков. Но тут же она повернулась к сидящему с ней рядом парню и задала ему тот же вопрос. Парень задумался, затем сказал, что объяснить не может, а вот выразить смысл этого слова практически готов. При этом он вытянул свои губы с намерением поцеловать Аннушку. Все засмеялись, а дочь смутившись, оттолкнула нахального ухажера. Но мне уже было не до смеха и в моей голове уже прокручивались варианты изоляции от навязчивого молодого человека.

Встреча с интересным человеком

- Кто этот парень? - спросил я у сидящего рядом колхозника.

- Да это наш колхозный механик Мишка Липунов, сын Дарьи Липунихи, что на краю деревни живет. Отца его я что-то не припомню. Здоровый бугай этот Мишка. Всех деревенских девок перещупал. Ему бы жениться пора, да никак не выберет по себе невесту, - выдал мне сногсшибательную информацию сосед по столу.

Так это же он на мотоцикле катает Аннушку - вспомнил я и меня бросило в жар. Нам еще таких женихов и не хватало. И фамилия Липунов, от слова липнуть. Вот ведь прилип к дочери. С такой силой, да с сексуальным опытом, да при такой нахальной красивой морде - что ему стоит охмурить Аннушку - подумал я. Надо было что-то предпринимать. А свадьба пела и плясала. Я решил вывернуть в электрощитке пробку в надежде, что все гости разойдутся. Только я совершил эту диверсию, как вся молодежь разбежалась. Но и моя Анна куда-то исчезла. Не было на месте и Михаила... А эта ситуация еще хуже, чем была. Словом, правду говорят, благими намерениями дорога в ад вымощена. Я не могу найти себе места, а моя Маргарита спокойно беседует с моей бывшей женой. Свадьба продолжалась при зажженных свечках. Пришлось вкрутить пробки. Вспыхнул свет, всем стало веселей, закричали «горько!» и только мне было действительно горько. Пришла наша Аннушка домой аж на рассвете. Я глаз не сомкнул. А она отшутилась. Мол, с ребятами ходили по деревне, песни пели.

Утром я поделился своей тревогой с Николаем. Тот быстро отреагировал. Он вызвал Мишку в контору и срочно отправил его в командировку в областную сельхозтехнику за запчастями. Ну, а мы тем временем стали собираться в дорогу. За сына я был спокоен. Он уже крепко стоял на ногах. Инге еще предстояло получить диплом ветврача и поэтому она тоже уезжала с нами. Аннушке ехать в Германию не хотелось, она ждала из командировки Михаила. Но билеты на поезд до Москвы были уже взяты... Маргарита договорилась с Анной, что на следующее лето они с Машенькой приедут к нам в гости в Германию. Нас провожала вся деревня. Простота моих немцев так покорила моих земляков, что они расставались с ними как со своими близкими людьми. Наша дочь была мрачнее тучи. Она еще надеялась увидеть Михаила, ведь он обещал приехать. И вот за минуту до отправления поезда на перрон с бешеной скоростью вылетает на мотоцикле ее механик.

Все провожающие шарахнулись в сторону. А он заскочил в тамбур и, не стесняясь никого, стал целовать Аннушку. Договорились опять встретиться и переписываться. Поезд тронулся, а Михаил все никак не может расстаться со своей любимой. Проводница буквально вытолкнула его из вагона. Анна была на седьмом небе от счастья. Не успели отъехать от станции, а она уже спрашивает меня, когда снова приедем в колхоз.

До самой Москвы мы с моим ветврачем обмывали наше родство. Ему очень понравилась русская поговорка: кто старое вспомнит, тому глаз вон. Несколько раз он повторял ее в качестве тоста. Как выяснилось, мой новый родственник Ганс оказался добродушным и веселым компаньоном.

Приехали в Германию и все принялись за свои дела. Наше фермерское хозяйство еще больше расширилось. Увеличилось поголовье «быстрого мяса», то есть свиней, и молочного стада прибавилось. Везде нужен глаз да глаз. Я полностью весь ушел в работу. Анна и Инга учились, готовились к защите дипломов. Маргарита хозяйничала дома. Спустя месяца четыре после приезда из России, она как-то мне таинственно сказала, что хотела бы поговорить «тет-а-тет» со мной на одну деликатную тему.

- Только не падай со стула, держись крепче, - загадочно добавила она.

- Ну не тяни, выкладывай, нечего меня интриговать, - с нетерпением говорю я.

- Иван, мы скоро будем с тобой дедушкой и бабушкой.

- Ну, естественно, - спокойно отвечаю я Инге, - сам Бог велел родить ребенка.

- Да, она беременна, но и наша Анна в положении, - ошарашила меня Маргарита.

- Как!?! - только и смог вымолвить, и действительно, чуть не упал со стула.

Господи, зачем я тогда на свадьбе электрическую пробку выкрутил? Ну, почему в моей жизни случается то, чего я очень боюсь?

А Маргарита была спокойна, Меня это выводило из себя.

- Неужели от Мишки? - упавшим голосом спросил я.

- Да, от колхозного механика, того самого, что в вагоне целовался с нашей дочерью.

- Что будем делать? - спрашиваю я.

Встреча с интересным человеком

- А ничего, будем ждать внуков, - улыбнулась Маргарита. - Прокормим, - добавила она.

- Да разве в этом дело? Ребенок у Анны будет незаконнорожденным, - возмутился я. На что Маргарита ответила, что Бог даст, все образуется, и что она верит Михаилу.

- Вон какие длинные письма он присылает Анне каждую неделю. Значит любит, - заключила жена.

А Анна была веселой и беззаботной. Она порхала, как птичка. Со мной была очень ласковой, но ничего мне про свою беременность не говорила, видимо, считая сей вопрос сугубо женским делом. Она успешно сдавала зачеты. Время шло. И вот у нас появилась внучка от Инги. А буквально неделю спустя разрешилась и Аннушка, осчастливив нас с Маргаритой четырехкилограммовым внуком. Я сразу назвал этого бутуза механиком. Анна пожелала дать ему русское имя. В честь деда она назвала своего киндер Иваном. Так телеграмму отправила Михаилу в Россию: «Родила Ивана Михайловича Липунова весом четыре килограмма. Сынок и мама здоровы. Целую, жду. Анна». А Инга назвала свою малютку в честь бабушки Маргаритой.

Что в доме началось с появлением внуков - трудно описать. Маргарита буквально потонула в заботах по их воспитанию. Казалось, она была самой счастливой в доме. Бабушка полностью заменила малышам их мам. Ведь они уже готовились защищать дипломы и обе не стали брать академический отпуск. А месяца через два прилетели к нам папаши Коля и Михаил. Ох, и бурными были встречи. Колхозный механик, словно изголодавшийся бык, не отходил от Анны. Я ему, конечно, высказал все, что о нем думал.

- Как же ты, полужать, нахал ты этакий, до свадьбы посмел охмурить Анну и не стыдно тебе? - говорю я ему. А он:

- Так получилось, отец, когда на свадьбе погас свет, мы с Анной побежали на реку. Ну, а там, сам понимаешь, невтерпеж было. У нас же в СССР презервативов днем с огнем не найти. Вот здесь в Германии я их целый, мешок куплю.

- Зачем?

- Ну, на будущее друзьям раздам... - замялся парень.

- Смотри у меня, Михаил, будешь еще по девкам бегать - убью, - полушутя пригрозил я.

Договорились на лето о свадьбе, которую решили сыграть у

нас в Германии.

Михаилу все у нас было вдиковинку. Его поражала высокая культура на производстве. Долго он ходил по ферме, присматриваясь к технологии. А перед отъездом вдруг предложил мне свой план механизации. Он поражал простотой и надежностью. Мне даже стало неловко за свою некомпетентность. Наш полужуль оказался докой не только в дамских вопросах. Я сразу отметил - башковитый парень. Не зря же он закончил с отличием сельхозтехникум. И диплом защищал по механизации животноводческих комплексов.

- Вот бы мне такого помощника, - говорю я Михаилу. А он мне прямо:

- После свадьбы, батя, определимся, мне у вас нравится.

Отметив день рождения дочери, Николай мотался со своей мачехой по разным фермам, приобретая разное оборудование для колхоза. Конечно же, за наш счет - откуда взять в те времена валюту бедному колхозу. А перед отъездом Маргарита подарила Коле прекрасный джип, чему он был безумно рад.

Наконец, Анна и Инга получили свои мучительные дипломы. Приближалось время свадьбы. Все получилось хорошо. Михаил не подвел. Народу приехало как на миланину свадьбу. Всем колхозникам мы оплатили дорогу. Приехали и моя бывшая жена с Машенькой. Дарья, Мишина мама тоже приехала. Мне еще раньше хотелось узнать про отца Михаила. И вот такой случай представился. Остались как-то мы одни за столом с Мишиной мамой. Я набрался храбрости и спросил ее про его отца.

- Нет у него отца, - смутилась Дарья. - Во время наступления немецких войск на Сталинград в 1942 году я была у своей сестры в городе Калач-на-Дону. Мне тогда и двадцати лет не было. Однажды немецкая комендатура к нам на постой поселила офицера. Карл Шмидт его звали. Такой веселый, молодой, красивый. Он никак не походил на врага. Он часто получал из Германии от богатых родителей посылки и баловал нас с сестрой всякими угощениями. И вот однажды случилось... Нет он не насиловал меня, я сама его захотела. Влюбилась в него по уши. Мне казалось и он меня любил. Была война. Надо было торопиться жить. Интуитивно я чувствовала, что Германия потерпит поражение. Что ждало Карла на нашей земле? В Германии у него не было девушки - так он говорил по крайней мере. Я захотела от него ребенка. Про себя загадала: если

Встреча с интересным человеком

забеременею, значит Карл останется живым. Вскоре началась Сталинградская битва. Мой «любимый враг» уехал на фронт. Спустя некоторое время я почувствовала, что забеременила. А в феврале 1943 года к нам забежал попрощаться Карл, худой, обросший. Как он обрадовался, когда узнал, что станет отцом. «Теперь я не умру», - сказал он по-русски, и грустно улыбнулся. Затем он подарил мне свою фотографию, на которой написал свой адрес. Пообещал после войны нас найти, чтобы жениться на мне. С тех пор я о нем ничего не знаю, но в окружение он не попал. Это точно. Чтобы люди не тыкали в меня пальцем и не называли немецкой подстилкой, я после рождения Миши сменила место жительства, переехала в колхоз. А про рождение сына сочинила легенду будто нагуляла с нашим танкистом. Немного изменила дату рождения. Вот так и живем с ним. А он тоже ничего не знает о своем настоящем отце. Так вот более двадцати лет и ношу я эту тайну в сердце. Да все жду Карла. И замуж так и не вышла, хотя многие предлагали руку и сердце. А Миша у нас Карпович вместо Карлович. Всего одна буква отделяет правду от святой неправды. Да вот, я на всякий случай захватила с собой фотографию Карла Шмидта.

Дарья достала из сумочки фотографию. Я взглянул на нее и опешил.

- Так это же Миша, - воскликнул я. Только немецкий мундир офицера заставил меня поверить, что передо мной портрет другого человека. Какое удивительное сходство соткала природа. «Господи, - подумал я, - сколько же война смешала крови, сколько детей от безвестных отцов-воинов враждующих стран родилось во время войны». Статистика этой цифрой не владеет. Когда ребенок рождается и по любви, и как плод насилия от вражеского солдата - какая мать признается людям в этом?

Так и живут тысячи незаконнорожденных граждан в России, на Украине, в Германии, совсем не подозревая, что в жилах их течет смешанная кровь. Дети не выбирают себе родителей, и они имеют полное право на счастье.

Может быть, только в архивах КГБ пылятся какие-то сведения об этом... На второй день я позвонил в штаб Вермахта и запросил данные об оберлейтенанте Карле Шмидте, который воевал на Сталинградском фронте. Через день из архива я получил официальный ответ:

«Карл Шмидт погиб как герой 5.08.1943 года в бою с большевиками на Курской дуге и похоронен под Прохоровкой. По последним данным его прах перевезен его родителями в Фатерланд и перезахоронен на одном из кладбищ города Ганновер». Далее к этому сообщению прилагался номер телефона родителей Карла.

Я тут же позвонил. Ответил старый Шмидт. В общих чертах я объяснил ему причину нашего намерения встретиться с ним и его женой в любом месте. Услышав имя своего сына, Шмидт, судя по интонациям голоса, сильно разволновался и попросил нас прилететь в Ганновер самолетом.

Со своей стороны мы решили сразу не раскрывать карты. Ведь Михаил был копией Карла. Эта новость, конечно же, потрясла и его. Сначала он накинулся на мать – мол, почему она не рассказала ему эту историю раньше. Нам с Дарьей пришлось изрядно потрудиться, чтобы доказать Мише правоту его матери. Узнав о предстоящем визите к бабушке и дедушке, Михаил успокоился и даже повеселел. Надо отдать должное его мужеству. Ведь его биография изменилась в одночасье. Неожиданно полученная им информация, произвела в его душе целую бурю переживаний. Но он очень любил свою мать и нашел в себе мудрости правильно оценить ее поступок. В конце концов, жизнь прекрасна и те, кто ее любит, бесконечно благодарны своим родителям за этот божий дар.

- Кто я теперь полурусский, полунемец? - грустно спросил Михаил.

- Ты русский, потому что семя проросло на русской почве, потому что мать твоя русская. А твоя Анна немка, хотя я ее отец. Кровь от матерей, - я как мог объяснил своему полузятю.

И вот мы летим втроем в Ганновер. В аэропорту нас встречает седой немец. Он пристально вглядывается в Михаила, а затем бросается к нему, обнимает, целует со словами: Карл, мой дорогой мальчик, ты жив оказывается, дай я на тебя посмотрюсь, поехали скорей домой, там тебя ждет твоя мама. По лицу Шмидта текли слезы счастья, он был очень взволнован. Его можно было понять, ведь он видел последний раз своего сына в возрасте Миши.

Мы сели в большой джип и поехали в предместье города на ферму Шмидта, он тоже потомственный фермер. Карл был у него единственный сын. Видимо он его так любил, что при виде Михаила потерял чувство реальности. Когда в машине он немного

Встреча с интересным человеком

успокоился, мы начали его осторожно убеждать, что рядом с ним сидит сын его сына, внук, которого зовут Мишель.

- Да, да, гросфаттер, я действительно твой внук, - обратился к нему Михаил.

Шмидт не верил, не хотел верить. Дарья подала ему фотографию Карла. Старый фермер долго переводил взгляд с портрета на Мишу и, не найдя в любимых чертах никакого отличия, запротестовал:

- Наин, найн, дас ист майн дер зон. Мой сын, мой сын... - повторял он.

Затем Шмидт мотнул головой, как бы встряхивая с себя наваждение, и сказал:

- Хорошо, я вам верю, но, мой дорогой внук Мишель, не называй меня дедушкой, я не гросфаттер, я твой фатер, зови меня папой, пожалуйста, тебе это ничего не стоит, это нужно мне... - при этих словах слезы брызнули из глаз Шмидта и закапали на фотографию Карла. И тут уже Дарья заговорила. Я едва успевал переводить. Она рассказала об их короткой любви, о счастливых днях, проведенных ею с Карлом.

Шмидт слушал свою невестку с жадным интересом, затем стал сам задавать вопросы. Его интересовала каждая мелочь из военной жизни своего сына.

Наконец мы приехали на ферму. Генрих (так звали Шмидта) завел нас в дом и представил своей жене Матильде. Та как увидела Михаила - потеряла дар речи. Как и ее муж, она никак не могла поверить, что перед ней не сын, а внук, которого придумали русские. Но фрау мы убедили быстрее. Когда Михаил назвал ее гросмутер, она совсем расстаяла в умилении и не знала, куда посадить своего Мишеля, чтобы побаловать его своими деликатесами. О нас она совсем забыла, что-то говорила, говорила внуку, подсовывая ему на столе всякие яства. Затем хозяин принес вина и мы стали «обмывать» Мишеля. Тостам Генриха не было конца. Первый его тост был «За святую русскую женщину Дарью, которая подарила им такого прекрасного внука». Когда все мы изрядно охмелели, Генрих предложил выпить за самый счастливый день четы Шмидт во всей послевоенной жизни.

- А теперь давайте выпьем за вашего правнука, - просто предложила Дарья.

Наши немцы совсем опешили. Пришлось объяснять...

- Нет! Нет! Нет! - завосклил сияющий Шмидт, - столько счастья в один день не бывает! Я пьян от него! Господи, как ты милостив! У нас есть наследники!

Затем Генрих засуетился. Он объявил, что немедленно хочет видеть своего правнука. Но мы снова ошеломили старого фермера, пригласив его с Матильдой на свадьбу Михаила и Анны. Генрих не понял и потребовал от нас объяснений. Я вынужден был втолковывать дремучему Шмидту, что у нас в России все делается наоборот. Сначала дети, а затем свадьба. Генрих недоверчиво махнул рукой со словами: «Сколько народов, столько и обычаев».

Нам пришлось пожить у Шмидтов дня три. За это время мы хорошо ознакомились с огромной фермой Шмидтов по производству свинины. Там было чему поучиться и мне, и Михаилу.

Генрих и Матильда закупили для правнука и для молодоженов столько подарков, что пришлось их к самолету загружать в отдельный автофургон. Свадьбу Михаила и Аннушки сыграли на славу. Прадед Шмидт не выпускал из рук своего правнука Ивана и все нахваливал российские нравы: сначала киндер, потом венчание. Но когда я по секрету сказал Генриху, почему так получилось, он тут же выдал меня тостом:

- Давайте выпьем за отсутствие в России предохранительных средств!

Многие из гостей не поняли значения этого тоста, но все равно выпили, а Михаил показал мне кулак...

Но вот отгремела свадьба и гости стали разъезжаться. У Николая никаких проблем. Он забирает свою Ингу с дочкой в Россию. А вот когда дело дошло до Михаила и Анны, Маргарита встала на дыбы.

- Не пущу я Анну в колхоз, - твердила она со слезами на глазах.

Судили-рядили и так, и эдак. Я стал уговаривать нашего зятя остаться в Германии.

- Дел и здесь много, - сказал я, - да и мне пора на пенсию выходить, кто-то должен взять управление фермы в свои руки.

И Михаил сдался. Остался он на ферме пока механиком и мать свою Дарью не пустил обратно в СССР. Словом, нашего полку прибыло. Сколько радости было от такой развязки сложного житейского узла. А мне стало жить совсем весело - ведь при нашей ферме образовалась целая русская диаспора.

Встреча с интересным человеком

Но тут возник с претензией на внука Шмидт - мол, у него тоже ферма и Мишель смог бы там работать управляющим.

Но Маргарита была непреклонной, разве могла она выпустить свое счастье куда-то в Ганновер? Генрих очень расстроился. Тогда я предложил ему переехать с Матильдой к нам на ферму, на его ферме пусть управляющий ведет дело. Шмидт оценил эту идею, но пожелал рядом с нами построить собственный дом.

Через полгода коттедж был готов и супруги Шмидт переехали в него жить. Видеть каждый день свое потомство для них было большим счастьем. Трогательно было наблюдать, как они ежедневно выгуливали в коляске своего правнука Ванюшу, которого они называли Ганц.

Наш Михаил с головой окунулся в механизацию фермы, он реализовывал свой собственный проект, который предусматривал автоматическую раздачу комбикормов в кормушку каждого животного. Данная модернизация производства существенно снижала его себестоимость. У Михаила была хватка делового человека. А мне уж было пятьдесят пять лет и я решил потихоньку отходить от дел. Сначала я назначил зятя исполняющим обязанности управляющего фермы, а спустя полгода и управляющим. Такое доверие его окрыляло. Дела на комплексе улучшались и это не мог не заметить старый Шмидт. Однажды он пришел к нам и предложил объединить его и наше хозяйства. То есть в Ганновере ферма Шмидт становилась филиалом нашей. Мы согласились. Так родственные связи перекинулись на деловые. Михаил стал генеральным директором мощной и процветающей фирмы.

Моя жизнь вошла в спокойное русло, Анна занималась переводами литературных произведений и технических текстов. Время от времени она устраивается в турфирмы гидом с целью совершенствования знаний по языкам.

У меня появилась масса свободного времени и мы с Маргаритой частенько отрывались от дома, проводя свои неограниченные отпуска в круизах и прочих путешествиях по миру. Как это интересно видеть каждый день что-то новое. Жаль только, что время летит так стремительно. Не успели оглянуться, как появилась еще парочка внуков. Инга родила дочку и Анна не отстала тоже внучкой нас осчастливила.

Родители мои давно умерли, но тянет меня, тянет на Родину.

Каждый год к сыну езжу. Ведь, казалось бы, в материальном плане все есть, живи да радуйся, проблем никаких нет. Но Родина есть Родина. Она все время напоминает о себе болью в сердце. Приеду, поживу в деревне месяца три и на душе станет легче. На родине я заряжаюсь бодростью, аккумулярую ее на целый год. Вот и сейчас еду на зарядку. Кто я? Русский? Немец? У меня двойное гражданство. Полная свобода передвижения и выбора места жительства. Все хорошо. Внуки уже выросли. Мы с Маргаритой счастливы счастьем своих детей и внуков. Увы, пришла пора завершать земные дела. Вот такая у меня сложилась жизнь. Если не считать кастрации, мне здорово в ней повезло. Конечно же, моя судьба не типичная. Я где-то делал не так, как требовал Сталин, возможно, меня осудят некоторые моралисты, но я совершал свои поступки, как подсказывала моя совесть. Жизнь ведь дается один раз. А что бы изменилось в мире, если бы я тогда сознательно погиб, погубив при этом своих товарищей? Да ровным счетом ничего, просто мы бы числились безвести пропавшими. Полное прозрение наступило у людей уже после войны, когда узнали сколько роковых ошибок совершил наш кормчий. Цена просчетов Сталина - это миллионы жизней советских людей. Так почему я должен был оплачивать жизнью грехи вождя? А для того, чтобы быть прямолинейным, бескомпромиссным, жестоким - много ума не надо. Вернее, его совсем не надо иметь, а сердца тем более.

Я считаю, что каждый человек должен творить добро, или по крайней мере, он должен стремиться к добрым делам. Если ты кого-то делаешь счастливым, счастье и к тебе возвращается. Это проверенный закон жизни. Злые люди, как правило, заканчивают плохо. Зло, которое они причиняют людям, рано или поздно возвращается и к ним.

Ну вот, Коленька, я рассказал тебе без утайки всю свою военную и послевоенную жизнь. Я боюсь, чтобы ты меня не понял превратно в том смысле, что я нашел свое счастье, благодаря войне. Мне просто больше в ней повезло. Моя судьба не типичная, а скорее всего исключительная. Повторяю - в герои я не рвался на этом свете, но очень хотелось жить.

В истории человечества не было таких кровопролитных войн, как Великая Отечественная. Двадцать семь миллионов жизней советских людей унесла она за четыре года. И только шесть миллионов

Встреча с интересным человеком

погибло немцев, в основном это солдаты. У нас же большинство мирных жителей. Вообще, статистика склонна всегда занижать цифры.

- Извини, мне пора собираться, - засуетился мой попутчик. - А вот эти рюмочки я дарю тебе в залог того, что ты обязательно напишешь обо мне книжечку. Напишешь - обязательно пришли. Вот визитки. Я отблагодарю, Коля, за твой труд, не сомневайся... Хотелось бы еще поговорить с тобой о современной жизни, да нет времени, - быстро говорил Иван Иванович, складывая в чемодан свои вещи. - Вот непродуманные реформы доканали и наш колхоз «Путь к коммунизму». Теперь Николай организовал фермерское хозяйство. Посмотрим, что получится. Если разорится – поедем все жить в Германию на землю Северный Рейн-Вестфалия...

Машеньку с семьей я этим летом хочу забрать с собой. Она меня любит, как родного отца. Мы помогли ей выучиться на экономиста, сейчас она в Волгограде работает. Замужем. Двое детей. Тоже как бы мои внуки. Вот сколько у меня родственников и там, и здесь. Считаю, что жизнь прожита не зря, хотя мы были во время войны пленниками обстоятельств. «Едес зайн» - говорят немцы. Каждому свое... А вот и наша станция! - радостно воскликнул Иван Иванович.

Поезд остановился. В наше купе ввалился мужчина двухметрового роста.

- Знакомься, это мой сынок Коля, - представил мне второпях отец своего великана.

Пожав мне крепко руку, мой тезка схватил два огромных чемодана и пошел к выходу. Я помог вынести остальные вещи и выключил диктофон. Профессиональная привычка записывать собеседника на пленку здесь мне крепко помогла. Иван Иванович даже не заметил мой аппарат. Для видимости я делал в блокноте кое-какие пометки. Почему-то к бумаге у людей больше доверия. А записывающей техники многие почему-то боятся. Словом, весь рассказ попутчика был слово в слово записан на пленке.

Остановившись в одной из гостиниц Волгограда, я не стал долго тянуть с рассказом и принялся за дело под свежим впечатлением от услышанного.

Через две недели пара пробных экземпляра рассказа были готовы, но для заказа серии требовались деньги и я послал одну книгу Ивану Ивановичу с указанием суммы за публикацию. Вскоре деньги были им перечислены на требуемый счет типографии. А я получил благодарственное письмо моего нового друга. Он не ожидал такого скорого выполнения его заказа, был в восторге от книги и пригласил меня к себе в гости в Германию по осени.

О себе.....	3
Скачкову - 85!.....	4
Л. Л. Бакутовой в честь юбилея	6
Журналисту	7
Розовощекий закат.....	8
Советским поэтам.....	8
Юбилей.....	9
Как эта женщина прелестна.....	10
Виктории.....	11
Мире Сергеевне Егерт.....	11
Размышления о старости.....	13
Бересклет.....	14
Таёжные фантазии.....	16
Роковой выстрел.....	18
Абориген.....	21
Похота на небесные краски	24
Календарные приметы	25
Гордись, Россия!	27
Мне снился сон	28
О, если бы я не курил!	29
Геннадью Сергееву - 60!	30
Перед операцией	33
Вспышки	33
Парварда	35
Поклоннице фараонов	37
Славься, славься	37
С днем рождения, районка!	38
Сновидение	40
Клаве Дикуновой	40
Когда к нам явится мессия?	40
Тот день мне не забыть	41
Щербинка	42
Путь в бессмертье	43
Зайцевой	43
Тишина	45
Из графоманов классики растут	45
Александрю Захарову - 50!	46
Гимн Югорску	47
Два близнеца	48

Встреча с интересным человеком

О скряге	48
Светлане из редакции	49
Знай меру, коль ты не богатый	49
Спасение города искусством	50
Дороги наши - поле брани	51
Март	52
Женщинам Югры - 2008	52
Белые ночи	53
Олимпийская победа в Турине	54
Раисе Переваловой	54
Мой дом под северным сияньем	55
Татьяне Гоголевой - депутату думы	56
Песня о Советском районе	56
Галине Логачевой	58
Галине Беловол	58
Еврейский анекдот	58
Женщине с именем Олеся	59
В прощенный день	59
Птичий бунт	60
Родным и близким Сергея Томонова	62
Памяти школьного товарища	63
Газовая атака	66
В больничной палате	67
По мотивам одного тоста	68
Н. К. письмо благодарности	69
Таланцевым И. и А.	72
Кровавая история	73
Христос воскрес!	74
Раисе Ивановне Переваловой	75
Не сердись... ..	76
Белые ночи Югорска	76
Любовь и яблоки	77
Другу детства Николаю Купченко	82
Польский роман императора (Поэма) ..	86
Что мне	106
Женщинам Югры - 2011	106
Малиновскому леспромхозу	108
Женщине с предлогом «за»	110
Ивану Антипину – 75!	110

Николай Бакалов

Был пьян и веселя в дугу (сон).....	111
О времени	112
Сказка о прошлой жизни	113
Утро	115
Откровение	116
Встреча с интересным человеком	118

Дизайн и верстка: А.Л. Шамова

Допечатная подготовка: А.Л. Шамова

Подписано в печать

Формат 60x90/16. Усл. печ. листов 4,75. Печать цифровая.

Бумага SvetoCopy. Гарнитура: AGGalleon.

Тираж 120 экз. Заказ №122.

ООО «Печатный мир»

628240, г. Советский, ул. 50 лет Пионерии, 11 «В».

Тел.: 8 (34675) 3-18-02, тел./факс: 3-22-09

180-00

082482015

Государственная библиотека Югры

